

РУССКІЕ ПРОСТОНАРОДНЫЕ

ПРАЗДНИКИ

И

СУЕВЕРНЫЕ ОБРЯДЫ.

НЕ КОПИРОВАТЬ

ВЫПУСКЪ III.

На нашей улицѣ праздникъ.

Русская поговорка.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. Москва, 1838 года Августа 9 го дня.

Ценсоръ В. Флеровъ.

РУССКІЕ

ПРОСТАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ

Издан. П. Снегирсов.

- I. ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.
- II. КРАСНАЯ ГОРКА.
- III. РАДУНИЦА.
- IV. ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.
- V. СВИСТОЦЛСКА.
- VI. ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ ВЕСЕННИЙ.
- VII. ПЕРВОЕ МАЯ.
- VIII. ПРАЗДНИКЪ КУКУШЕКЪ.
- IX. СЕМЕКЪ.
- X. ТРОПЦЫНЪ ДЕНЬ.

I.

ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.

Вмѣстѣ съ пробужденіемъ природы опть сна зимаго и со вспуцленіемъ солнца въ знакъ Овна начинающся весенніе праздники, гулянья и хороводныя игры, которыя имѣють отношеніе къ времени года, климату, мѣспности и связь съ жишнейскимъ бышомъ Рускаго народа.

Весна, подобно солнцу, называется *красною*. Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ весна именуется *ярь*, *gár* (произн. ярь); у Скандинавовъ *vár*, *vog*, начало весны, на Исландскомъ ааг значить годъ, весну, жашву (1). Слова сіи производспвомъ и знаменованіемъ сходны съ Греческимъ *ἔαρ* весна, происходящимъ опть Еолійскаго *ἄῆρ*, вмѣсто *ἦρ*, Лапин. *ver*. *Ярѣ* является и олицетвореннымъ въ Славянскомъ мірѣ. Въ Далмаціи донынѣ сла-

(1) Нѣм. *Jahr*. Но Слав. *ярь* и Сканд. *var* кажутся шождествеными съ Славянорусск. *варь* и *жарь*. — Edda rythmica, sev antiquior, vulgo Saemundina dicta. v. III. Havniae: 1828, in 4.

вѣсть *Яра* на свадебныхъ пиршествахъ (2), отъ котораго происходитъ и *яровое* и пр. Слова сіи, по видимому, однородны съ Славяно-Русскимъ *Ирѣ*, которое издатели Духовной Владиміра Мономаха почитаютъ за Сарматское слово, объясняя его восходомъ солнечнымъ и теплыми мѣстами, или краями, куда около Покрова дикія птицы улепаютъ и опшуда прилепаютъ около Благовѣщенья (3). Въ Сербскомъ и Болгарскомъ нарѣчіяхъ весна называется *пролѣтъ*, въ Боснійскомъ *proliće*, *primaletje*; а первые три весенніе мѣсяца Мартъ, Апрель и Май въ старомъ Рускомъ языкѣ — *пролѣтіелѣ* и *пролѣтними*, какъ бы предлѣтіемъ. У Чеховъ и Словаковъ первый день Марта, или Березозоля, извѣстенъ былъ подъ именемъ *Letnice*, *Ženské Letnickj*, вѣроятно отъ Славянской Лепницы, Лепы, Ляпоны; въ народномъ Рускомъ языкѣ *лѣто* часто употребляется вмѣсто весны.

Чпозжъ касается до слова *весна*, по оно уже встрѣчается въ Славянской Библии, гдѣ описывается состояніе земли послѣ Потопа (4). Оно созвучно, черезъ преложеніе, съ Еврей-

(2) *Карамз.* II. Г. Р. I, 88.

(3) „И сему подивуемся, како птицы небесныя изъ *Пръа* „идуть.“ см. Духовная В. К. Владиміра Моном. Слб. 1793, въ 4. *Лѣто* у Виндовъ — годъ.

(4) *Бытія* VIII, 22: „*Лѣто* и *весна* не престануть.“

скимъ Nisan, именовъ не только Марта, но и другихъ весеннихъ мѣсяцевъ (5), изъ коихъ Апрель называется Iar (Мяръ). Рейфъ въ Рускомъ Словарѣ производитъ слово *весна* отъ Санскритскаго *Vasantá*, праздникъ *вешний*; но, кажется, оно созвучиѣ съ Инд. *Вишну*, который почитается за первое начало пишательныхъ водъ, за связь всѣхъ существъ (6). Впрочемъ отъ ясности вешней погоды епо время года могло бытъ названо *ясна*, а съ прибавленіемъ губной буквы *в*, нашей дигаммы въ нѣкоторыхъ словахъ: *в=ясна!*

Епошь мѣсяць, по причинѣ случающагося въ немъ весеняго равноденсвія, былъ священнымъ у всѣхъ народовъ, а время непосредственно предъ вступленіемъ солнца въ знакъ Овна было у многихъ порою печали и сѣтованія. Индійцы въ началѣ Марта праздновали малый праздникъ *Durga*, или природы - богини, коей большой праздникъ совершался въ осеннее равноденствіе. Оба сіи праздники вспрѣчаюся съ обоими Байрамами Мусульмановъ. Около епого времени (24 Марта) въ Римѣ бывалъ Цибелинъ праздникъ *Sanguen*, на коемъ жрецы

(5) Dictionnaire historique, critique, chronologique, geogr. et liter. de la Bible, par D. A. Calmet. à Toulouse. t. IV. 1784, in 8.

(6) Religions de l'Antiquité, ouvrage traduit du D. Fr. Krenzer. t. I. à Paris, 1825: in 8.

ея оплакивали убиеннаго Аппса — по мнѣнію Макробія — символъ солнца, возвращеніе ко- его на весну въ слѣдующій день встрѣчаемо было общимъ радостнымъ праздникомъ, *Hilaria* (-). Такъ какъ, по древнему Персидскому календарю, Маршъ былъ не *Ferwerdin*, но *Ader*, поже что Египетскій *Athyr*: по надобно еще замѣнить, что въ етомъ мѣсяцѣ Египтяне вспоминали, общимъ сѣтованіемъ, погребеніе Озприда, который не что иное, какъ солнце, отсутствующее и возвращающееся на весну подъ изображеніемъ *убіеннаго владыки и гроба*. Въ мѣсяцѣ Адерѣ бывала также порже- ственная *ѣзда на ослѣ*, на котораго сажали, на посѣщище народу, балагура; подобный об- рядъ на Западѣ наблюдаемъ былъ въ средніе вѣки и даже въ новѣйшія времена. По свидѣ- тельству Плутарха (8), въ Аѳинахъ пальмо- выя вѣшви носимы были по спогнамъ гра- да въ праздникъ Вѣшвенопенія что и до- нынѣ совершается на всемъ Воспокѣ при брачныхъ обрядахъ. Также въ Индіи, въ концѣ Марша мѣсяца, или въ началѣ слѣдующаго встрѣчаемъ былъ съ пламенниками праздникъ *Darmaradscha* и *Drobede*, въ продолженіи коего

(7) *A. Macrobii viri consularis Saturnaliorum. Eucharius Cer- vicor. excedebat. an 1526, in. f.*

(8) *Plutarchi Theseus, c. 23. — W. Wachsmuth's Hellen. Alterthümshunde. Halle. 1829. 3 Th. in 8.*

посыпались главы пепломъ. Наконецъ, въ весеннее равноденствіе впадалъ одинъ изъ двухъ великихъ праздниковъ у Іудеевъ, *новый св. годъ*, у Персовъ *Newguss*, праздникъ новолѣтія (9).

Какъ Мартъ изкони почитался первымъ мѣсяцемъ міра: по и въ Россіи до XVI вѣка признаваемъ былъ за первый мѣсяць гражданскаго года и сопровождался разными обрядами и играми. Къ этому давала поводъ сама обновляющаяся природа: ибо, когда послѣ весенняго равноденствія начинаюся *утренники*, подуютъ теплые вѣтры весенніе, красное солнце согрѣваетъ заспылую землю, *сѣ горѣ* текутъ вешнія воды; тогда поселянинъ вызывается къ дѣятельности изъ курной душевой избы на пропашники, на чисныя поля и привольные луга; по мѣстамъ бываюшъ торги и *ярмарки*, которыя оживляютъ народную промышленность и способствуютъ къ сближенію людей. Въ вешнюю пору, когда земледѣлецъ собираетъ сѣять *яровое* и садитъ хмель *ярый*: тогда варится *Мартовское пиво*, прославляемое Русскими пословицами и играются на красную горку свадьбы: имъ предшествуютъ и за

(9) Die Feste der alten Christen, oder Denkwürdigkeiten aus der christlichen Archäologie, von D. J. W. L u g u s t i. III B. Leipzig. 1820, in 8.

ними послѣдуютъ хороводныя пѣсни и игры: онѣ поржеспвуютъ *ладѣ* двухъ началъ міра, проявляемаго человекомъ, и обоихъ половъ, изъ которыхъ одинъ прообразуется солнцемъ, а другой луною, которая именуется у Поляковъ *księżyc*. Какъ простой народъ называетъ солнце *Княземѣ*, а мѣсяць, или луну, *Княгиней*: то, вѣроятно, по етому и новобрачный величается *Княземѣ*, а новобрачная *Княгиней*. Самая церковь при вѣчаніи обручаетъ перваго символомъ солнца, золотымъ перспнемъ, а другую символомъ луны — серебрянымъ перспнемъ, въ прообразованіе подчиненія послѣдней первому, и полагаетъ на главы ихъ символъ вѣчнаго союза — *вѣнцы*, извѣстныя въ древностяхъ Греческихъ и Римскихъ (10).

Главный же изъ праздниковъ весеннихъ языческаго происхожденія, знаменующій собою союзъ природы съ жизнью человѣческою — *закликаніе весны*, соединенное съ *изгнаніемѣ* мерзвящей *зимы*, или *смерти*; онъ извѣстенъ не только у Балтійскихъ Славянъ, но и во многихъ мѣстахъ Германіи подъ разными названіями.

У Скандинавовъ, особенно у древнихъ Шведовъ, начало весны или *Höfudblót*, въ Язы-

(10) Потребникъ мірской. Москва. 1639. въ листъ.

чествѣ было главнымъ и великимъ празднествомъ, особливо въ Упсалѣ (11), которое сопровождалось торжественными жертвоприношеніями, торгами, играми, въ продолженіи цѣлой недѣли, въ концѣ Феврала, который у язычниковъ и Хрістіанъ именовался мѣсяцемъ *отистительнымъ*. У Чеховъ и опчаспи у Нѣмцевъ первое число Марша почипалось за начало весны и первымъ днемъ въ мірѣ. *Nie wart der erst dag in der welta*, по старинному Нѣм. календарю (12). Какъ у Персовъ, такъ и у древнихъ Славянъ тогда въ Язычествѣ совершалась торжественная призна съ жертвоприношеніями и факелами: во многихъ Славянскихъ земляхъ донинѣ, по замѣчанію Карамзина, сохранились слѣды праздника въ честь мерпвыхъ, сходнаго опчаспи съ Рускою Радуницею, когда, по свѣдѣтельству Споглава, *творили оклитки покойникамъ*. Въ началѣ Марша тамъ воспѣвалась кончина зимы и сжигалось соломенное ея чучело (13). Епомъ праздникъ у южныхъ Шведовъ и Готловъ, у Силезцевъ и

(11) Edda Saemundina, p. III. continens locupletissimum priscorum borealium Theosophicae Mythologiae Lexicon atque eorundem gentile Calendarium.

(12) Geschichte der Meinungen älterer u. neuerer Völker, 2 Th. Brendal. 1784, in 12.

(13) Handbuch der Germanischen Alterthumskunde von Dr. G. Klemm. Dresden. 1836, in 8.

Чеховъ также извѣстенъ подѣ именемъ *за-мореной зилы и возобновляющейся весны. См. Масляница.* У послѣднихъ весна, называемая *Мараною*, встрѣчается пѣсней :

Giż nesm smret ze wsy,
 Nowé léto do wsi.
 Wjtey létu libezné,
 Obiljéko zelene !

п. е. „Уже несемъ смерть изъ веси; а новое „лѣто въ весъ. Здравствуй, любезная весна и „обиліе земное (зеленые хлѣба)!“ Около етого времени, донинѣ въ Бѣлоруссіи и Липвѣ поселяне носятъ пищу на могилы родительскія.

Польскій Историкъ въ XVI вѣкѣ Маршинъ Бѣльскій говоритъ : „Мечиславъ въ „965 году опъ Р. Х. приказалъ бросить въ огонь деревянные испуганы, а каменные по- „попить въ водѣ. Опного и донинѣ (п. е. „до 1576 года) сущесствуетъ пость обычай „въ великой Польшѣ и Силезіи, что седьмого „Марша попятъ *Маржану*, нарядивъ ее женщи- „ною и вышедши изъ деревни, поютъ: Смерть „въешся по заборамъ, ища себѣ поживы.“ Ю- „акимъ Бѣльскій въ 1597 г. подтверждаетъ свидѣтельство своего отца слѣдующими сло- „вами : „На моей еще памяти, сущесствовалъ „у насъ етотъ обычай по деревнямъ, что „въ бѣлую недѣлю (соопвѣстствующую 5 й „недѣлѣ великаго поста, или похвальской)

„попили болвана, нарядивъ снопъ конопли
 „или соломы въ одежду человѣка: его про-
 „вожала вся деревня къ ближнему озеру или
 „пруду, гдѣ снявъ съ него одежду, бросала
 „въ воду съ приговорами“ (14). Изъ древняго
 обычая и свидѣтельствъ Бѣльскихъ видно,
 что Маржана была женщиною, а чучело —
 образомъ ея кумира, хотя Лелевель и почи-
 паетъ Маржану за растение, извѣстное у
 насъ подъ именемъ марены, полагая, будто
 оно сообщило названіе народному празднику.
 Длугошъ (15) сравниваетъ *Маржану* съ Це-
 рерою, матерью и богинею земныхъ плодовъ,
 и свидѣтельствуемъ о великомъ почтеніи къ
 оной Поляковъ: что подтверждаетъ и Нару-
 шевичъ. Такое пропигворѣчіе въ значеніи Мар-
 жаны, сходной съ Славянскою Сивою, Виндій-
 скою Дзидзилією и Чешскою Мораною, согла-
 сить можно тѣмъ, что въ матери-землѣ со-
 четаются смерть, рожденіе и плодотвор-
 ность (16).

Слѣды епного міра, относящагося къ вре-
 мени года и къ жизни человѣческой, встрѣ-
 чаются въ Исландской, Нѣмецкой и Славяно-

(14) *Kronica Marcina Bielskiego*. Warschawa, 1764. f.

(15) *Ioannis Dlugossii historiae Polonicae libri XII*, ed. Gabr. Groddeckii. Lipsiae. 1711, f.

(16) *Mythologie der alten Deutschen u. Slaven*, von Anton Sfanу. 2 T. Znaim. 1827, in 8,

Руской Миеологіяхъ. У Исландцевъ *Marra*, или *Marra*, у Англичанъ *Night-mare*, у Веспфальцевъ *Maftmäre*, у Чеховъ *Morusi* значить *кикилора*, постѣнь, о коемъ Скандинавы думали, что онъ мучить людей во время сна до тѣхъ поръ, пока не лишитъ жизни. Это подтверждается Исландскою поговоркой: *Maren trad hann*, т. е. постѣнь его давитъ, верхомъ ѣздитъ, поже что у Нѣмцевъ: *der Mafr ihn drückt*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Юпландіи употребляется слово *Marra* вмѣсто кляпвы, у Нѣмцевъ *Mafr*, домовоі, привидѣніе. Въ Польскихъ миеахъ *Marra* также значить призракъ, отъ коего производятъ и *Marzec*, какъ видно изъ слѣдующихъ словищъ :

Sen mara, Bóg wiara, т. е. сонъ мечта, а Богъ вѣра, или Грозень сонъ, да милоспиевъ Богъ.

Miesiąc marzec zwykł starych straszyć marami, т. е. мѣсяць Маршъ привыкъ спращать спариковъ марамъ (призраками) (17).

Въ Малороссіи между проспымъ народомъ сохранилась слѣд. брань, напоминающая *Марану*: *Мара свитова*, т. е. ека ты сапана! разумѣя подъ ешимъ злаго, душегубнаго духа, летающаго по свѣту и сходнаго съ Рускою *Варагушею*, *Кулохою*, *Веспухою*, *Віошницюю*, копорая ве-

(17) *Gry i zabawy różnych stanów w kraju całym, lub niektórych tylko prowincyach; opisane p. L. Gołębiowskiego. w Warszawie. 1831. in 8.*—Замѣч. Профессора Лобойки.

сною насылаешъ лихорадку мучить людей. Въ Карпатахъ доселѣ также извѣстна брань: *Мара бы ты взяла!* Изъ ешого видно, что какъ весною, при переходѣ одного времени года къ другому и взаимной борьбѣ того и другаго, состраждетъ природа, а съ нею и человекъ: то сіе и олицетворено въ Марѣ (mors, морь?). У Малороссіянь Веснянка есть остатокъ Мараны, забытой въ Польшѣ и неизвѣстной въ Великой Россіи. Въ Харьковской Губерніи *Мареною* называется чучело изъ черноблена, одѣтое въ женское платье; вокругъ его дѣвки въ Семикъ поютъ и пляшутъ. Если имя Мараны означаетъ, что Маршъ былъ временемъ посява: то чшители ея должны были жить южнѣе, чѣмъ ихъ попомки, которые не могутъ сѣять яроваго прежде Апрѣля на Северо-Востокѣ Россіи (18). Вѣроятно Маршъ, какъ первый мѣсяцъ первой половины года, начинающейся съ весенняго равноденствія, долженъ быть порою сѣянія у народа земледѣльческаго, поклонявшагося Маранѣ, смотря по географическому его положенію, а *закликаніе весны и изгнаніе злыи* — остатками празднества въ честь ешого божества, въ коемъ смѣшиваются разноплеменные мнѣи.

(18) Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. Guthrie, à S. P. 1795, in 8.

Въ Украинѣ весною (такъ какъ въ Греціи *χελιδονια*) дѣтки нося въ рукахъ сдѣланную изъ дерева ласпочку, ходящъ съ нею по домамъ славитъ наступленіе весны, которая именуется въ Малороссіи *Ярыо* и *Зеленакою*. Вообще тамъ, когда „разъ, паешъ снѣгъ, щука разобьешъ хвостомъ „ледъ на рѣкѣ, а пшичка овсянка запоешь „свою Веснянку“: тогда дѣвушки въ первый праздникъ, собравшись на хороводы, ходящъ по улицамъ и привѣщиваютъ весну пѣснями; это называется *Веснянками*, кои тамъ поюцца до Троицына дня (18). Въ Черниговской Губерніи Веснянки начинаюцца съ Благовѣщенья. Въ Великой Россіи по мѣспамъ подъ *Веснянками* извѣстны мнѣшескія существа женскаго пола, кои являютца только весною, такъ какъ *Зимнянки* зимою, а *Осенянки* осенью.

Встрѣча и окликаніе весны приходяцца, смотря по климату и мѣспиноспи, въ разное время, и дѣлаешся различнымъ образомъ.

Въ Смоленской Губерніи, по деревнямъ бабы, дѣвки и малыя ребяты взлезши на крышки свиреней (хлѣбныхъ амбаровъ), или взошедши на горы, *клитутъ весну* дважды: въ день Евдокеж *весновки* и на Сѣроцк, припѣвая:

(19) Енциклоп. Лексиконъ, т. X, стр. *веснянка*.

Весна красна!

Что ты къ намъ принесла?

Красное лѣтечко.

Въ Буйскомъ уѣздѣ Костромской Губ. въ великій чепвергъ, рано поуспру, *окликаютъ весну*. Въ XVI еще вѣкъ, въ Великой Россіи, какъ видно изъ Споглава, тогда „по рану солому палили и кликали мертвыхъ.“ Догныѣ еще во многихъ мѣстахъ, по древнему повѣрью, въ епопъ день упромъ, предъ восходомъ солнца купаются для здоровья. Около Буя и Солигалича, тогда же, при восхожденіи солнца, поселяне трижды погружаются въ воду, трижды кувыркаются по землѣ и потомъ по углу взлезаютъ на избу и поютъ пѣсни въ честь весны. Въ Чиснопольскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Сосновкѣ, въ великій чепвергъ, при полночномъ пѣніи пѣпуха, бѣгутъ дѣвки и парни съ пѣснями на рѣчку Бахшу почерпнуть воды, *пока воронѣ не облякнулѣ въ нее крыла*. Епою водой они умываются. Если раскрылись воды: то Буйскія дѣвки входятъ по поясъ въ рѣку и въ водѣ схватяся руками одна съ другою, припѣваютъ: *Весна, весна красная, приди, весна съ милостью, съ милостью, съ великою благостью!* Еслижь не раскрылись воды: то дѣвки схватяся за руки, вертятся вокругъ проруби съ пѣми же припѣвами. Въ Пепрозаводскѣ встрѣчаютъ

весну первое Мая съ соломеннымъ чучеломъ, которое подъявъ на шестъ, спавяптъ на горкѣ, попомъ садяпся вокругъ него шривать и, по окончаніи пиршества, сжигаютъ чучело съ пѣснями и плясками. Въ Тульской Губерніи, съ Оомной недѣли *закликаютъ*, а въ Калужской *зываютъ* на горкахъ весну хороводными пѣснями съ припѣвами: *ой Дидѣ, ой Лудо!* кои вездѣ повтораюпся въ это время и напоминаютъ Липовскаго *Дидисѣ-Лудо*, т. е. великаго Лудо, какъ фактъ историческій о вліяніи Липовской Теоократіи на Славянскія поколѣнія древняго Сѣвера, или, можешъ спашься, наоборотъ (20). Въ Тульской же Г. передъ захожденіемъ солнца поселяне обоого пола сбираюпся на ближній холмъ или пригорокъ; съ лицомъ, обращеннымъ на востокъ, преговоритъ молишву, спановятся въ хороводъ. Запѣвальщица съ круглымъ хлѣбцемъ въ одной рукѣ и съ краснымъ ящцемъ въ другой начинаешъ слѣдующую пѣсню:

Весна красна!
 На чемъ пришла?
 На чемъ приѣхала?
 На сошечкѣ,
 На бороночкѣ.

(20) Сѣверная Пчела, 1835 г. — *Dzieje starożytne narodu Litewskiego p. T. Narbutta. t. I. Mitologia Litewska. Wilno. 1835, in 8.*

Какъ и всѣ дѣвки на умпѣ,
 И всѣ красныя на широкой;
 Одной дѣвки нѣтъ:
 Сидитъ она во теремѣ,
 Ширинку шьетъ золошомъ,
 Узду везетъ песенную.
 Ахъ! горе великое!
 Кому-то достанется?
 Достанется моему суженому,
 Моему ряженому.

Во многихъ мѣстахъ Россіи игры хоро-
 водныя, начинаясь отъ Красной горки, про-
 должаются до Ярилы, или до Всесвятскаго
 заговѣнья, въ которое *проводается весна* по
 закатѣ солнца. Въ играхъ сихъ содержатся
 мимическія представленія изъ народнаго быта,
 коихъ содержаніе выражается относящими-
 ся къ нимъ пѣснями; онѣ соединяются съ ка-
 чаньемъ на качеляхъ и скаканьемъ на доскахъ.
 Первый весенній дождикъ встрѣчается пѣ-
 сню, которую такъ поютъ въ Коспромской
 Губ. въ Нерехотскомъ уѣздѣ:

Дождь, дождь!
 На бабину рожь,
 На дѣдову пшеницу,
 На дѣвкинъ лень,
 Поливай ведромъ.

У Русскихъ есть общее съ Исландцами
 повѣрье, что весною, особенно въ первый

день Пасхи, *солнце играетъ* (21). У первыхъ креспьянскія дѣшкы поютъ солнцу:

Солвышко, вѣдрышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣшки плачуть,
Сырѣ колуцають,
Собакамъ бросають;
Собаки-то не ѣдятъ,
А куры-то не клюють.

При первомъ громѣ обыкновенно поселяне умываются съ золота, серебра и съ куриного янца; изъ естественныхъ явленій выводятъ разныя примѣпы о погодѣ и урожаѣ хлѣба.

Какъ первый весенній праздникъ изгнанія зимы проявляетъ побѣду жизни надъ смертію, такъ оцѣпчаніе весны и усопшихъ знаменуетъ *ладѣ* человека съ природой, которая возобновленіемъ своимъ призываетъ его къ очищенію, напоминая смерть и воскресеніе. Съ этимъ празднествомъ языческаго происхожденія соединяются и за нимъ послѣдуютъ другіе народные праздники и гулянья весеннія, о коихъ мы скажемъ особенно, какъ-то: *Красная горка*, *Вьюнецѣ*, или *Вьюнитство*, *Радунца*, *первое Апрѣля* и *первое Мая*, *Юрьевѣ день*, *Свистопляска*, *Семикѣ* и пр.

(21) Edda Saemundina, t. III.

II.

КРАСНАЯ ГОРКА.

Въ Великой Россіи почти вездѣ народъ подѣ именемъ *Красной горки* разумѣеть время, мѣсто и дѣйствіе, которыя сливаются въ епомъ народномъ названіи.

Красная горка обыкновенно начинается съ *Омина Воскресе^{дн}ья*, которое въ Восточной церкви называется *'Αντίπαβχα, κυριακή τοῦ Θωμᾶ, καὶ τῆ κυριακή*, новое Воскресенье, въ Западной церкви *Dominica alba, или in albis*, бѣлое Воскресенье, *der weiße Sonntag*. С. Григорій Назіанзинъ къ етому времени относитъ праздникъ весны (1). Наименованіе недѣльнаго дни *бѣлымъ* объясняется изъ обычаевъ первенствующей церкви облакать новобрещенныхъ въ бѣлую одежду, которую они носили во всю Св. недѣлю и слагали въ бѣлое Воскресенье; а наименованіе *Красною горкою* ведутъ

(1) *Gregorii Naz. or. 42.* —

свое начало отъ древняго вѣрованія и жишейскаго быта Рускаго народа. Не останавливаясь на хрістіанскомъ обычаѣ, совершенно противоположномъ по существу своему народному, перейдемъ къ послѣднему, какъ предмету нашего изслѣдованія.

Красная горка одинъ изъ народныхъ праздниковъ *красной весны*; съ него начинаются хороводныя игры на горахъ и долинахъ, играются свадьбы, по Рускому выраженію; *на красную горку*.

Какъ ешотъ праздникъ народный сошпощъ въ шѣсной связи съ временемъ года, природою, мѣстностью, бытомъ жишейскимъ и съ древними вѣрваньями: по разсмашривая его въ такихъ отношеніяхъ, обратимъ вниманіе на самое значеніе словъ *Красная горка*.

Избони горы, какъ колыбели челоѡчества, родина и обитель боговъ и еспеспенные предѣлы владѣній (*ѡрог* горы, *ѡрог* предѣлы) почитались священными и служил шребшцами для языческихъ племень древняго міра, копорья, по словамъ С. Писанія *сградаша сіи себѣ высокая и столпы и капища на всякомѣ холмѣ висоцѣмѣ* (2). Кромѣ другихъ народовъ, также у Нѣмцевъ, Сла

(2) Ш *Дарствъ*, гл. XIV. На Еврейск. *гора* нар.

вянъ и Липовцевъ горы, горки, горщицы, крутицы (Górgy święte, Kalnas) бывали мѣстами богослуженій и мольбищъ, гдѣ спояли у нихъ испуканы, приносились жерпвы, погребались умершіе, горѣли огни, необходимые для пировъ жершвенныхъ, совершались разные обряды и игры. На горахъ опправляемы были судъ и расправа; у Франковъ и Сѣверныхъ народовъ находились горы суда (Malloberg, Lögberg) (3). Въ Кіевѣ, по сказанію Неспора, на холмѣ, оскверненномъ кровли, сооружена была церковь С. Василія. Объ епомъ свидѣтельствуютъ самыя названія многихъ горъ въ Германіи, Польшѣ, Липвѣ и Россіи, гдѣ замѣчается особенное въ Древности горопоклоненіе. Если приняшь справедливымъ мнѣніе нѣхъ писателей, которые утверждаютъ, что Рускіе Славяне не имѣли храмовъ и опправляли богослуженныя свои обряды на опкрытыхъ мѣстахъ: то съ нѣкоторою вѣроятностію можно полагать, что холмы и горы замѣняли у нихъ капища и пребища. Таковы должны бытъ горы святыя, поклонныя, лысыя, красныя, русыя, терныя,

(3) Deutsche Rechts-Alterthümer von Iac. Grimm. Götting. 1828, in 8. — Origines du droit français, cherchés dans les symboles et formules du droit universel, par M. Michelet. Paris. 1837, in 8.

тервонныхъ, терныхъ, ерелигя и п. д. По древнему повѣрью, существующему въ Польшѣ и Силезіи, на красныя горы собираются духи мужескаго пола, а на лысыя женскаго. Наши мнѣжескія *Горыни* поже, что Греческія *Ореады*. Въ Пруссіи долго вѣрили просполодины, что сиреневое дерево служитъ приютомъ дьяволовъ, копорыхъ называли *красными людьми*. Въ Моравіи близъ Брюнна, есть *Spießberg*, игорная горка, гдѣ стоялъ Перуновъ храмъ между двумя священными дубами: испуганъ его держалъ въ правой рукѣ красный сошникъ, а въ лѣвой копье съ бѣлымъ знаменемъ. Опъ игръ, опправлявшихся въ честь Перуна, гора сія названа *игорною* (4). Въ Германіи встрѣчаются урочища подъ именемъ *Красныхъ горъ*, кои на Нѣмецкомъ именуется красивыми, *Schönberge*. Такъ въ Богемскомъ городѣ Берунскѣ (не опъ Перуна ли?) *krásná hora*, а въ Венгріи мѣстечко и городъ *krásná hora*, по переводу Нѣмцевъ, *Schönberg*. Въ Польшѣ, Силезіи и Черной Русы есть горы, извѣсныя также подъ именемъ *тервонныхъ* (*czerwona góra*). Въ великой и малой Россіи встрѣчаемъ много старинныхъ урочищъ подъ названіемъ *красныхъ горъ, горокъ, холмовъ и красницъ*, на

(4) *Mythologie der alten Deutschen u. Slawen*, von A. Skáni. 2 Th. Snaim. 1827, in 8.

конхъ иногда попадаются и *городища*. Въ самой Москвѣ естъ на Неглинной церковь С. Георгія Побѣдоносца на *красной горкѣ*. Одинъ изъ пригорковъ маковицы С. Троицкой Лауры слыветъ *красною горкою*, опъ коей верстахъ въ десяти, среди Бѣлухинской рощи и Воздвиженскаго естъ мѣсто, называемое *Бѣлые боги*. Въ Спаричкомъ уѣздѣ на *Красныхъ горахъ* былъ упраздненный *Красногорскій Никольскій* монастырь. Въ Новгородѣ 1415 г. сооружена была у Плотническаго конца церковь Воскресеніе на *Красной горкѣ* (5). Во Владимірской Губ. находится *Красногорская Болдырева* пустынь, нынѣ обращенная въ приходскую церковь, въ Тамбовской Г. *Красногорская* жъ *Лебедянская* и *Красногорская Романовская*, въ Полшавской Г. *Красногорская Чернуская* пустыни. Въ Черниговской Губерніи, въ двухъ верстахъ опъ Гадяча внизъ по теченію Псіола, на *Красной горѣ* стоить *Красногорскій Николаевскій* монастырь, основанный въ XV вѣкѣ, а близъ города Золотоноши *Красногорскій Золотоношскій* монастырь (6).

Не доѣзжая Архангельска, на берегу Пинеги, находится на гористомъ мѣстѣ

(5) *Харамз.* И. Г. Р. т. V, прим. 254.

(6) *Исторія Россійской Іерархіи*, ч. IV, М. 1812, т. 8.

Красногорскій монастырь, который издревле, по окружавшимъ его мрачнымъ лѣсамъ, назывался *Черногорскимъ*, а попомъ, по очисти-тѣ лѣсовъ, по причинѣ красиваго положенія, переименованъ *Красногорскимъ*. Въ Ялуторовскомъ уѣздѣ Тобольской Г. острогъ называется *Красногорскимъ*; а въ Оренбургской Губернiи есть *Красногорская крѣпость*, получившая свое имя отъ красновапаго пла, смѣшаннаго съ пескомъ, коимъ покрыта вся еша гора подлѣ самаго Урала (7). На полуостровѣ Камчаткѣ сопка, а въ Финскомъ заливѣ мѣстечко называюща *красными горками*. *Красные холмы* въ Москвѣ урочища (8), а въ Тверской Губернiи два бывшіе города, нынѣ одинъ слобода, другой безуѣздный городъ. Въ Галичѣ Всесвятская гулянка бываетъ при холмѣ *Красница*. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ порговъ или ярмарокъ бывають и слывуть *на красную горку*. Въ Козельцѣ порги называються *красными*, изъ коихъ одинъ бываетъ на Красную горку, въ концѣ Св. недѣли (9); въ *Краснолѣ - Колядинѣ*, мѣ-

(7) Словарь географическiй Россiйскаго Государства, собран. *А. Щекатовымъ*. Москва, ч. 3. 1804, въ 4.

(8) *Красный холмъ*, или *путь*; отсюда и *Путьши*, на коихъ и церковь Св. Николая Чудотворца.

(9) Академическiя извѣстiя на 1780 г. ч. IV и V. Спб. въ 8,

спечкѣ Прилуцкомъ собираются три ярмарки въ году. По замѣчанію Гг. Норова и Чершкова, *Красныя горы* (*monti rossi*) находятся и въ Сициліи.

Изъ приведенныхъ здѣсь топографическихъ свидѣтельствъ явствуетъ, что прозваніе *горбъ* и *холмовъ красными*, происходя отъ разныхъ причинъ, имѣетъ различное знаменованіе; но большая часть прозваній основана на сходствѣ идей и вѣрованій древняго быта народнаго въ Славяно-Русскомъ мірѣ, гдѣ слово *красный* играетъ важную роль.

Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ *красный* (*krasni*) принимается въ смыслѣ красивый, цвѣтущій, веселый, опрадный, опличаясь отъ *германнаго*, *гервоннаго*, алаго, багрянаго (*russus*) цвѣта, столь любимаго Русскими, у которыхъ *красный* принимается въ послѣднемъ смыслѣ. Въ Славянорусскихъ церковныхъ книгахъ *красный* выражаетъ то же, что Греческія слова: *ἄραιος* цвѣтущій, веселый, *ἔυμορφος* благообразный, *ἔυειδής* миловидный, *περίβλεπτος* пресловутый, *ἔυπρεπής* (10) благолѣпный, *τερπνός* усладительный, опрадный. Самый звонъ отъ Оминой недѣли до недѣли всѣхъ Святыхъ по церквамъ (во всѣ

(10) Лексіконъ трехъязычный, сиречь реченій Славянскихъ, Еллиногреческихъ и Латинскихъ сокровище. Москва. 1704, въ 4. Псл. 44, 3. Красень доброшюю, *ἄραιος κάλλει*.

колокола безъ большаго) въ церковномъ успавѣ названъ *краснымъ*: церковь въ Московскомъ Кляпѣ С. Николая Чудотворца слыветъ *красный звонъ*. Даже въ народномъ языкѣ *красный*, отъ *красы*, означаетъ свойства предметовъ неодушевленныхъ и одушевленныхъ, чувствительныхъ и отвлеченныхъ, вмѣсто красивый, хорошій, цвѣтущій, пригожій, изящный, а *прекрасный* есть превосходная степень. Русскій называетъ *поля, холмы, пруды, сѣла, дворы, ворота, окна красными*, даже первыхъ дѣтей, дѣвицъ, *день, жизнь, смерть, рѣчь* (краснорѣчіе), *бѣсѣду красными*; что видно изъ его пословицъ, поговорокъ и пѣсенъ. Самая *весна* и *лѣто* именуется *красными* по ясности погоды и приятности обоимъ временъ года, когда природа является намъ во всей *красѣ* и *лѣпотѣ* своей. Нынѣ въ употребительномъ языкѣ *красный* болѣе означаетъ одинъ изъ простиыхъ цвѣтвовъ, меньше прочихъ подверженный преломленію солнечныхъ лучей, и похожій на кровь и огонь.

По шаковому соображенію, *Красная горка* значить красивая по мѣстоположенію и веселительная по играмъ, какія обыкновенно бывали и доселѣ бываютъ. Руская народная игра *горѣлки*, начинающаяся съ *Красной горки*, есть родъ *хоровода, жированья* и едва ли не превосходитъ отъ Греческ. *γῦρος* кругъ и

гугае кружиться. Въроятно горѣлки сопровождались въ языческой древности у Славяно - Руссовъ *горѣнїемъ огней* и завѣтными обрядами особенно на горахъ потому, что играть въ *хороводы на красную горку*, по большей части, собираются на высокія мѣста, холмы и пригорки, тогда особенно, когда начнутъ распускаться деревья. Въ Вязьмѣ, при началѣ весны, сходятся невѣсты и женихи, въ праздничныхъ нарядахъ, на возвышенное мѣсто, которое тамъ слышеть *Красною горкою*. Тоже встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ вообще подъ ешимъ именемъ разумѣется и пора, благопріятствующая свадьбамъ и мѣста весеннихъ игрищъ, упоминаемыхъ лѣтописцемъ нашимъ. см. ниже,

Когда теряется коренная идея предмета: тогда обыкновенно прививаются къ нему другія, выводимыя изъ ближайшихъ къ народу отношеній мѣстности, върованій, обычаевъ народнаго быта. Такъ и значеніе Красной горы производимо было отъ первой муравы красновага цвѣта послѣ снѣгу, отъ лубка, на коемъ капаютъ яицы красныя, отъ родительскихъ могилъ, на кои о Свяшой и Оминой недѣляхъ кладутъ также яица, отъ Венериной горки (*mons Veneris*) въ женскомъ шлѣ, отъ красной или алой **наводки** на брачной поспедѣ и ш. д. Но

подобные предметы едва ли могли сообщить названія споль многимъ урочищамъ въ Славяно-Рускомъ мірѣ, кои свидѣтельствуютъ намъ о памянникахъ древняго вѣрованія народа, о переходѣ онаго въ повѣрье и обычай, пѣмъ вѣрояннѣе, что большею частію на Красныхъ горкахъ стояли св. храмы, заспуавшіе, при переходѣ отъ Язычества къ Хрістіанству, мѣста языческихъ пребищъ и мольбищъ. При томъ, не вездѣ *красныя горы* стояли на брасвомъ мѣстоположеніи.

По общему употребленію и по отношенію къ повѣрьямъ древняго быта народнаго, *Красныя горы* издревле должны были мѣстами игрищъ, какими начинается красная весна — пора брачныхъ союзовъ. Доселѣ во многихъ селеніяхъ Тульской и другихъ Губерній горы или пригорки, на кои собираются поселяне весною, слышатъ *красными горками*. Какъ въ епомъ празднествѣ природы и челоѣка смѣшиваея время съ мѣстомъ: то и *Красная горка* принимается за то и другое въ народномъ быту и языкѣ; вѣрочемъ названіе перенесено ко времени отъ мѣста, хотя первымъ украшаея послѣднее. Сама природа ошърываетъ челоѣку ошущительное сходство юности возраста челоѣческаго съ весною, и какъ обновленіе естества начинаея съ весны, такъ и юношество вспу-

пая въ брачный союзъ, *идетъ на гору*; самая беременность называется *горкою*.

Въ пѣсняхъ Красной горы повторяется *Ладо* или *Лада*, такъ какъ у Поляковъ *Дана*, *Дада*. Ладу Липовцы величали *золотою*; она вѣроятно была то же, что у Обдорцевъ *Золотая баба*. Около Межибожья въ Подольской Губерніи поселяне на играхъ въ дни Пасхи поютъ о *Царевнѣ Ладѣ*, а подъ Бреспьемъ Липовскимъ о *Королевнѣ Ладѣ*. У Друидовъ находилась на одномъ островѣ богиня *Llad* (11). Ладъ или Ладо, обоихъ половъ въ природѣ была любовь, а въ баснословіи богиня красоты и любви то же почпи, что Римская *Suada*, *Свада*, покровительница *свадебъ*. Ладъ вѣроятно посвященъ былъ весенній праздникъ Красной горы; по етому *ладъ* значитъ и супружеское согласіе, а *ладиться* въ областномъ нарѣчій — женишься. Дидъ или Дидисъ Липовское слово — великій, если не Греческое *δαΐδω* боюсь. Ладъ или Лада могли быть великими, спрашными и таинственными, какъ судьба. Какъ извѣстная игра и пѣсня *прособѣаніе* на Красную гору доселѣ существуетъ въ Красной Руси: то съ вѣроятностію можно заключать, что онѣ перешли на Сѣверо-Востокъ

(11) On Anglo-Saxon laws and customs, in t. Gentleman magazine. Aug. 1825. in 8.

Россіи отъ Юго-Запада съ прочими повѣрьями и обычаями и тамъ обрусѣли.

Празднованіе Красной горки въ разныхъ мѣстахъ Россіи сопровождается разными обрядами. Въ слободахъ Переславлѣ-Залѣскаго, ежегодно собирались въ Омино воскресеньемъ, послѣ обѣда, и полною хаживали по тѣмъ домамъ, въ коихъ бывали того года свадьбы, съ приговорами: *Вьюнъ вьюница, отдай наши яицы!* Молодые должны не только давать яицы и куличи, но даже поить ихъ виномъ и пивомъ (12). Такое жъ хожденіе бываетъ и въ Нерехотской округѣ, гдѣ ребяшны ходяшны бѣсѣдою къ каждому дому и подъ окномъ поюшны: *Вьюнъ да вьюница, давай, яицо; а не дашъ яица, придетъ вѣтрица.* Тогда изъ каждаго дома даюшны окликальщикамъ по нѣсколькы яиць. Гдѣ же находяшны новобрачныя, тамъ угощаюшны ихъ пивомъ и виномъ. Такихъ бѣсѣдъ иногда въ одномъ селеніи ходишны до восьми и девяти, даже окликаюшны мальчишны лѣшны пяти своею бѣсѣдою. Собравъ яица съ селенія и сдѣлавъ яишницы, они пируюшны. Это обыкновеніе называется *Вьюнитствомъ*, вѣроятно, отъ слова *юншй*. Въ Галичѣ, въ Омину недѣлю, слывущую у простолюдшновъ *Радоницами*, гуляешны народъ послѣ по-

(12) Исторшй. географ. и топограф. описаніе Переяславлѣ-Залѣскаго, сочшн. *И. Шшцкина*. Москва, 1802, въ 12,

луночки и до свѣту, расцѣвая подѣ окномъ:
Юница, молодица, подай лицо въ перепету!
 Тогда молодые подчуютъ ребяты водкой и
 пивомъ, ладышками, казанками, а дѣвицы
 пряниками и красными ящцами.

Въ Спаскѣ Рязанскомъ Оомно Воскресе-
 сенье дѣвки и женщины въ праурномъ платьѣ
 (черномъ и бѣломъ) идутъ послѣ обѣдни на
 кладбище съ разнымъ кушаньемъ и питье-
 емъ кланяясь покойнымъ родственникамъ,
 плачутъ съ причитаніями, капаютъ ящцы
 на ихъ могилахъ и попомъ ѣдятъ и пьютъ,
 выливая остатки вина на могилы. Послѣ
 переодѣвшись дома въ праздничное платье,
 идутъ играть на *красную горку*.

Изъ хороводныхъ игръ Красной горки
 извѣстно во всей Россіи *Сѣяніе прѣса*. Это
 драматическое представленіе произошло изъ
 быша земледѣльческаго Славяно-Руссовъ. пи-
 павшихся, по свидѣтельству Маврикія, еще
 въ 11 вѣкѣ епископомъ житоюмъ (15). На игри-
 ще собираются въ деревьяхъ подѣ вечерокъ
 красныя дѣвицы и добрыя молодцы на лугъ
 или на улицу, сначала отдѣльно одни отъ
 другихъ, попомъ соединяются въ одну кучу;
 тогда является *хороводница*, или всеобщая

(13) *Карамз. И. Г. Р. ш. I, прим. 8, 145, 159.*

кума [какъ у древнихъ Грековъ и Евреевъ
либоначалаица], безъ которой ничего не
дѣлается въ играхъ, и заѣваешь :

Какъ на уляцѣ дождикъ накрапываетъ,
Хороводъ красныхъ дѣвокъ прибываетъ.
Охъ, вы, дѣвушки, поиграйте!
Ужъ вы, холостые, не глядите!
Вамъ гляденьцемъ дѣвушекъ не взяли,
Ужъ какъ взяли ли, не взяли ли по любви,
Что по башюшкину повелѣнью,
По матушкину благословенью.

Играющіе расходяща на двѣ спороны,
одна противъ другой; хороводница спойшетъ
впередѣ первой половины :

1 половина : А мы просо сѣяли,
Ой Дидъ - Ладо сѣяли.

2 половина : А мы просо вытопчемъ,
Ой Дидъ - Ладо вытопчемъ.

1 половина : А чѣмъ же вамъ вытопшатъ?
Ой Дидъ - Ладо, вытопшатъ?

2 половина : А мы коней выпустимъ,
Ой Дидъ - Ладо, выпустимъ.

1 половина : А мы коней перейдемъ,
Ой Дидъ - Ладо, перейдемъ.

2 половина : А чѣмъ же вамъ перенятъ?
Ой Дидъ - Ладо перенятъ?

1 половина : Шелковымъ мы поводомъ,
Ой Дидъ - Ладо, поводомъ.

2 половина : А мы коней выкупимъ ,
Ой Дидь - Ладо , выкупимъ.

1 половина : А чѣмъ же вамъ выкупить ?
Ой Дидь - Ладо выкупить.

2 половина : А мы дадимъ сто рублей ,
Ой Дидь - Ладо сто рублей.

1 половина : Не надо намъ тысячи (14) ,
Ой Дидь - Ладо , тысячи.

2 половина : А что же вамъ надобно ?
Ой Дидь - Ладо , надобно.

1 половина : Намъ надобно дѣвицу .
Ой Дидь - Ладо , дѣвицу.

Въ это время изъ второй половины переходитъ дѣвушка въ первую.

2 половина : Нашего полку убыло ,
Ой Дидь - Ладо , убыло.

1 половина : Нашего полку прибыло ,
Ой Дидь - Ладо прибыло.

Пѣсню начинаютъ опять пѣть, продолжая до пѣхъ поръ, пока всѣ дѣвушки изъ

(14) Прежде пѣвали въ Московскомъ округѣ :

2. А мы дадимъ денежку.

1. Не надо намъ денежки.

2. А мы дадимъ дѣвушку.

Рубли и деньги могли быть позднѣйшими вставками въ древнюю пѣсню.

второй половины перейдушь въ первую. Въ Серпуховскомъ, Мещовскомъ и Каширскомъ уѣздахъ, вмѣсто припѣва *Ой Дидѣ Ладо*, поюшъ:

Ой Диди калинка моя,
Ой Ладо машинка моя!

какъ бы означая калиною горечь перваго, а машиною сладость другаго (15). Въ Дмитровскомъ уѣздѣ начинали ешу пѣсню:

А мы копань копали.
Зеленая правушка, алой цвѣтъ (16).

Въ Харьковской Губерніи такъ поюшъ ешу пѣсню:

1. А ми нивку орали, 2
Та владу ладомъ орали.
2. А ми просо сияли, 2
Та владу ладомъ сияли.
1. А ми спадо запусимъ, 2
Та владу ладомъ запусимъ.
2. А ми спадо займемо, 2
Та владу ладомъ займемо.
1. А ми спадо выкупимъ, 2
Та владу ладомъ выкупимъ.

(15) Взглядъ на старинную Рускую Поезію, соч. *Н. Иванчина-Писарева*. Москва. 1837, въ 12.

(16) Сказанія Рускаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, изд. *И. Сахаровъ*. Спб. ч. 2, 1837, въ 8.

2. А чшо даше выкупки, 3
Та владу ладомъ, выкупки.
1. А ми дали спо рублей, 2
Та владу ладомъ, спо рублей.
2. А ми пысячи ни беремъ, 2
Та владу ладомъ, не беремъ.
1. Ми дивичку придамо, 2
Та владу ладомъ, придамо.
2. Ми дивочку примемо, 2
Та владу ладомъ, примемо.
1. А у насъ спадо прибыло, 2
Та владу ладомъ, прибыло.
2. А у насъ спадо отбыло, 2
Та владу ладомъ, отбыло.

Епша Вѣликоруская игра и пѣсня существующъ и въ Красной Руси (17), гдѣ поюшъ ее такъ :

А my proso sijaly, sijaly,
Oj Did, Lada, sijaly, sijaly !
А my proso wydopczem, wydopczem,
Oj Did, Lada, wydopczem, wydopczem !
Та czymże wam wydoptať, wydoptať ?
Oj Did, Lada, wydoptať, wydoptať ?
А my koni wypustym, wypustym,
Oj Did, Lada, wypustym, wypustym !

(17) Piesni Polskie i Ruskie ludu Galicyjskiego, zebrał wydal *Wacław Oleska*, we Lwowie. 1833, in 8.

A my koni perejmem , perejmem ,
 Oj Did, Lada, perejmem, perejmem !
 Та czymże wam perejniat', perejniat' ?
 Oj Did, Lada, perejniat', perejniait' !
 Oj szelkowym newodom, newodom ,
 Oj Did , Lada , newodom , newodom .
 A my koni wykupym, wykupym ,
 Oj Did, Lada, wykupym, wykupym
 Та czymże wam wykupyt', wykupyt',
 Oj Did , Lada, wykupyt', wykupyt',
 A my damo sto rubli, sto rubli ,
 Oj Did , Lada , sto rubli , sto rubli !
 Ne nado nam tysiaczy , tysiaczy ,
 Oj Did, Lada , tysiaczy , tysiaczy !
 A my damo diwyciu , diwyciu ,
 Oj Did, Lada, diwyciu, diwyciu !,
 Oj toto nam nadobno, nadobno ,
 Oj Did, Lado, nadobno, nadobno !

Хоровая и антифоническая сія пѣсня по-
 хожа на древніа Греческіа , сопровождавшія
χοροι κύκλιοι. Игра еѣа поетическая и вмѣстѣ
 воинственная, мимическое предсѣавленіе изъ
 жизни народа земледѣльческаго и воинствен-
 наго — набѣга, похищенія и выкупа невѣстѣ.
 Она сходсѣвуетъ съ Сербскою *отмицею*
 и съ древнимъ сказаніемъ нашего Лѣпописца,
 который повѣсѣвуетъ , что у Радимичей ,
 Вяпичей и Сѣверянъ , обитателей нашего
 Сѣвера , въ Язычествѣ „брацы не бываху въ

„нихъ, но игрища, жежи съль и шу слѣгахуся
 „рищуце на плясанія и на вся бѣсовскія пѣ-
 „сни, и шу умыкаху жены себѣ, съ нею же
 „кпо преже свѣщевашесь (18).“ Самые при-
 пѣвы *Дидѣ, Ладо, Леля*, наводящъ насъ на
 слѣды Славянскихъ мѣоогъ. У древнихъ Гре-
 ковъ также, при хорождении въ праздниства
 вокругъ алтарей, были припѣвы: *αί, αί έλε-
 λεῦ, αλαλά* (19), похожія на наши *ай люли*.

Въ Нерехотской округѣ, изъ пѣсенъ,
 сопровождаемыхъ разными мимическими пред-
 ставленіями, кромѣ *свѣнія проса* употребле-
 тельны слѣдующія:

1. Перевейся, ярый хмель, на нашу спо-
 ронку и пр.
2. Сидишь дрема подь окошкомъ,
 Прядешь дрема шелковъ кужель;
 Полно, дремушка, драмати,
 Шелковъ кужель драми и пр.

Одна дѣвка сидишь въ кругу, представ-
 ляя сонливую, лѣнливую, а прочія ходящъ во-
 кругъ нея и поющъ пѣсню:

3. Ой! старой, старой,
 Кручина велика и проч.

(18) W. Wachsmuth's Hellen. Alterthumskunde. Halle.
 1829. 3 Th. in 8.

(19) Супрасльская рукопись, изд. Кляземъ М. Оболен-
 скимъ. М. 1836, въ 4.

Поюць всѣ, споя на одномъ мѣстѣ; двѣ дѣвки ходящъ въ хороводѣ; одна пригорюнясь, предспавляетъ лице жены, а другая мужа спарика. Когда запоюць: „охъ! какъ мнѣ стараго цѣловать будетъ“? тогда жена цѣлуетъ съ негодованіемъ и плюетъ на спарика. Когда запоюць: „охъ! какъ мнѣ стараго на постелю класить?“ жена шолкаетъ. При словахъ пѣсни: „охъ? какъ мнѣ стараго препать“; жена бьетъ его.

4. Посѣяла дѣвка лень,
Посѣявши, полола и пр.

Дѣвка съ плашкою въ рукѣ ходитъ въ кругу, дѣлая видъ, что сѣетъ, а прочія поюць, споя на одномъ мѣстѣ:

5. Запѣвка, бѣльничкой!
Я хожу, хожу
Вкругъ Кіева города,
Ищу тещи богатаго и пр.

Тогда дѣвки споя поюць, одна изъ нихъ ходитъ въ хороводѣ, какъ будто ищетъ тещи и тещи и пр. Когдажъ найдетъ себѣ всѣхъ сродниковъ и когда запоюць: *я пропивши пиво, тещя вѣ рыло*; тогда она слегка бьетъ одну дѣвку въ видѣ тещи, а въ лицѣ тещи бьетъ другую по шеѣ, если запоюць: *проѣвши пироги, тещу по шеѣ и ш. д.*

6. Пава пó лугу гуляла,
 Пава гусей загоняла,
 Тига, гуси, домой,
 Тига, сѣрые, домой и ш. д.

Двѣ дѣвки спануптъ въ довольнономъ разстоянїи одна опъ другой, держа высоко плашокъ въ рукахъ, а прочія подъ плашкомъ проходящъ поодиначкѣ.

7. Какъ ушїона чрезъ море лешала,
 Одна дѣвка, дѣлая разныя шѣлдвиженїя, идетъ предъ хороводомъ, а прочія за нею слѣдуютъ.

8. Подъ лѣсомъ, подъ шемнымъ
 Шелкова шрава ;
 Ходилъ, гулялъ Довской козакаъ,
 Глядѣлъ, смощрѣлъ невѣспъ себѣ и пр.

или

- Пошелъ молодець на гулянье,
 На веселое на свиданье и ш. д.

Дѣвка съ разными шѣлдвиженїями пляшетъ съ мущиною, а прочія споя на одномъ мѣстѣ, поющъ.

Сходбище — сельская хороводная игра разыгрывается въ началѣ весны, когда изъ городовъ возвращающся молодые люди для

работей поры. Дѣвушки выходятъ на лугъ, къ нимъ собираются *прибылые*, и начинаютъ игру Сходбище. Въ средину круга спановятся молодець и дѣвица. Игроки ходятъ кругомъ ихъ и поютъ :

Какъ изъ улицы идешь молодець,
 Изъ другой пдешь красна дѣвица,
 Поблизехоньку сходилися,
 Понизехоньку поклонился.
 Да чшо возговоришь доброй молодець :
 Ты здорово-ль живешь, красная дѣвица ?
 Я здорова живу, миль сердечной другъ ;
 Каково шы жиль безъ меня одинь ?
 Мы давно съ шобой не видалися,
 Говоришь дѣвка улыбаючись,
 Чшо съ той поры, какъ разсталися.
 Говоришь ей доброй молодець :
 Мы пойдемъ гуляшь на царевъ кабаць,
 Мы за рубль возьмемъ зелена вина,
 За другой возьмемъ меду сладкова,
 А за шрешей возьмемъ пива пьянова,
 За двѣ гривенки сладкихъ пряничковъ.
 Какъ возговоришь красна дѣвица :
 Я нейду гуляшь на царевъ кабаць :
 Я боюсь, боюсь роднова башюшки,
 Я боюсь родной машюшки.
 Тушь разсталися и прощалися,
 Промежду себя цѣловалися.
 Ты прости, прости доброй молодець,

Ты прости, миль сердечной другъ!
 Да что возговоришь доброй молодець:
 Ты прости, прости, моя мапушка,
 Ты прости, радость красна дѣвица! —

Въ игрѣ *Плещень* молодежи, дѣвушки и
 мужчины спановяцца попарно, и, сомкнув-
 шись руками въ видѣ плещня, выпягива-
 ются въ линію. Хороводница запѣваетъ:

Заплещися, плещень, заплещися!
 Ты завейся, труба золотая!
 Завернися, камба кружчашая!
 Изъ-за горъ дѣвица ушей выгоняла.
 Тига упушка домой!
 Тига сѣрая домой!
 Я сама гуськомъ,
 Сама сѣренькимъ.
 Ой свѣтъ, сѣра ушица!
 Пошопила малыхъ дѣшушекъ
 И въ меду и въ сахарѣ
 И въ яшвѣ сахорномъ.
 Я старымъ шарикамъ
 Киселя съ молокомъ;
 Молодымъ молодкамъ
 Шелковую плещку,
 А краснымъ дѣвицамъ
 Бѣлилъ да румянь.

Хоръ окончился. Первая пара поднимаетъ
вверхъ соединенныя руки, подъ епу арфу
начинають проходитьъ игроки. Хоръ поешъ :

Расплешися , плешень , расплешися ;
Ты развейся шруба золошая ;
Ты развернися , камка кружчая !
Изъ-за горь дѣвица ушей выгоняла.
Тига ушуска домой !
Тига сѣрая домой !
Я сама гуськомь ,
Сама сѣренькимь.
Ой свѣшь , сѣра ушца !
Вынимала малыхъ дѣшущекъ ,
Изъ меду , изъ сахару ,
Изъ яшвь сахорныхъ.

Игра *Донъ Ивановичъ* есть мимическое
представленіе , припоминающее намъ слѣды
древности и извѣстное мѣстическое сказаніе
народа , который почитаетъ *Донъ* и *Шапъ*
дѣльми *Ивана-Озера*. *Донъ*, имѣя свою народ-
ную *Исторію*, свое родство съ сестрою *Вол-*
гою — по повѣрьямъ *Велико-Рускимъ* — (20)
выразился еще одною игрою въ хороводной
пѣснѣ. Вечеромъ игроки сходятся вмѣстѣ

(20) см. Сказаній Р. Н. ч. 6, *Думу Иванъ-Озеро*. Въ дру-
гихъ странахъ, вмѣсто *Донъ*, поють — *Дунай*.

и становящся въ кружокъ, а хороводникъ въ срединѣ, изображая собою Дона Ивановича, дѣлаешъ разныя движенія, сообразныя содержанію пѣсни :

Какъ пошелъ нашъ молодець

Вдоль улицы на конецъ.

Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,

Сынъ Ивановичъ Донъ!

Ахъ! какъ звали молодца,

Позывали удальца.

Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ!

Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ во ширъ пировашъ :

Во бѣсѣдушку сидѣшь,

На игрище поиграшь.

Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,

Сынъ Ивановичъ Донъ!

Ужъ какъ мнѣ ли молодцу

Мало можешся,

Мало можешся,

Играшь хочешся.

Шль я выйду молодець

На свой новой на крылецъ,

Закричу я молодець

Громкимъ голосомъ своимъ :

Ахъ! какъ ешьли-ли у меня

Слуги вѣрные мои!

Вы береште ключи,

Ошмыкайше сундуки.

Вынимайте кафтанъ,
 Рудожелшь камчашъ,
 Вынимайте шапку,
 Черную мурмашку (21);
 Вы подайте гусли,
 Звончашые мои.

Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ пошелъ нашъ молодець
 Ко вдовушкѣ на коонецъ.

Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ!
 Сынъ Ивановичъ Допъ!

Какъ садился молодець,
 Какъ садился удалецъ
 Противъ вдовушки на скамьѣ.

Въ это время игроки оспанавливаются,
 хороводникъ садится съ балалайкою въ рукахъ.
 Игроки стоятъ противъ него и поютъ:

Заигралъ онъ во гусли,
 Заигралъ во звончашые свои.
 Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Молодецъ вдовѣ челомъ,
 Уронилъ шляпу долой,

(21) *Мурмане*—Норвежцы. — Въ Москвѣ эту пѣсню поютъ сокращенно, и такъ она печатана въ такъ называемыхъ пѣсенникахъ. Исключение начинается съ стиха: „Ужь какъ „миль ли молодцу“ и продолжается до „Звончашые мои.“

Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ !

Хороводникъ въ епо время кланяется,
съ него спадаетъ шляпа , а игроки поютъ :

Ужъ ты , вдовушка моя ,
Молодая вдова ,
Подними шапку мурмашку!
Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ !
Сынъ Ивановичъ Донъ !
Не шволя , сударь , слуга ,
Я не слушаю тебя.
Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ !

Хороводникъ вспааетъ , надѣваетъ шляпу,
а игроки , ходя кругомъ его , поютъ :

Какъ пошелъ нашъ молодець ,
Вдоль улицы на конецъ .
Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ .
Ахъ ! какъ звали молодца ,
Позывали удалца ,
Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ .
Какъ во пиръ пировашъ ,
Во бѣсѣдушку сидѣть ,
На игрище поиграшъ .

Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ пошелъ нашъ молодець,
Къ дѣвушкѣ на конецъ.

Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ садился молодець;
Какъ сѣдился удамецъ

Прошнѣ дѣвушки на скамѣ.

Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Въ епо время игрокѣ оспанавлявающихся,
хороводникъ садился. Игрокѣ споянѣ про-
шнѣ него и поюнѣ :

Заигралъ онъ во гусли,
Заигралъ во звончашнѣ своѣ.

Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Молодецъ дѣвнѣцѣ челомъ,
Уронилъ шапку долой.

Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Ужъ шы, дѣвушка моя,
Ты, красная моя,

Подними шапку мурмашку.

Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Я швол, сударь, слуга,
 Я послушаюсь тебя.
 Ахъ! Довъ, ты нашъ Довъ,
 Сынъ Ивановичъ Довъ.

Въ епо время выходитъ дѣвушка изъ круга, поднимаетъ шляпу. Хороводникъ, принимая изъ ея руки шляпу, благодаритъ дѣвушку поцѣлуемъ.

Начиная съ среды или четверга Святой недѣли и до Троицы въ Бузулукъ, уѣздн. городъ Оренб. Г. продолжаются каждый вечеръ хороводы: дѣвки и молодыя женщины поютъ пѣсни, а молодцы подыгрываютъ на дудкахъ, на рожкѣ, забавляютъ красавицъ своими шутками. Тогда особенно поютъ одну изъ весеннихъ пѣсень, носящую на себѣ явный оппечашокъ древности:

Подойду, подойду,
 Подъ Царь - городъ подойду,
 Вышибу, вышибу,
 Копьемъ спѣну, вышибу!
 Выкачу, выкачу,
 Съ казной бочку, выкачу!
 Подарю, подарю,
 Люшу - свекру башюшкѣ!
 Будь добръ, будь добръ —

Какъ родимый батюшка!
 Подойду, подойду
 Подъ Царь - городъ, подойду!
 Вышибу, вышибу
 Копьемъ стѣну, вышибу!
 Вынесу, вынесу,
 Лпсью шубу, вынесу!
 Подарю, подарю
 Люшу - свекровь машушку!
 Будь добра, будь добра —
 Какъ родима машушка (22)!

Такими-то играми и пѣснями начинается и сопровождается Красная горка послѣ Святой недѣли, во время коей издревле запрещались Церковію всѣ бывшія изъ Языческаго міра игры, потѣхи и позорища (risus Paschales) для того, чптобы въ святыя дни умы Хрістіанъ занимались однимъ Богомысліемъ, а сердца исполнены были духовною радостію.

(22) см. М. В. 1830, No 37. Надобно предполагать, что нѣкоторыя слова уже измѣнены; но пѣсня не могла быть сочинена позже XI-го или XII-го столѣтія, слогомъ того времени, когда у народа были еще въ свѣжей памяти прогулки нашихъ предковъ къ Константинополю. Голось ошлщчается какимъ-то заунывнымъ, особеннымъ напѣвомъ. — Константинополь, или Византию, *Царь-градомъ*, а не *Царевымъ градомъ*, по превосходству сего города надъ всѣми прочими, прозвали Варяго-Руссы или Славяне. Zaargardia есть городъ въ Месопотаміи.

III.

РАДУНИЦА.

Радунница, или Радунецъ, или Радавница есть собственно опрадный праздникъ заупокойный, который совершается на могилахъ; онъ издревле извѣстенъ на Руси и приходится не всегда въ одинакое время. Въ Костромской Губ. Омино Воскресенье слыветь *Радоницею*, въ другихъ мѣстахъ Оминонь понедѣльникъ, а болѣе впорникъ, извѣстный въ Рязанской Губ. подъ именемъ *Наской* (Навской?) и *Навій день*: что значитъ мертвый; ибо въ старинномъ Рускомъ языкѣ *навей*, а въ Липовскомъ *navie* — мертвецъ (1). Въ Малороссіи Оминонь понедѣльникъ именуется *Могилками*, *Гробками*, *Проводими*, а въ Махновскомъ повѣсть Кіевской Г. *Бабскимъ праздникомъ*, вѣроятно по тому, что на немъ бывающъ однѣ женщины.

(1) Въ просторѣчій человѣческая кость, на коей образуется наростъ, или бугоръ, назыв: *навь*. На Болгарскомъ *навиваль* знач. побѣдиль, умершвиль. — ср. *Камз.* И. Г. Р. ч. II, стр. 179.

По етому она отчасти сходствуесть съ *Тризною* и *Справою* Славянъ - Русскихъ и *Божиили днѣли* Есіповъ. Радуница въ Великой Россіи посвящена поминовенію родителей; ибо, по мѣтнію народному, они радуются, если ихъ поминуютъ и приходятъ съ ними христосоваться. „Радунницею — замѣчаетъ Карамзинъ — назывался какой-нибудь праздникъ у нашихъ древнихъ Славянъ (2).“ Нынѣ извѣстна она болѣе подъ именемъ *родительской*. „Въ „прежнія времена — свидѣтельствуетъ со- „чинитель *Церковнаго Словаря* въ 1773 году — „въ Радуницы бывало между простонародіемъ „обыкновеніе поминать умершихъ сродниковъ, „съ языческими обрядами, и поминавшій при- „носилъ на ихъ могилу вино, сыченое пиво, „широги, блины, и по опривленіи священни- „комъ липіи, взявъ чарку съ виномъ, или „спаканъ съ пивомъ, опливалъ часпъ на его „могилу, а оспаканъ самъ допивалъ; женщи- „ны въ епо время плачевнымъ голосомъ при- „числяли добродѣтели покойника. Въ такой „же силѣ, по увѣренію бывшихъ въ опдален- „ныхъ мѣстахъ, было въ обыкновеніи у про- „столюдиновъ суевѣрное христосованье съ „покойниками въ Свѣтлую седмицу, ш. е. му- „щна или женщина приходили на могилу

(2) *Карамз.* И. Г. Р. ч. V, прим. 25.

„умершаго, и покапя по оной краснымъ янцомъ, „говорили: *Христосъ воскресе*, думая, что усопшій отвѣчаетъ ему въ могилѣ: *Воистинну „воскресе* (3).“ Въ Паперикѣ Печерскомъ описывается, какъ въ 1465 г. пѣлеса усопшихъ святыхъ отвѣщствовали на возгласъ священноинокъ въ Великъ день.

Воспоминаніе объ епомъ заупокойномъ праздникѣ сохранилось не только въ народныхъ преданіяхъ и удержалось въ обычаяхъ, но и въ лѣтописяхъ, церковныхъ книгахъ, въ пословицахъ, пѣсняхъ и въ названіяхъ урочищъ.

Въ Троицкой лѣтописи подъ 1572 г. упоминается, что „Липва и Ляхи и Жемопъ придоша изгономъ (къ Переславлю) по Велицѣ дни на другой недѣлѣ во вторникъ, на заупрїе по *Радолицѣ*.“ Въ Кіевской Л. подъ 1495 г. „Тояже весны на Радуницу, Апрѣля 16го, погорѣ Москва нупрѣ весь и казна у Чуда въ монастырѣ.“ Въ 1495 г. Пасха была Апрѣля 7го, слѣдственно 16го числа погожъ мѣсяца пришло въ *вторникъ* на *Омниной недѣлѣ* (4). Въ Споглавѣ осуждаются пѣ, которые по Велицѣ дни, т. е. по Пасхѣ,

(3) Новое прибавленіе къ Словарю церковному, сочин. П. Алексеевымъ. ч. 5. СПб. 1818, въ 8.

(4) *Карамз.* II. Г. Р. ч. V, прим. 25, 254. и часть IX, прим. 830.

оклики на Радуницы творятъ — и въонецъ. Въ простонародной пѣснѣ говорится о Радуницѣ и заупокойномъ напишкѣ слѣдующее:

Зяшь ли про щещу пивца вариль,

Пива навариль, да ко Масляницѣ;

Зваль ли щещу ко Радуницѣ,

А щеща пришла на канувѣ Рождества. —

и наконецъ въ старинной поговоркѣ: Выпили пиво обѣ Масляницѣ, а съ похлѣбля ломало послѣ Радуницы.

О Радуницѣ напоминаютъ на Троицкой дорогѣ бывший городокъ *Радонецъ*, или *Радонезжѣ*, отъ коего и Преподобный Сергій получилъ прозваніе *Радонезскаго*; въ Егорьевскомъ уѣздѣ озеро *Радовица*, отъ коего заимствовалъ свое названіе *Радовицкій* монастырь. Въ Бѣжецкой пашинѣ было урочище *Радуница*, и Radonice въ Варшавскомъ округѣ, и ш. д.

Въ разныхъ краяхъ великой, малой и бѣлой Россіи доннынѣ сохраняется обычай поминанъ родителей на Оминой недѣлѣ, на кладбищахъ, а кой гдѣ и самое названіе. Приведемъ пому нѣсколько примѣровъ.

Въ Устюгѣ Великомъ, съ 1445 г. въ Радуницу бываетъ крестное хожденіе на убогій домъ при Іоанно - Предпечевскомъ монастырѣ, а по совершеніи паннихиды, гулянье

въ сосновой роцѣ, выросшей на шамошнемъ кладбищѣ (5). Въ Иркутскѣ, въ епо же время множество народа собирается на общее кладбище, что на *Крестовой горѣ*, и шамъ такъ же сперва поминають усопшихъ, а потомъ гуляють и пируютъ (6). Въ Шенкурской и Вельской округахъ, на второй день Пасхи послѣ вечерни ядутъ прихожане *на горы*, на коихъ шамъ споятъ кладбищенскія церкви: *похристосоваться со своими и погоревать*. Въ Кіевѣ извѣстна Радуница подъ именемъ *Проводовъ*, которые, по народному преданію, дѣлаются въ воспоминаніе Евангельскаго событія: „Когда при распятіи Господнемъ шѣ- „леса многихъ святыхъ воспаша и, по вос- „кресеніи Его, выйдоша во святый градъ: „погда сихъ-то святыхъ яко бы опять послѣ „праздника сопровождали до гробовъ граж- „дане.“ Но установленіе сіе, по мнѣнію Г. Берлинскаго, въ Кіевѣ относится можно не да- лѣе времени Петра Могилы: когда нѣкоторые церковные обряды заведены были изъ подражанія Польскимъ. За полвѣка назадъ тому на Славцу (или гору Щекавицу) собирались для поминовенія родителей почтеннѣйшіе Кіе-

(5) Сѣверный Архивъ, 1824, No 17.

(6) Новѣйшее повѣствованіе о Восточной Сибири, СПБ. 1817, въ 8.

воподольскіе граждане. Паннихидныя литіі опсправляемы были священниками надъ каждою могилою, попомъ каждое семейство садилось въ круговенькѣ около своихъ покойниковъ и поминало ихъ пѣмъ кушаньемъ и пипьемъ, какое съ собою приносило. Между пѣмъ школьники напѣвали имъ духовныя пѣсни (псалмы), иногда скрипичники наигрывали печально. При помъ угощаемы были и нищіе. — Бѣлорускіе поселяне собираются во вторникъ на Оминой недѣлѣ, часа въ 2 пополудни, на кладбища, гдѣ они катаюпъ красныя яйца на могилкахъ у родныхъ и попомъ опдаюпъ ихъ нищимъ, копорые шуда сходяпся во множествѣ. Напослѣдокъ, родительская могила, полишая медомъ и горѣлкою, накрывается бѣлымъ сполешникомъ — спавишся кушанье нечепное и нежданое; ибо епомъ *вторникъ* слыветъ *сухимъ*. Кпомъ же не въ состояніи почшипъ памяпи родителей своихъ задушевною прापезой, пому при семъ случаѣ помогаюпъ богатые. Сдѣлавъ къ покойникамъ слѣдующее привѣспвіе: *Святые родители, ходзице къ намъ хлѣба - соли кушанца!* спарые и малые садяпся на могилахъ за прापезу. По окончаніи пиршеспва, опяпъ обращаюпся къ усопшимъ съ спавими словами: *Мои родители, выбатайте, не дзивицесь, тѣмъ хата богата, тѣмъ и рада!* —

Послѣ етого, поминальщики раздаюуть оспащ-ки кушанья нищимъ, идууть въ корчму, гдѣ пьютъ и пляшутъ, оправдывая старинную пословицу: *нагинаютъ за упокой, а сведутъ за здравіе* (7). Въ Болгаріи Радуница также соспоитъ въ причипаніи на могилахъ родительскихъ, въ пиршествѣ и капаніи красныхъ лицъ. Въ Великой Россіи ведется почпи повсемспенный обычай между простолюдинами, сбирашья во впорникъ Ооминой недѣли для поминовенія на могилы родительскія и привѣшествоващъ усопшихъ опраднымъ гласомъ воскресенія Спасителя міра. Въ епожь время, извѣспное подъ именемъ *Красной горки*, женихи, особенно невѣспы, доселѣ ходящъ на кладбища просипъ совѣща и благословенія у своихъ покойныхъ родителей на брачный союзъ, кладущъ на ихъ могилы яицы, кои возлагались на гробницахъ у древнихъ Грековъ и Римлянъ, какъ умилоствивительныя жерпвы объ усопшихъ (8). Сіи мѣста вѣчнаго покоя, священныя для сердца человѣческаго, обращающъ въ жерпвенники благоговѣнія къ мерпвымъ и благошворенія живымъ.

(7) Lud Polski p. L. Gołębiowskiego. Warsz. 1830, in 8.

(8) Luciani dialogi mort. I. 1. — Juvenal. sat. V. v. 84.

Происхожденія сего порожественнаго и древняго обычая должно искасть въ колыбели Христіанства на Руси, когда послѣднее начинало преобладать надъ народнымъ Язычествомъ и прошивопоставляло обрядамъ его и обычаямъ благочестивыя свои устанавленія, кои принимая народъ, не могъ не примѣшавать къ нимъ первыхъ. Радуница упоминаемая въ письменныхъ памянникахъ, не ранѣе XIV вѣка, есть оспашокъ *призны*, о какой такъ упоминаеть и Левъ Калойскій: „Рускіе, слѣдуя языческимъ обрядамъ Грековъ, совершали жерпвы и возліянія въ честь усопшихъ.“ Самое названіе Радуницы есть народное, а не церковное, хопя, по существу своему, она, подобно Семицкому чепверпку и Троицкой суббошѣ, принадлежишь къ христіанскимъ обрядамъ. Чшожь касается до осуждаемыхъ Споглавомъ *оклиекъ на Радуницы*: шо онѣ не что иное должны бытъ, какъ *пригитанья*, кои вспрѣчались съ *закликаніемъ весны* и съ *горѣлками*, слѣдовавшими за радуницкимъ *гореваньемъ*.

IV.

ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.

Извѣстный обычай *обманывать* въ первое *Апрѣля* существуетъ не только во всей почти Европѣ, но и на Востокѣ. Онъ, какъ увидимъ, происходилъ отъ разныхъ началъ, копорыхъ слѣдствія приводятъ къ одному дѣйствию въ одинакое время — вездѣ давалъ поводъ къ шуткамъ невиннымъ и болѣе или менѣе оспроумнымъ; онъ обыкновенно оканчивался епимъ обманчивымъ днемъ, оправдываясь, или извиняясь давностію обычая. Сколько время и просвѣщеніе ни изглаживали епоть обычай, прежде бывший въ общемъ употребленіи и, по существу своему, проповѣдній нравственности, а по происхожденію — и св. вѣрѣ; но воспоминаніе объ немъ пережило многія столѣтія, усвоилось жизни народа и языку, сдѣлалось *притчею во языцѣхъ*.

Начало обычая обманывать въ первое *Апрѣля*, подобно многимъ другимъ, теряется во тѣмъ древности; впрочемъ онъ находится у древ-

нихъ племень міра, опъ коихъ перешель и въ новѣйшимъ съ мѣспными особенностями.

Индійцы ооло весеняго равноденствія, по древнему лѣпосчисленію Ведъ, который приходися въ Апрѣль, первомъ мѣсяцѣ ихъ года, празднуютъ рожденіе богини Сипы, или Шивы. На епомъ праздникѣ, извѣспномъ у нихъ подъ именемъ *Гули* или *Гулака*, бывали сценическія предспавленія, среди коихъ они обманывая другъ друга подъ видомъ шутокъ, думали пѣмъ самымъ умилоспи- вишь свое божество (1).

У Гудеевъ испочникомъ епого обычая полагаешся лживая молва, распущенная по воскресеніи Хрісповомъ, будто пѣло Иску- пшеля ночью похищено было изъ гроба уче- никами Его, какъ свидѣтельспвуель *Матѣ. XXVIII, 15.* „Тогда Евреи, замѣчаешъ сочи- ншель Церковнаго Словаря, научили народъ и воиновъ обманывашъ въ шупку, говоря одинъ: *Хріспосѣ воскресе*, а другой въ опвѣпъ: *первое Апрѣля, п. е. неправда*“ (2). Можешъ спашъся, первое Апрѣля попому избрано для такой нечеспивой шупки, что въ епомъ мѣсяцѣ праздникъ Пасхи приходися въ пещеніи каждыхъ 25 лѣпъ, и что воспоминаніе

(1) *Moeurs, institutions et cérémonies des peuples de l'Inde*, par I. A. Dubois. 2 t. à Paris. 1825, in 8.

(2) Церковный Словарь *П. Алекстєва*. ч. 3. М. 1816, въ 8.

объ епомъ соспоипъ въ связи съ событіями изъ земной жизни Искупишеля міра.

Толковашель Л. Апулея Бераалдъ производитъ первоапрѣльскій обманъ опъ Римскаго праздника въ честь божеспва Смѣха (Risus); эпо торжештво, совершавшееся погда, когда дни спшановились длиннѣе, сопровождалось разными смѣхотворными обманами. „Игры сіи — говорипъ Апулей — ежегодно нами опправляемыя въ честь Смѣха, всегда опличаюпся какими нибудь новыми выдумками. Мы одни изъ всѣхъ народовъ умилостпвляемъ забавами, весельями и шутками божеспво, именуемое Смѣхомъ“ (5).

Исландскія саги гласящъ, что обычай обманывашъ въ первое Апрѣля введенъ самыми Азами, п. е. богами, въ память Скадеи, дочери Тіасса. Онъ доселѣ сущеспвуешъ въ Дани, Швеціи и Норвегіи (4).

У Англичанъ первое Апрѣля слыветъ all fools day (днемъ всѣхъ дураковъ), обманушый въ епошъ день — Aprilfool, а у Шопландцевъ hunting the gowk.

У Французовъ первоапрѣльская шутка называешся *Апрѣльской рыбою* (poisson d'Avril),

(5) L. *Apuleii* *Metamorphoseon*. rec. Fr. Oudendorp. Lugd. Bat. 1786—1822. 5 t. in 4.

(4) Edda Saemundina t. III.

что въ переносномъ смыслѣ значить невинный обманъ въ первое Апрѣля. Въ епопъ же самый день ускользнулъ изъ пещницъ Людовика XIII въ Нанси Лопарингскій принцъ Францискъ, который перерядясь крестьяниномъ, переплылъ рѣку какъ рыба и ускользнулъ изъ неволи. Счастливаго бѣглеца иносказательно прозвали *Апрѣльскойю рыбою*. Но сей обычай долженъ быть древнѣе. Другіе писатели почишаютъ слово poisson испорченнымъ изъ passion спраданіе; что будто относится къ спраданіямъ І. Хріста (5).

У Нѣмцевъ издревле ведется обычай первое Апрѣля посылатъ мальчика или другаго кого съ пѣмъ, чтобы попросить или посмотрѣть что либо такое, чего нельзя получить или видѣть; епо называется у нихъ: *in den April schicken*, посласть кого въ Апрѣль, п. е. сыграть надъ кѣмъ шушку, провести кого, а проведенный такимъ образомъ въ епопъ день именуется *Aprilnarr*. Въ средніе вѣки, въ Европѣ допускалось сценическое представленіе различныхъ произшествій изъ Св. Писанія; по сему и кажутся вѣроподобнымъ мнѣніе пѣхъ, которые почищаютъ епу шушку нелѣпымъ подражаніемъ событію, случившемуся при допросѣ І.

(5) Encyclopedie des gens du monde. t. I. à Paris. 1855, in 8.

Хрїста, который приводимъ былъ опъ Каіафы къ Пілапу, а опъ Пілапа къ Ироду; чпò дало поводъ къ извѣстнымъ Нѣмецкой и Французской поговоркамъ: *jsmanden vom Pilatus zum Herodes schicken, renvoyer d'Herode à Pilate*, посылашь кого понапрасну (6).

Ешого обыкновенія доселѣ держатся почти всѣ народы Славянскаго племени; у Чеховъ и Словаковъ говорятъ такъ же *poslati koho s Arilem*. Оно извѣстно въ Польшѣ и Липвѣ подъ именемъ *Primargilis*, намекающее намъ о Римскомъ его происхожденіи; ибо Апрель у первыхъ, судя по климату, называется по *Березозолемб*, по *Цвѣтнемб*, по *Duben*. Епò даетъ поводъ думать, что повѣрье сіе перешло въ Европу опъ Римлянъ съ самымъ названіемъ мѣсяца, или другимъ путемъ вмѣстѣ съ народами Востока, и что оно составляло часть языческаго празднества (7). Впрочемъ, еслибъ мы имѣли точнѣйшія свѣденія о религиозныхъ обрядахъ у Славянъ до введенія вѣры Хрїстіанской: конечно, при разысканіи оныхъ, намъ открылось бы обширнѣйшее поле и возможность найти истин-

(6) *Conversations-Lexicon. Neue Folge. I. Abth. Leipz. 1822, in 12.*

(7) *Gry i zabawy różnic stanow etc. p. L. Gołębionyskiégo. w Warchawie. 1831, in 8.*

ну, къ какимъ временамъ относитсѣ епо
обыкновеніе. Какъ начѣла первоапрѣльской
шупки должно болѣе искашь въ языческихъ
суевѣріяхъ, нами упомянутыхъ: по едва ли
можно предполагать для него новое основа-
ніе въ Хрїстіанскихъ воспоминаніяхъ.

Апрѣльскій обманъ въ Россіи спано-
вился исторически извѣстнымъ со временъ
Петра I, и, по всему вѣроянію, введенъ
Нѣмцами, жившими въ Россіи, между копо-
рыми должно предполагать и прежде еще
существованіе епого народнаго обычая. Въ
1700 г. содержатель прруппы Нѣмецкихъ ко-
медіаншовъ въ Москвѣ объявилъ, что въ день
самаго представленія влезетъ въ обыкновен-
ную споловую бупылку. На сценѣ явилась
бупылка съ надписью: *Первое Апрѣля* (8).
Первоапрѣльскія шупки сперва распростра-
нились въ знапномъ кругу, а потомъ уже въ
нижнихъ слояхъ общеспва; но въ крестьян-
скомъ быту, вдали отъ сполицъ онѣ не из-
вѣсны. Преданіе старожиловъ свидѣтель-
ствуетъ намъ, что Нѣмецкіе фигляры и
гаеры о Свяшой недѣлѣ на *Куковинкѣ* (такъ
слыло мѣспо Новинскаго гулянья) показывали
народу за деньги райки и выкидывали перво-

(8) Дѣянїя Петра Великаго, т. 1—4. изд. 2. Москва,
1837, въ 8.

апрѣльскія шпуки, приглашая смотрѣть словомъ *Rufen*, отъ коего произошло и самое названіе мѣста: о чемъ напоминаетъ донинѣ существующій тамъ кабакъ *Куковинка*. Известно также, что въ первое Апрѣля позволялись шупки при Дворѣ Императрицы Анны Ивановны и Елисаветы Петровны.

Такъ епопъ обычай, родившійся на чужой почвѣ, привился, подобно другимъ, къ отечественнымъ обычаямъ, кои вошли въ составъ жизни народной.

Обманчивая, непостоянная *погода* въ Апрѣль, у Рускихъ въ обыкновенномъ языкѣ называется *Апрѣльской*, такъ какъ у Нѣмцевъ *Aprilwetter*, а *Aprilglück*, переменчивое счастье. На Сѣверѣ и погода могла давать поводъ къ объясненію и къ введенію чужеземнаго обычая обманывать въ первый день Апрѣля, и веселыми шупками встрѣчать возвращающуюся весну.

У.

СВИСТОПЛЯСКА.

Свистопляску Вяпчане ежегодно празднують въ четвертую субботу по Пасхѣ: тогда собирается множество народа, по большей части, проспаго, на то самое мѣсто, гдѣ они, въ 1480 году (1), подъ предводительствомъ Михаила Рожухина, или, по Софійскому временнику, Росхохина, сражаясь ночью, по невѣденію, съ Успюжанами, пришедшими къ нимъ на помощь прошивъ Ташаръ, побили союзниковъ девять тысячъ подъ предводительствомъ Новгородскаго выходца Анфала, или Анеала, и сына его Неспора. На разсвѣтъ только дня Вяпчане узнали свою ошибку. По етому случаю сосѣди прозвали ихъ *слѣпородами*, что

(1) Такъ въ Вяпскомъ рукоп. лѣтописцѣ, по свидѣтельству Преосв. К. Но въ Софійскомъ временникѣ, ш. I. стр. 452. означенъ 1418 годъ сего событія.

они своихъ не разглядѣли. Мѣсто погребенія убиенныхъ обратилось въ гульбище: оно находится на горѣ Раздерихѣ, близъ присущственныхъ мѣстъ, надъ ровомъ рѣки Вяпки. Тамъ въ воспоминаніе гибельной битвы Вяпчане соорудили деревянную часовню; въ самый день Свиспопляски, послѣ обѣдни, поющія общія панихиды по убиенныхъ Устюжанамъ, съ провозглашеніемъ вѣчной памяти: „Анѣалу, предводителю Устюжскому, Нестору сыну его, Стефану, Феодору, двумъ Машеіямъ, двумъ Григоріямъ, Іоанну, Панкратію, Исааку.“ Въ етой часовнѣ стойтъ большой деревянный крестъ, поставленный, неизвѣстно по какому случаю, какъ показываетъ вырѣзанная на немъ надпись: *Во второй день Мая 1593 года, при Благовѣрномъ Царѣ Великомъ Князѣ Феодорѣ Иоанновичѣ и при Благовѣрной Царицѣ, Великой Княгинѣ Иринѣ Феодоровнѣ Годуновой и при Московскомъ и Всероссійскомъ Патріархѣ Іовѣ (2).*

Во время Свиспопляски, около надгробной часовни, по праздничному обычаю, разставляющія шапры, продающія особенныя, дѣлаемыя къ етому дню и случаю, глиняныя

(2) Сравни ст. XX въ III части кн. I. Трудовъ и Записокъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. М. 1826, въ 8.

лошадки, свистки съ погремушками, шарикки и разныя лакомства. Тамъ тогда ребяташки играютъ въ куклы, безпрестанно свистящъ, приплясывая, или спановаясь по обѣ стороны рва, какъ бы въ наступательномъ положеніи, бросающъ другъ въ друга глиняными шариками, будно въ напоминаніе воинской ошибки предковъ; свистъ же естъ просонародное выраженіе промаха. Между пѣмъ вплошь до вечера продолжается гулянье Вяпчанъ; тамъ поющъ пѣсни подъ звукъ скрипокъ и балалаекъ.

VI.

ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ ВЕСЕННІЙ.

Какъ весенній, такъ и осенній Юрьевъ день естъ праздниѣкъ земледѣльцевъ и паспуховъ, у Рускихъ, Славянъ и другихъ племенъ. С. великомученикъ Георгій, родомъ Каппадокіанинъ, современникъ Діоклипіана, почипаешся покровителемъ земледѣлія, спадъ и паспуховъ, по самому значенію его имени и потому, что онъ являлся на конѣ и въ одно изъ такихъ явленій исцѣлилъ паспуха, обличивъ его въ похищеніи овцы (1). Онъ славенъ также низложеніемъ, въ Ливійскихъ спранахъ, ужаснаго дракона и спасеніемъ отъ него дѣвицы, обреченной ему на жертву. Подобное чудо приписывается и въ другихъ спранахъ другимъ святымъ. Бароній въ своихъ церковныхъ лѣтописяхъ упоминаеть, что въ IV вѣкѣ по Р. Х. чумоносный драконъ, поселясь у скалы Тарпейской, заразительнымъ дыханіемъ и опустошеніемъ окрест-

(1) Дни богослужбные православной Греко-Росс. Церкви, соч. М. Дебольскаго. Спб. 1837, въ 8.

ностей приводилъ въ ужасъ тамошнихъ жителей. Папа Сильвестръ осѣнивъ его чудовище крестомъ, низложилъ его. Въ память такого событія, въ VI вѣкѣ, учреждено Григоріемъ великимъ крестное хожденіе, ежегодно, для напоминанія чудесной побѣды, одержанной Римскимъ Первосвященникомъ. Между тѣмъ, въ 628 году, распространилось во Франціи вѣрованіе, что Св. Романъ освободилъ городъ Руанъ отъ чудовищнаго дракона; что С. Юліанъ, первый Епископъ Манскій, сокрушилъ въ селѣ Арленсѣ губительнаго дракона, который гнѣздился въ спѣнахъ одного древняго языческаго храма. По преданію, въ округѣ Тейля, С. Арнелій припавъ на еписпрахили своей подобное чудовище, бросилъ его съ горы въ воды Сеиха. По сказанію Григорія Турскаго, С. Марцельмомъ освобожденъ былъ Парижъ отъ дракона; а въ Генуѣ недавно еще на площади храма Сан-Сиро, показывался древній колодезь, гдѣ сокрытъ былъ змѣй, пораженный сверхъестественною силою. Во Франціи, въ V вѣкѣ по Р. Х. учреждены процессіи, въ коихъ по три дни носимо было изображеніе дракона на шестѣ (2).

Между старинными рыцарскими пѣснями у Нѣмцевъ встрѣчается пѣснь о *сраже-*

(2) Antichità Romantica d'Italia: sulle feste. Milano. 1829, in 8.

ни Дидриха съ дракономъ (Dieterichs Drachenkampf): она содержишь въ себѣ описаніе битвы Бернскаго Дидриха съ дракономъ, котораго онъ убиваетъ для спасенія дѣвицы. Колларъ, въ собраніи Чермнорускихъ пѣсенъ, приводитъ Старославенскую легенду о Swatém Girj, гдѣ также воспѣвается побѣда его надъ змѣемъ и освобожденіе дѣвицы; она оканчивается слѣдующими стихами:

Swaty Girj znamena Krista spasitele,
 A drak satana, zleho nepritele,
 Panna cirkew swatù znamena,
 Ktera gest krwi Kristowu wykupéna.

Такое преданіе, укоренившееся у споль многихъ народовъ Европы, побуждаетъ насъ искать общаго начѣла сему вѣрованію. Слова С. Евсевія, согласныя съ словами легенды, представляють намъ объясненіе. Въ письмѣ своемъ къ Константину онъ изъясняетъ совершенную радость объ истребленіи Язычества въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Теперь воз-,
 „становлена свобода, и промысломъ всемо-,
 „гущаго и всеблагаго Бога сокрушенъ дра-,
 „конъ (3).“ Драконъ означаетъ геній Язычества: отсюда и сокрушеніе шакого спраш-

(3) Nunc vero, cum libertas restituta sit, et Draco ille providentia quidem Dei Optimi maximi submotus est.

наго звѣря аллегорически представляло Христіанамъ положеніе перваго камня новой Церкви на развалинахъ языческаго служенія, или, другими словами, поржесство Опкровенія надъ духомъ мрака. Столь обширное значеніе дано подвигу С. Георгія!

Благоговѣніе въ Св. Побѣдоносцу распроспранилось во всемъ Христіанскомъ мірѣ: у Грузиновъ, Грековъ, Генуезцевъ, Италіанцевъ, Французовъ, Англичанъ и Рускихъ. Имя его служило девизомъ, паролемъ и клятвою у Франковъ при судебныхъ поединкахъ и въ битвахъ; ликъ его изображался на гербахъ и на монетахъ Генуезскихъ, Англинскихъ и Рускихъ; Грузія, многіе города и урочища, особливо горы въ Нѣмецкомъ, Славянскомъ и Рускомъ мірѣ ознаменованы его именемъ, на пр: въ Верхней Венгріи при рѣкѣ Прадѣ S. Georgenberg, по Славянски Sobotir; въ Краинскомъ Герцогствѣ S. Georgenberg, или Jörgenberg, по Краинской Jurvava gora, помѣстье и замокъ; въ Тиролѣ Zergenberg; подлѣ рѣки Тунегги Юрьева гора. Въ Нерехтѣ ведется поговорка о богатомъ и зажиточномъ человѣкѣ, заимствованная отъ Егорьевской горы близъ города: *Онъ сытъ какъ Егорьева гора.* см. выше *Красная горка.*

Имя Георгій, отъ Греч. γεωργός и γεώργιος, земледѣлецъ, селянинъ, въ Даніи и Швеціи

Jörgen, Iögan, Gögan, у Нѣмцевъ въ проспонародномъ языкѣ Iürgen, копорого они нѣкогда почитали за нѣкое древнее божество своего Язычества. У Рускихъ издревле, вмѣсто *Георгій*, употреблялось *Юрій*, *Гюргій* и *Гюрги*, вѣроятно опъ Греческаго народнаго *Γοῦργος* и *Γιοῦργάτη*, или опъ Нѣмецкаго *Zürgen*. У Малороссіянъ епо имя выражаещя по проспорѣчю *Юрко*.

Егорьевъ день еспъ не только церковный, но и народный праздникъ, копорый сопровождается у Грековъ, Скандинавовъ, Нѣмцевъ и Славянъ разными примѣтами, обрядами и весельями. Епопъ свяпый випязъ являясь облеченнымъ мѣами народнымъ, принимался у Нѣмецкихъ Славянъ за Свяповида, копорому посвященъ былъ бѣлый конь; у Греко-Римлянъ, обратившихся къ Хрїстіанству, нерѣдко смѣшивался съ Аполлономъ, Тезеємъ и другими героями Язычества. Сувѣріе жипелей Скандинавіи приписало С. Георгію пакія качества и подвиги, какіе придавало Тору или Одину (4).

Сама древность Хрїстіанская, по свидѣтельству С. Григорія Назіанзина, приписывала св. мученикамъ вліяніе на погоду и

(4) Edda Saemundina. t. III.

на плодоносіе земли : опъ епого вспрѣчается у разныхъ народовъ множесиво повѣрствъ и обычаевъ сельскихъ въ календарѣ погоды, ознаменованныхъ именемъ С. Георгія.

Въ Греціи С. Георгій, почитаемый покровителемъ земледѣльцевъ и паспуховъ, открываетъ паспущескій годъ и празднуется семейнымъ пиршесивомъ, на коемъ обыкновенно съѣдается первенецъ спады. Самы Туркы имѣютъ глубокое уваженіе къ сему святому, котораго называютъ *Djirjis*; Султанскимъ указомъ строго запрещено употреблять въ пищу ягнятъ прежде Юрвевы дни (5).

Весенній праздникъ С. Георгія приходится въ то самое время, когда у многихъ изъ сѣверныхъ народовъ вошло въ обыкновеніе шоржесивовать наспупленіе лѣшняго періода, или весны; и донынѣ въ Исландіи и Финляндіи просполюдины почитаютъ епоть день за великое празднесиво, опсправляемое у нихъ съ чрезвычайною радоспью и съ различными языческыми обрядами. Въ епо время муцины, предаваясь пьанспву, цокотъ пѣсни, а женщины дѣлаютъ возліанія молокомъ у нѣкоторыхъ священныхъ деревьевъ. Въ Скандинавіи часто вспрѣчается живописное

(5) *Pouqueville voyage dans la Grèce. V tomes. à Paris. 1820, in 8,*

и ваяпельное изображеніе С. Георгія, поражающаго копьемъ дракона, и доселѣ въ народѣ повпоряется сказаніе о его подвигѣ. На островѣ Фіоніи, близъ Свенбурга, указывается мѣсто, гдѣ, по преданію, С. Побѣдоносецъ сражался съ дракономъ и гдѣ поле, обогренное кровью чудовища, ничего не произрастаетъ (6). Изъ легенды у Французовъ о покорности низложеннаго змія С. Георгію произошла поговорка: *Rendre les armes à Saint Georges*, возвращишь оружіе С. Георгію.

Въ Сербіи, въ Юрьевъ день, весьма уважаемый народомъ, прежде восхожденія солнца начинаютъ купаться, и освященною вербой, такъ какъ въ Россіи, выгоняють въ поле скопину. Тамъ и пословица говоритъ: *Нѣтъ лѣта безъ Юрьева дни*; а въ пѣсняхъ дѣвица такъ призываетъ епомъ день: „О праздникъ С. Георгія, приди и найди меня „за мужемъ!“ (7). Мадьяры называютъ и Апрель, въ коемъ приходится оный, *Szent György hava*.

Въ Булгаріи имѣють обычай въ день С. Георгія закалать агнца такъ, чтобы ни капли крови его не пало на землю, а кровію его

(6) *Nub's Finnland u. seine Bewohner*. Leipz. 1809, in 8, p. 306.

(7) *Poësie populaire des nations Slaves* въ *Revue britannique*. Janv. 1837, No 13.

помазываютъ дѣшею своихъ, дѣлая знаменіе креста на челѣ, ланипахъ и бородѣ. Зажаривъ епото барашка, собираются всѣ домашніе и холосная родня, призываютъ священника, копорый надъ нимъ чипаетъ молищву и благословляетъ: попу отдаются шкурка и лопатка ягненка. Когда ѣдятъ освященнаго барашка: по собравъ всѣ косточки, зарываютъ ихъ въ землю. Въ епото же день, по замѣчанію Г. Липранди, жарится такой барашекъ, только безъ означенныхъ обрядовъ, въ Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ и въ другихъ мѣстахъ Општоманской Имперіи. На всемъ Воспокѣ, въ Архипелагѣ и у насъ на Черномъ морѣ, Греки, Славяне и Турки не прежде пускаются въ море, какъ въ Юрьевъ день (8).

Во многихъ мѣстахъ Красной и Бѣлой Руси Юрьевъ день — праздникъ паспуховъ, въ Черной Руси *обѣдная*, когда свящаютъ хлѣбъ. Епо поржештво сопровождается конскими респаніями, пѣснями и пиршествами. Въ Бѣлоруссіи тогда же выгоняютъ изъ хлева вербою скотъ *на Юрьеву росу* (9); шамъ

(8) Путешествіе изъ Триеста до С. Петербурга, въ 1810, 2 ч. М. 1825, въ 8.

(9) Съ Юрјева дни до Михайлова въ Тюрингенъ запираются луга, въ силу сѣннаго права (*Heuezeit*), которое

поговорка *вытти на Юрьеву росу* значить выздоровѣшь больному челоуѣку: тогда па-спухи получають по десяжку яицъ, по кувшину молока и гоповяшь себѣ въ полѣ ячню. По выгонѣ скопа на Юрьеву росу, хозяинъ уже не заботится объ немъ, будучи увѣренъ въ безопасности своей скопины, порученной покровительству С. Георгія. По памошной поговоркѣ, *Св. Юрій коровѣ запасаетѣ, а Никола коней*. Если же тогда случится въ приходской церкви праздникъ сему святому: то отправляется *жермашѣ*, у Поляк. *Kiermasz*, или *Tagmark*, приходское торжество, соединенное съ угощеніемъ сосѣдей.

Въ Малороссіи, 23 Апрѣля бываешь кресный ходъ *на жито*, по замѣчанію Г. Лашкевича изъ Спардуба: оппѣвъ молебень съ водосвятиемъ, священники обропляютъ

и произвело пословицу: *Die Wiese gehet in das Heu zu St. Georgentag*, т. е. лугъ идетъ въ сѣно, на лугахъ начинають косить, съ Георгіева дни. Другая пословица также гласить:

Auf Sanct Jürgen

Soll man die Kuh von der Weide schürgen,

т. е. На св. Юрія надобно корову шуркать (гнать) съ пажити. См. *Die Sprichwörter u. sprichwörtlichen Redensarten der Deutschen*, von Dr. W. Körte. 4 Lief. Leipzig, 1837, in 8.

нивы св. водою. Послѣ ешого, молодежь обоего пола забавляется невинными играми, капаешся по жишу, чшобы *быть сильными и здоровыми, какъ Юрьева роса*. До креспнаго хода поселяне не выгоняють скопины въ поле; а женщины знахарки, на зарѣ ешого дня, выходятъ на поле и шамъ разспилають холспъ, кошорый онѣ нащипываютъ росою: ешимъ онѣ хваляшся, по произволу, причинишь вредъ рогашому скоту, особливо коровамъ, опнимаю у нихъ молоко. Въ Курскѣ, въ Юрьевъ день, близъ Егорьевской церкви на Херсонской улицѣ бываешъ ярмарка, на коей продаюшся деревянныя и глиняныя коровки и другія живопныя.

На Сѣверѣ Россіи, въ еполтъ день бываешъ первый всенародный праздникъ съ отккрытія весны; между простолудинами онѣ поже, чшо въ городахъ первое Мая. Въ Шенкурской и Вельской округахъ, по Вагъ, въ Юрьевъ день опсправляешся молебствіе всѣмъ міромъ, кошорое заключаешся пиршешствомъ по домамъ. Молодцы, дѣвицы и молодки собравшись шамъ на широкіе луга, составляють два опдѣленія; молодцы присоединяюшся къ дѣвицамъ и взявшись за руки, бѣгають по прямому направленію, влошь до вечера. Послѣ ешого праздника, креспьяне принимаюшся сѣять ячень, овесь и ш. д. Обо-

ло Солигалича и Буя, въ Юрьевъ день, ночью крестьяне ходящъ и поютъ пѣсни съ припѣвами о сохраненіи стада своихъ. Въ Смоленскѣ жипели выходятъ за городъ прохладжашься *на горы*, а паспухи выгоняютъ скопъ на Юрьеву росу и справу. Въ Тульской Губ. служащъ шакже молебны на колодцахъ; послѣ чего, окропивъ скопъ св. водою, выгоняютъ его въ поле вербою, освященною въ Вербное Воскресенье. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ ходящъ вокругъ селъ и полей съ св. образами; въ Муромскомъ уѣздѣ, по свидѣтельству Ходаковского, сами поселане нашивали св. образа и свѣчи вокругъ пашни своей, съ пѣніемъ слѣд:

„Воскликнемъ-те, брапцы,
Свяшую куралесу (10):
Даждь, Боже, намъ
Ячмень усапый,
Пшеничку колосиспу, и ш. д.

С. Линде въ своемъ Словарѣ Славянскихъ нарѣчій замѣчаетъ, что „въ Россіи два Егорья: „одинъ весенній, другой осенній; одинъ „го-
„лодный, другой холодный.“ — Какъ въ разныхъ климатахъ Россіи, въ Юрьевъ день случается разная погода, и природа представляется въ разныхъ видахъ: по въ одномъ мѣстѣ онъ является *сб тепломб*, въ другомъ

(10) Въроашно, искаженное: *Кѳrige ѓлѣтбов*.

съ двѣнадцатю морозами, въ одномъ съ водой, въ другомъ съ кормомъ. Въ Московской, Коспромской и иныхъ Губерніяхъ подь одинакою съ ними широтою, пословица гласишь: *Егорій съ тепломъ, а Никола съ кормомъ*; онъ приходишь съ двѣнадцатю морозами и попомъ съ тепломъ. Двинскіе и Важскіе жищели говоряшь: *Егорій съ водой, а Никола съ травой*; попому чпо съ перваго дни послѣднихъ числъ Апрѣля, Сѣверная Двина и Вага часпо вскрываюшся, а съ появленіемъ Мая появляешся зелень на берегахъ, освобожденныхъ опъ льдиспой коры своей. Въ Тульской и Орловской Г. говоряшь поселяне: *Егорій съ полувозомъ, а Никола съ цѣлымъ возомъ*, а въ Рязанской и Тамбовской: *Егорій съ кормомъ, а Никола съ мостомъ*. Съ ешимъ днемъ у креспьянъ соединены разныя примѣшы, опносящіяся къ ихъ быпу; тогда бываюшъ у нихъ сроки и шорги, выгоны и первое сѣяніе яроваго и огородныхъ распеній. Начиная съ Юрьева праздника свои шруды и сдѣлки, они сваяпашъ имя С. Георгія великимъ благоговѣніемъ и призываюшъ его на помощь въ работахъ и напашяхъ своихъ.

При началъ Хрїстіанства въ Россіи нѣкоторыя великіе и удѣльные Князья носили уже имя С. Георгія, въ честь котораго и

сооруженъ храмъ въ Кіевѣ предъ врапами С. Софіи, 1057 г., и установленъ празднигъ освященія онаго по примѣру Греческой Церкви. На Югѣ Ярославомъ Юріемъ, основателемъ Юрьева Ливонскаго, а на Сѣверо-Востокѣ Россіи поселено особенное благоговѣніе къ сему святому В. К. Юріемъ Долгорукимъ, основателемъ Юрьева Польскаго; послѣдній съраспространеніемъ своихъ владѣній на Сѣверѣ распространилъ и вѣру Евангельскую подъ знаменами своего папрона, между полуязыческими племенами, и соорудилъ въ честь его церкви (11): чпѣ, можетъ быть, и дало поводъ внести С. Георгія и въ гербъ Россійскій, какъ утвердителя и защитника православія, поборника Хрісполюбивому воинству и *плѣнныхъ свободителя*. Въ старинномъ народномъ сказаніи *Егорій храброй* (12) предсавляется сыномъ премудрой Софіи и братомъ шрехъ ея дочерей, противникомъ Бусурманства и поборникомъ вѣры истинной на свѣсплой Руси. Принявъ благословеніе отъ Св. Софіи, онъ говоритъ:

„Поѣду я по всей землѣ свѣсплоруской
Утверждашь вѣры Хрістіанскія.“
Туть же Егорій побъжаючи,
Свяшую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побъждаючи,

(11) *Карамз.* И. Г. Р. ч. I.

(12) по списку П. В. Киреевскаго.

Наѣзжалъ Егорій храбрый
 На лѣса на дремучіе :
 Нельзя Егорію было проѣхашъ ,
 И Святому подумаши ;
 И Святой Егорій проглаголуешъ :
 Ой вы, лѣса шѣмные !
 Вы лѣса дремучіе !
 Заросшешся вы, лѣса ,
 По всей землѣ свѣшлоруской ,
 По крупымъ горамъ , по высокымъ ,
 По Божьему все повелѣнью ,
 По Егорьеву все моленію !

Св. Георгій назначаешъ мѣсто въ Ру-
 ской землѣ, по Божьему велѣнью, лѣсамъ,
 горамъ, рѣкамъ, звѣрямъ,

Они (звѣри) пьюшъ, ѣдять повелѣнное,
 Повелѣнное, благословенное
 Ошъ Георгія храбраго,
 Наѣзжалъ Егорій на спадо на змѣнное;
 Вынималъ Егорій саблю оспрую,
 Спадо оспрое, змѣнное.
 Постѣкъ, порубиль спадо оспрое.

Въ заключеніе Побѣдоносецъ крестиль
 прехъ сестръ изъ Бусурманской вѣры въ
 истинную Хрістіанскую. Епа легенда, по за-
 мѣчанію Профессора Шевырева, вѣроятно
 относітся къ эпохѣ освобожденія Россіи
 ошъ Тапарщины — *стада змѣнаго.*

О Св. Георгіѣ у крестьянъ существуетъ повѣрье, что онъ ѣздитъ на бѣломъ конѣ, который въ средніе вѣки былъ символомъ феодальнаго Государя (13); хранишь свою и только за нечестіе пастуховъ предаешь его на расхищеніе волкамъ; опшого вѣроятно и поговорка: *Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ.*

Еще въ XVI вѣкѣ существовало на Руси повѣрье, что въ Лукоморьѣ есть люди, которые умираютъ въ Юрьевъ день осенній (26 Ноября), а въ весенній оживаютъ, снося предъ смертію своей повары въ одно мѣсто, гдѣ сосѣди ихъ, въ печеніи зимы, могутъ брашь оные за извѣстную плашу. Зимнеспячки воскресая весной, разсчитываются съ ними (14). Подобное сказаніе о полунощныхъ народахъ, спавшихъ по шести мѣсяцевъ въ году, извѣстно было и Геродоту, который не вѣрилъ етому, хотя основаніе такому мнѣнію находилось въ мѣстности, климатъ и образъ жизни.

Какъ весенній, такъ и осенній Юрьевъ день, на Руси въ старину былъ замѣчаше-

(13) У Поляковъ есть и пословица: *Nabożny iak S-Jerzego koń*, „набоженъ какъ конь С. Георгія“ говорится о пустосвахъ.

(14) *Харамз.* И. Г. Р. ч. I стр. 8 и VII стр. 233.

лень срокомъ перехода поселянъ отъ одного помѣщика къ другому и поселенія ихъ, по условію, на помѣщичьей землѣ; онъ важенъ началомъ и окончаніемъ полевыхъ работъ; самый оброкъ, вносимый крѣпстьянами помѣщику, называется *Юрьевымъ* (15).

Въ память побѣды Русскихъ надъ Чудью и Вопянами, жигтели Хлынова весною и осенью въ Юрьевъ день нашивали изъ села Волкова въ Вяпку съ образомъ С. Георгія желѣзныя стрѣлы, бывшія оружіемъ Чудскимъ (16).

Сполъ много воспоминаній и предметовъ жизни народной соединялось въ лицѣ С. Георгія! Его день на Руси важенъ не только какъ праздникъ церковный, но какъ и народный, въ историческомъ, хозяйственномъ и политическомъ отношеніи. —

(15) см. Рускіе въ своихъ пословицахъ, И. С. ч. I—4.

(16) *Каралз.* И. Г. Р. ч. III. прим. 33.

VII.

ПЕРВОЕ МАЯ.

Первомайскій праздникъ у городскихъ жителей есть первое весеннее гулянье за городомъ въ роцѣ, гдѣ болѣе катаются въ экипажахъ, чѣмъ гуляютъ пѣшіе. Перваго Мая бывали и школьныя празднества въ западной, южной и отчасти въ сѣверо-восточной Россіи.

Его гулянье, неизвѣстное въ сельскомъ быту на Руси, есть иноспранное и новое; возводя насъ къ западнымъ обычаямъ, оно переноситъ въ древній Римскій міръ, гдѣ надобно искать и самаго значенія слова *Май*.

Нашъ Май есть Римскій *Majus*, сначала претій, а потомъ пятый мѣсяць года, посвященный у Латинянъ разнымъ богослужбынымъ обрядамъ и празднествамъ, какъ-то: въ честь Доброй Богини (*Bona Dea*), или *Maiu*, вѣроятно давшей названіе и мѣсяцу, который другіе производятъ отъ *maiores* (предковъ), въ память усопшихъ (*Lemuria* или *Remulia*), также въ честь Меркурія, проводника душъ усопшихъ, сына *Maiu*, дочери Аплантовой и т. д. (1). Изъ числа мѣстныхъ божествъ

(1) Neues Real-Schullexicon, von C. Junke. 4 L. Braunschweig. 1801, in 8.

Лаційскихъ извѣспенъ *Maii* (Majus) въ Тускулъ, а *Maii* (Maia, или Majesta), по свидѣтельству Магробія, посвященъ былъ мѣсяцъ Май. Всѣ сіи божества и мнѣи одноименные, взятыя вмѣстѣ, могли сообщить свое названіе мѣсяцу Маю, который и самые Римскіе писатели производятъ по ошъ одного, по ошъ другаго. Въ вѣчномъ градѣ было также Майское празднество *Majuma* въ воспоминаніе *Maii*, выводимой изъ Востока и значущей въ Индійской Мифологіи *мать природы*; оно, какъ полагаютъ нѣкоторые Археологи, начиналось въ концѣ Апрѣля и оканчивалось въ началѣ Мая (2), сославляя одно съ *Iudi florales*. Въ епошъ праздникъ Римляне обливали другъ друга и купались въ Тибрѣ, въ который Веспалки бросали тростниковыя чучелы въ честь Сатурна. У Франковъ былъ подобный первому обрядъ, сопровождавшійся наказаніемъ мужей, давшихъ волю своимъ женамъ (3). Первое Мая съ утра Римляне обоюго пола выходили въ поле съ музыкою собирать зеленыя вѣтви, коими украшали двери своихъ родственниковъ и друзей.

Дни поминовеній у Римлянъ осенью и особливо весною почитались неблагопріят-

(2) *Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis*. t. IV. Halae. 1786, in 3.

(3) Вѣстникъ Европы 1811, No 20.

ными для свадебъ ; посему и Май, признаваемый бѣдспвеннымъ для супружесствъ, далъ поводъ къ пословицѣ: *Mense Majo malae nubunt*, п. е. въ мѣсяцъ Маѣ выходятъ за мужъ зло нравныя, распушныя. Это повѣрье, пропивное испиной вѣрѣ и разсудку, передалъ намъ Овидій *in Fastis*, кн. V, въ слѣдующихъ стихахъ:

*Nec viduae taedis eadem, nec virginis apta
Tempora; quae nupsit, non diuturna fuit.
Nas quoque de causa, si te proverbia tangunt,
Mense malas Majo nubere vulgus ait.*

„п. е. Время сіе не благопріятно ни вдовамъ, ни дѣвицамъ, вступающимъ въ бракъ; не „долговѣчна бывала она, которая выходила „за мужъ. По епой причинѣ, если вѣрить „пословицѣ народной: въ мѣсяцѣ Маѣ выходятъ „за мужъ женщины злонравныя, дурныя.“ Плутархъ говоритъ также, что „Римляне не женятся въ Маѣ, но ожидаютъ Іюня“ : *οὐ γὰρ μοῦβιν οὐν ἐν τῷ Μαΐῳ, περιμένοντες τὸν Ἰουλίον* (4). Также у Рускихъ извѣстна поговорка: *Кто въ Маѣ женится, тотъ будетъ вѣкъ маяться.* Примѣта о маяніи супруговъ, сочетавшихся въ Маѣ, какъ замѣчаетъ одинъ Археофилъ (5), ежели встрѣчается и въ креспьянствѣ: по вѣрояшно, отъ того,

(4) *Plutarchi R. Q.* 86.

(5) Московск. Вѣстникъ, 1828, № 4.

что послѣ Мая начинающся для бабъ, подлинныхъ помощницъ для мужей, самыя трудныя работы, при недоспаѣхъ продовольствія: возка и разбивка назема, сѣнокосъ и жнишво. Французы говорятъ также пословицей: *Noces de Mai, nocés mortelles*, п. е. Майскія свадьбы, смертельныя свадьбы.

У Грековъ *Первое Мая* (*Прωτομαϊα*) есть веселый праздникъ, похожий на Рускій Семикъ. Тогда у нихъ двери домовъ украшающся цвѣтами и древесными вѣтвями, и вся Греція встрѣчаетъ начало лѣта въ рощахъ и садахъ народными увеселеніями. Но самое названіе мѣсяца и празднество заимствованы ими отъ Римлянъ. Въ Эссалии, по свидѣтельству тамошняго уроженца ученаго Байло, двое юношей въ вѣнкахъ ходятъ по домамъ въ первый день Мая.

У Шведовъ, Датчанъ, Нѣмцевъ и Англичанъ издревле *Первое Мая* (*Meje-tag*) было радостнѣйшимъ праздникомъ, вѣроятно, оспашкомъ Одинова богоученія. Майскія веселья сопровождались хороводами вокругъ *Майскаго дерева*, которое у Римлянъ называлось *Maius, arbor majalis*, у Датчанъ *Maistræe*, у Англичанъ *Maurole*, у Французовъ *le mai*, у Нѣмцевъ *Maibaum* (6). Доселѣ молодыми березками (*die Maie*) украшаются въ Германіи дома, комнашы и церкви, особливо

(6) Edda Saemundina, t. III.

въ Троицынъ день. Первое Мая поселяне одного или многихъ селеній, собравшись вмѣстѣ, ѣздящъ вапагами на лошадяхъ съ зелеными вѣшьями въ рукахъ или на шляпахъ; что называется въ Даніи и Германіи: *привозить лѣто на коняхъ въ село*. Тогда же пѣвались веселыя пѣсни. Брапчины, дѣлавшія на свой щепъ пиршество, назывались *Majgilder*. Отъ Майскихъ народныхъ игръ произошли у Франковъ и Англичанъ собранія *Майскаго поля* (*Mai campus*), какія ежегодно назначали въ Маѣ первые Короли Франкскіе. По окончаніи дѣль, давались пиршества и зрѣлища съ разными попѣхами. Во многихъ мѣстахъ Франціи еще сохраняется обычай спавинь передъ домомъ городскаго Мера Майское дерево. При Людовикѣ святомъ дѣяки (клеры) судилища *Vasche* пользовались правомъ срубить дерево въ Винценскомъ лѣсу и спавинь его предъ дворцемъ. Наконецъ, въ Испаніи наряжаютъ прекрасную поселянку въ бѣлое платье и увѣнчавъ ее цвѣтами, сажаютъ на шпронъ, а юныя подруги, окружающія ее, дѣлають сборъ для *Maiи*, какъ бы въ воспоминаніе епой плеяды (6). Тамъ Апрель и Май почитаются ключами къ цѣлому году. Въ Англии и Скандинавіи

(6) Dictionnaire de la conversation et de la lecture. t. XXXV. Paris. 1837, in 8.

избирались Майскіе цари и царицы, копорые въ вѣнгахъ изъ Майскихъ цвѣшовъ, въ сопровожденіи юношества обоого пола, обводимы были вокругъ высокаго шеста, называемаго *Majstöng*. Шведскій Король Густавъ I, въ 1596 году, сдѣлалъ Іоанна Магнуса, Упсальскаго Архіепіскопа Майскимъ Королемъ (*Maigreffe*), котораго водили въ цвѣшочномъ вѣнкѣ по улицамъ на Ериховой ярмаркѣ, 18 Мая. Ешопъ *Maigreffe* давалъ пиршество Королю, придворнымъ и народу (7).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи Ивановъ огонь (*Johannisfeuer*) зажигають 1 Мая, добывая его преніемъ дерева объ дерево (8). Какъ въ Кіевѣ, въ Ивановскую ночь, на Лысую гору, такъ въ Германіи на Броккенъ, или Блоксбергъ, въ Вальпургову ночь, наканунѣ перваго Мая, оповсюду собираются вѣдьмы, колдуньи, враждебные духи и всѣ, которые находятся въ связи съ дьяволомъ: они превращаються въ разныя живошныя, ѣздають на лодапахъ и помелахъ. Тамъ онѣ пляшуть вокругъ чершова пребища и совершають неисповое шоржештво. Въ Вальпургову ночь, извѣстную въ Германіи и Швеціи, у Нѣмцевъ по мѣстамъ ведется обычай бѣгать съ

(7) *Ihre Glossarium Sviogothicum*. Upsalae. 1769, 2 v. in f.

(8) *Handbuch der Germanischen Alterthumskunde*, von Dr. G. Klemm. Dresden. 1836, in 8.

горящими пучками соломы, привязанными къ длиннымъ шесшамъ, и спрѣлять въ сосѣднія горы. Какъ Маемъ нѣкогда Европейскіе народы начинали новый годъ: то и еша таинственная ночь и относящаяся къ ней суевѣрія остаются еще въ обычаяхъ при перемѣнѣ времени года; при томъ первое Мая составляетъ для жителей Германіи важную эпоху, съ которой начинаются экономическій годъ и полевые работы, заключаются контракты по откупамъ: то древніе Нѣмцы, по суевѣрію своему, почитая всякую неудачу въ хозяйствѣ дѣломъ дьявола или вѣдьмъ, его помощницъ, могли представлять себѣ, что особенно наканунѣ Мая, ночью они спрѣяли имъ козни. Такимъ образомъ введенъ обычай разгонять въ эту ночь бѣсовъ и вѣдьмъ (9). Самое положеніе и свойство Брокке-на, составляющаго часть Гарца въ Вернигеродскомъ графствѣ, даютъ поводъ заключать, что тамъ въ Язычествѣ было капище, а въ ялскахъ вѣдьмъ предполагаются слѣды ночнаго сходбища и богослужебнаго обряда, совершавшагося жрицами и вѣдьмами. Майскій праздникъ истогниковъ славился въ Богеміи (10).

У Нѣмцевъ Май въ древности назывался *Mejemonat*, т. е. *Wonnemonat*, радостный, *Wiesemonat*,

(9) *Энциклопедическій Лексиконъ*, т. III.

(10) *Карамз.* И. Г. Р. ч. I.

луговой, Josephinat розовой; Tri-milchi, у древнихъ Саксоновъ и Англичанъ шрое-млечный, попому что въ Маѣ прижды въ день доятъ коровъ. У Славянскихъ племенъ епошъ мѣсяць извъспенъ по подь именемъ *Травеня*, по *Цвѣтенья*, по подь Римскимъ именемъ *Мая*. У Поляковъ полько Марпъ (Marzec) и *Май* (Maj) сходны названіемъ съ Римскими мѣсяцами; у нихъ Мау значипгъ шакже зелень, въпви съ зелеными лиспьями, особенно березы, а uшаіс głowę увѣнчапъ голову вѣнкомъ. Мај, Мајówкі — Майскія гулянья, празднигъ весны въ первомъ ея цвѣпѣ. У древнихъ жипелей, говорипгъ Л. Голембовскій, была богиня Мая, коей они воздавали почшеніе въ первый день ешого мѣсяца; ее донинѣ призываюпгъ Греки въ пѣсняхъ и пляскахъ, коими обыкновенно вспрѣчаюпгъ Славяне весну на муравѣ (11). При послѣднемъ изъ Королей Ягеллонскаго племени Сигисмундѣ Августѣ, еще въ нѣкоторыхъ округахъ сходились наряженныя молодицы на лугъ и, схватившись руками, составляли хороводъ (коло) и съ упоительными плясками возглашали похвалы веснѣ. Въ Пинцинѣ и другихъ краяхъ Липвы, первое Мая, народъ, собравшись на лугъ для веселья,

(11) Gry i zabawy różnych stanów etc. opis. p. L. Gołębiowskiego. w Warszawie. 1831, in 8.

спавилъ шамъ зеленое дерево, украшенное разноцвѣтными лентами. Туда сходились дѣвки, молодки и парни подъ предводительствомъ избранной ими прекрасной и ловкой дѣвицы, которая представляла изъ себя богиню Маю; свѣжій зеленый вѣнокъ украшалъ чело ея, а березовыя вѣтки обвивали весь ея станъ. Повторяя въ пѣсняхъ своихъ: о Маја! Маја! онѣ плясали около дерева.

Май былъ не только сельскимъ, но и издавна школьнымъ празднествомъ въ Польшѣ и Литвѣ. Въ тамошнихъ училищахъ оно извѣстно подъ именемъ Majówki, или рекреаце majowe. На самомъ разсвѣтѣ перваго или послѣдующихъ дней Мая, колокольчикъ и музыка сзывали учащихся и учащихся на дѣдинецъ (дворъ), опшуда ряды ихъ, подъ своими знаменами, шли за городъ, гдѣ ихъ угощали тамошніе помѣщики и гдѣ они забавлялись разными играми, особенно гимнастическими, и поздно уже вечеромъ возвращались домой съ веселыми пѣснями и музыкой.

Ешотъ обычай, существовавшій издревле во всѣхъ Европейскихъ училищахъ, изъ Польши перешелъ и въ южную и даже въ великую Россію, вмѣстѣ съ школьными системами.

Въ прежней Кіевской Академіи, въ при Майскія рекреаціи, всѣ ученики и учителя и спороніе любилели наукъ выходили для

забавъ на гору Скавыку между овраговъ, при урочищѣ Глубочица (12). Тамъ всѣ забавлялись разными играми, а студены пѣли кантаты. Учитель поэзіи обязанъ былъ ежегодно сочинять комедіи или трагедіи для такихъ прогулокъ, а прочіе учителя писали діалоги.

Въ прежде бывшемъ Харьковскомъ Коллегіумѣ и въ другихъ училищахъ духовныхъ праздновались Майскія рекреаціи 1, 15 и 30 числъ мѣсяца, а Богословскія 8 го.

Въ Великой Россіи, какъ мы уже замѣтили, у поселянъ Юрьевъ день, первый весенній праздникъ, по же что первомайское гулянье у горожанъ. Въ Москвѣ оно бываетъ обыкновенно въ Сокольнической роцѣ, которая сослავляетъ часть Лосиннаго погоннаго острова, гдѣ издревле Рускіе Государи любили пошѣщаться звѣриною и соколиною охотой. Въ просторѣчій это гулянье слыветъ *Нѣмецкими станами* и *Нѣмецкими столами*. Преданіе гласитъ, что здѣсь было первое спановище Нѣмцевъ, вызванныхъ и добровольно приѣхавшихъ въ Россію и поселившихся въ Нѣмецкой слободѣ, извѣстной подъ Финскимъ названіемъ *Кукуй*, или *Кокуй* (13). На новосельи они собирались воспоминашь

(12) Описаніе Кіево-Софійскаго Собора и Кіевской Іерархіи. Кіевъ, 1825, въ 4.

(13) костерь. см. *Журналъ. Карамз. И. Г. Р. ч. XI.*

отечественный свой праздник *Первое Мая*; любопытство привлекало туда и Русскихъ, у которыхъ въ послѣдствіи обрусѣлъ епопѣй чужестранный праздникъ; но названіе *Нѣмецкихъ становъ* удержалось.

Когда въ Москву приведены были плѣнные Шведы: Пётръ I поселивъ ихъ близъ Сокольничьей рощи, роздалъ знающимъ разнымъ мастерства въ науку Русскихъ мальчиковъ, которые помѣщены были въ Матроской фабрикѣ въ Преображенскомъ селѣ. Епопѣй Государь - хозяинъ, имѣвшій дворець въ Сокольничьей рощѣ, гдѣ теперь Чорикова дача и старыя липы въ саду, угощалъ Шведскихъ и Нѣмецкихъ мастеровъ, по обычаю ихъ спиранны, въ первое число Мая: епо угощеніе прослыло *Нѣмецкими столами*. Кпо изъ Московскихъ жителей не помнилъ тѣхъ *Русскихъ словъ*, какіе давалъ сряду при дни послѣ своей коронаціи Императоръ Александръ I своему народу на Сокольничьемъ полѣ!

Такъ изъ частнаго Нѣмецкаго гулянья сославилось общее Московское! Какъ Пётръ I завелъ въ Россіи народныя гульбища: по и учрежденіе первомайскаго гулянья въ Сокольникахъ приписывается ему, тѣмъ болѣе, что онъ обратился мѣсто соколиной попѣхи въ позорище примѣрныхъ сраженій, осадъ крѣпостей и, вѣроятно, самъ участво-

валъ съ Нѣмцами въ ихъ народномъ первомайскомъ праздникѣ, который они отправляли на чужбинѣ, подѣ гостепріимною сѣнью Сокольнической роши. Теперь, въ епоть праздничный день, роша, вмѣщающая въ себѣ прелестный лѣпный городокъ, оглашается оркестрами музыки и хорами пѣсельниковъ и цыганокъ; по дорогамъ планутся блестящіе ряды екипажей, неспирѣютъ группы пѣшеходцевъ обоого пола и разнаго званія, а въ спорнѣ, подѣ привѣпною сѣнью сосенъ сидятъ сѣмейныя круговеньки за самоваромъ; по мѣстамъ приманиваюиъ къ себѣ палатки и шапры съ прохладительнымъ и горячительнымъ, а разныя попѣхи балагановъ забавляюиъ толпы гуляющихъ.

Въ такихъ видахъ предспавляется у насъ первомайскій праздникъ, переданный намъ, какъ *школьный*, отъ Поляковъ, какъ *народный городскій*, отъ Нѣмцевъ! Отъ епото первый болѣе извѣстенъ въ бѣлой и малой Россіи, а другой въ великой. Оба сдѣлались достояніемъ городовъ; ибо у поселянъ первое Мая, съ *Еремея запрягальника*, выходятъ на *Майскую росу* пахать поле и, по Майской погодѣ примѣчаюиъ, каковъ будетъ урожай хлѣба и сѣна, чтобы зимою имъ не маяться.

УШ.

ПРАЗДНИКЪ КУКУШЕКЪ.

Пшпцегаданіе, или пшпцеволхвованіе, споль важное въ вѣрованіи Еспрусковъ, Римлянъ и восточныхъ племенъ, извѣстно и Славяно - Рускимъ, какъ видно изъ старинныхъ народныхъ повѣрьевъ и обрядовъ, доселѣ существующихъ (1). Къ пшпцамъ пѣвчимъ, вѣщимъ (*oscines*), предвѣщающимъ добро и зло своимъ голосомъ, принадлежишь *кукушка*, коей звукоподражательное названіе во всѣхъ почти языкахъ сходно: у Индусовъ она *kokila*, у Турокъ *koukou-kouchi*, у Еллиновъ *κοκκυξ*, у новыхъ Грековъ *κοκκος*, у Римлянъ *cuculus* (*canopus*), у Французовъ *coucou*, у Нѣмцевъ *Kuckuck* или *Maivogel*, у Англичанъ *cuckoo*, и ш. д. Но въ Малороссійскомъ нарѣчїи, такъ равно и въ Чешскомъ (*Zežhule*), она извѣсна подъ именемъ *зозули*; а въ Липовскомъ *Gieguzie*, *Kukuška* значитъ Май.

Въ Липовской Мифологїи, споль обильной превращенїями, кукушка занимаешъ главное мѣсто (2). Въ ней находится сказаніе о дочери богатаго дворянина, сесшрѣ прехъ

(1) см. Святки. вып. 11.

(2) Сынъ Отечества. 1836, No 16.

братъевъ, которые пали подъ предводительствомъ храбраго Кейспута на войнѣ съ монахами - рыцарями. Нѣжная сестра ушла горевать и плакать въ лѣсъ, и тамъ превращена въ кукушку верховнымъ божествомъ, надъ нею умилосердившимся. Въ память плача ея, вѣроятно, названа въ Россіи права *кукушкины слёзы* (*orchis latifolia*), а вдова и сирота — *горькою кукушкою*. И въ Русскихъ народныхъ сказкахъ, по свидѣтельству Г-на Глаголева, упоминается о превращеніи волшебницею одной несчастной дѣвушки въ *рябую кукушку* (3). Въ Самогичи и Липвѣ прослоядины весьма уважая кукушку, приписываютъ ей даръ предвѣстія. Если она закукуетъ надъ чьимъ либо домомъ: то ея почитается за предвѣщаніе смерти хозяину. Кпожь услышитъ въ первый разъ ея кукованье въ лѣсу, имѣя при себѣ деньги, тому вѣрная примѣта, что онѣ круглый годъ не будутъ у него переводиться. Ея голосъ служитъ оракуломъ для пого, кпо ее спрашиваютъ о чемъ либо (4). Народныя преданія сохранили намъ пѣсенку, которую и донынѣ поютъ дѣвушки въ Са-

(3) Труды Общества любителей Росс. Словесности при Моск. Унив. ч. XIX. М. 1821, въ 8.

(4) Абевага Русскихъ суевѣрій. М. Ч. Москва. 1786, въ 8.

могиціи, когда желаюшъ что либо узнать
опъ кукушки :

Tu seserity brangioy ,
Tu giegùzajty rajboy ,
Brolum arklus ganidama ,
Szytkum siufus wajstidama ,
Sasik kad'asz wiva gansu ?

ш. е. Ты, сестрица дорогая,
Пестрая кукушка;
Кормя коней брашнихъ,
Мошя нипи шелковая,
Скажи мнѣ, скоро ли мужа достану?

Сколько разъ, послѣ етого вопроса, про-
кукуетъ кукушка, чрезъ столько лѣтъ долж-
но и совершиться желаніе (5).

Въ Велпкой Россіи, когда поселяне
идутъ лѣсомъ и слышатъ кукованье вѣ-
щей пшцы; то спрашиваютъ: „Кукушка,
„кукушка! скажи, сколько мнѣ жить го-
„довъ?“ Сколько разъ прокричитъ еша пши-
ца, столько и считаютъ лѣтъ до своей кон-
чины.

Въ Липвѣ и понинѣ отправляютъ
праздникъ въ честь кукушки. На третій
день Свѣтлаго Воскресенья собирается мо-
лодежь изо всей деревни въ одинъ домъ и

(5) Сынъ Отечества 1836 г. No 16.

поютъ разныя пѣсни, послѣ чего наступаетъ панець Giaguzu. Царицею етого панца выбирается дѣвица отличной красоты (Giegiely); потомъ становящся въ кружокъ, среди коего сидитъ она на стулѣ съ завязанными глазами; всѣ пляшутъ вокругъ нея. Послѣ всякаго круга, мужчины подходятъ къ сидящей, и взявъ ее за руку, поютъ:

Karaliny giegiely kuku, kuku!

Asz tawa brolabys kuku, kuku!

ш. е. Царица кукушка, куку, куку!

Я твой братецъ, куку, куку!

Сидящая угадываетъ по голосу тѣхъ, кто болѣе нравится ей, выбираетъ себѣ трехъ молодыхъ парней, и развязавъ себѣ глаза, съ ними пляшетъ. При разспаваніи даритъ имъ песпрые кушаки своей работы, а парни съ своей стороны также дѣлаютъ ей подарки. Съ той поры дѣвушка называетъ есихъ парней братьями, а они ее сестрой. Игра сія, повидимому, происходитъ изъ народнаго мѣа, нами выше приведеннаго. Въ Норвегіи народъ празднуетъ *кукушкинъ день* (Saufstest, cuculi feria).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой Россіи опправляется поселянками, по древнему завѣтному обычаю, *крещеніе кукушекъ* по въ шретье, по въ пятое, шестое, иногда седьмое Воскресенье по Пасхѣ, болѣе въ день Женъ мв-

роносиць, когда въ Новгородѣ досель ежегодно спаянѣ горшечки съ пескомъ подѣ кирпичной несмазанной полѣ въ древней церкви Жень Мгноносиць на Ярославовомъ дворѣ. Поселянни въ Тульской, Орловской и Калужской Губерніяхъ тогда же идуць въ лѣсъ, уже одѣвшійся листьями, и шамѣ нагнувъ двѣ молодыя березки, связываютъ ихъ вмѣстѣ вѣшьями, платками и полотенцами шамѣ, чтобы онѣ соспали вѣнокъ и къ етому вѣнку привѣшиваютъ два креста. Двѣ подруги, желающія покумиться, ходятъ вокругъ вѣнка въ разныя стороны и по три раза крестообразно цѣлуются сквозь вѣнокъ (4). Между шамѣ прочія женщины поютъ :

Ты, кукушка, раба,
 Ты кому же кума?
 Покумимся, кумушка,
 Покумимся, голубушка,
 Чшобѣ намъ съ шобю не бранишься!

Послѣ сего подруги мѣняются крестами и съ того времени, называясь *кумами*, живутъ въ мирѣ и согласіи. Къ кумовству не допускаются муцины; однѣ женщины го-

(4) Путешествіе отъ Триеста до С. Петербурга, въ 1810 г.
 В. Броневскаго. ч. 1 и 2, М. 1828, въ 8.

появлять себя яшницю и послѣ дружескаго пиршества пляшуть тамъ подѣ обыкновенныя плясовыя пѣсни. Въ Орловской Губерніи ешотъ праздникъ опправляется съ нѣкоторыми особенностями, напр: кумы, надѣвъ креспикъ на ппичку кукушку, или на одноименную съ нею правку, кладуть ихъ на разоспанный плапокъ, садятся вокругъ его, мѣняются креспами и цѣлуются съ впрочими подругами, потомъ ѣдятъ яшницю. Кумовство также между женщинами походитъ на *братанье*, или *побратимство* между мущинами, а проспонародный праздникъ крещенія кукушекъ вѣроятно возникъ при переходѣ ошъ Язычества къ Хрїстіанству. Такъ какъ онъ бываетъ незадолго до Русальской недѣли, а Русалки, по мнѣнію народному, поскующія души младенцевъ, родившихся мертвыми или некрещенными: по Г. Глаголевъ и полагаешъ, что крещеніе кукушекъ справедливѣе надлежало бы названъ крещеніемъ Русалокъ (5).

(5) У Нѣмцевъ естъ примѣта въ слѣд. пословицѣ: Wenn der Guckuf noch lange nach Johannis schreit, wird's unfruchtbar und theuer, т. е. Если кукушка долго еще кричитъ послѣ Иванова дня (Іюня 24), то будетъ голодно и дѣрого.

IX.

СЕМИКЪ.

Въ сорокодневномъ періодѣ весеннихъ праздниковъ особенно замѣчательнъ *Семикѣ*, любимый народный, или лучше сказать, дѣвичій праздникъ, по содержанию своему сходный съ Святками. Онъ приходится въ седьмой *тетраергѣ* по Пасхѣ, на седмицѣ Св. Опець, которая у простолудиновъ извѣстна подѣ именемъ *семицкой*; а въ Малороссіи *клетальной* отъ *клетанья*, разнаго рода древесныхъ вѣтвей, особенно кленовыхъ, какими помѣ украшаются дворы и покои. Отъ седьмой седмицы обыкновенно производятъ названіе Семика, которому соотвѣтствуетъ также и сѣянiе и Польское слово *Сеймикѣ* (*Seimik*), сборъ. Въ Бѣлой и Черной Руси, Семикѣ, сопровождаемый ярмаркою, по свидѣтельству Мицкевича, слыветъ *Sionucha*.

Въ Москвѣ и даже въ Сибири Семикѣ называется *Тюлпою*, сходною съ древними Славянскими *Паствинами*, о коихъ говорится въ XIII вѣкѣ (1), и *Стадолѣ*, о коемъ упоминаетъ

(1) см. хараш. *Хоржгал*, хранящаяся въ Патриаршей Москов. Библиотекѣ, подѣ No 80, въ листѣ. — Въ Свее-Готскомъ *tölte* знач. пласать.

Длугошь въ XV вѣкѣ, какъ о языческомъ обрядѣ, совершавшемся ежегодно въ дни Пятидесятницы; попому что на это празднество собирались *толпами*, или *судомами* (2), а *стадится*, по изъясненію Академическаго Росс. Словаря, значить собираться въ толпу.

У Валсамона, писателя XII вѣка, епотъ праздникъ послѣ Пасхи именуется *Ровбѣла*, кои объясняютъ Алфавитъ XVII в. играми скоморошскими, а Баронъ Розенкампфъ и Полевой завиваніемъ вѣнковъ въ Русалье лѣпо — тѣмъ болѣе, что дни Пятидесятницы у Чеховъ и Словаковъ называются *Rusálda*.

Рускіе величаютъ Семикъ *честнымъ*, подобно Масляницѣ, почитая его однимъ изъ шрехъ главныхъ праздниковъ лѣпныхъ, какъ подтверждаютъ и слова старинной Коспромской пѣсни:

Какъ у насъ въ году три праздника,
Первый праздникъ — Семикъ честной,
Другой праздникъ — Троицынъ день,
А третій праздникъ — Купальница.

Позорищемъ Семика бываютъ роци и лѣса, берега рѣкъ и озеръ или прудовъ; въ первыхъ завиваютъ вѣнки, а на другіе пускаютъ ихъ для загадыванія. Московскіе жители издавна празднуютъ Семикъ въ *Марьиной* за-

(2) I. *Długossii Historia Polonica*. I. VII. ed. G. *Grodzcki*. Lipsiae. 1711, f.

городной *рощѣ*, какія есть и во Владимірѣ, Суздаль, Муромѣ, Тулѣ, Ельцѣ.

Семикъ, не смотря на мѣстныя особености, въ сущности своей одинаковъ и съ незапамятныхъ временъ извѣстенъ почти во всей великой Россіи, особливо тамъ, гдѣ находятся рощи, лѣса и воды, и даже въ степяхъ.

Какъ въ Семикъ совершался древній благочестивый обычай погребенія и поминовенія *убогихъ ни убогихъ домаихъ*, или скудельницахъ, кои, по большей части, находились въ рощахъ: то первый отправлялся болѣе на могилахъ, подобно древней Тризнѣ. Но празднованіе Семика и Христіанскій обычай погребенія на скудельницахъ составляютъ рѣзкую противоположность отъ разности испочниковъ, изъ коихъ происходитъ потъ и другой.

Время, измѣнившее или отхѣнившее заплывивые обычаи народные, теперь преобразило епотъ многообрядный и многозначительный праздникъ въ простое гулянье столичныхъ и городскихъ жителей; одни еще поселяне и посадскіе удержали нѣкоторыя заплывивые обряды древняго быта и повѣрья, какіе встрѣчаемъ въ разныхъ краяхъ Великой и даже Малой Россіи.

Донынѣ въ Семикъ ставятъ по улицамъ, у домовъ и даже въ комнахахъ, березки не только въ селахъ, городахъ, но и въ столицахъ

Россіи, гдѣ только естъ березнякъ и липнякъ. Лѣтъ за 40, въ Семикъ вся Москва предспавляла разгульный праздникъ; почти на каждомъ дворѣ, у хозяина и хозяйки съ семьей, въ видѣ кущи обспавливался березками столъ съ лишницей и драченой; вездѣ раздавались семицкія пѣсни, съ какими носили по улицамъ изукрашенную лентами и лоскушками березку полпы народа въ вѣнкахъ изъ ландышей, дойничковъ и незабудокъ, или изъ березовыхъ и липовыхъ вѣшвей. До мора въ Москвѣ 1771 г., послѣ погребенія и поминовенія убогихъ на Спарыхъ Убогихъ Домахъ, или Божедомкѣ, вапаги народа, умывъ руки себѣ въ Самошекѣ, шли въ Марьину рощу завивать березку и пировать съ пѣснями и весельями, смѣнявшими слезы и рыданія.

При завиваніи вѣнковъ обыкновенно поютъ извѣстную пѣсню: *Ай, во полѣ липенка!* Содержаніе ея слѣдующее: „Красная дѣвица
 „сидишь въ бѣломъ шапрѣ подъ зеленою ли-
 „пою, вьешь вѣнокъ изъ цвѣтовъ, украшая
 „его дорогимъ яхонтомъ, и говоришь со
 „вдохомъ: „Кому епощъ вѣнокъ носишь?
 „Уже ли спарому? — Нѣтъ! спарой не будешь
 „носишь! Спарой не опрада, не заципа моей
 „молодоспи; пуспъ же носишь его мой ми-
 „лой другъ“! — Передъ вечеромъ дѣвушки воз-

вращающагося домой съ вѣнками, кои и берегутъ до Троицына дня (3).

Семицкая березка въ Тульской и другихъ Губерніяхъ называется *кумою*, а *кумитъ*ся значить цѣловаться при развишіи вѣнковъ. Тамъ, предъ завишіемъ въ роцѣ вѣнковъ, поселяне поютъ пѣсню, носящую на себѣ печать смѣшенія Язычества съ Хрістіанствомъ, вѣроятно, сочиненную при переходѣ оныя перваго къ послѣднему:

Благослови, Троица,
 Богородица,
 Намъ въ лѣсъ пойми!
 Вѣнокъ сплести!
 Ай Дидь, ай Ладо!

Въ другихъ мѣстахъ, около Москвы, муштина, носящій березку, именуется *кумою* а дѣвица *кумою*; шопъ и другая играютъ важную роль на праздникѣ.

Игра *Кула въ Семикѣ* повторається въ селеніяхъ Московской, Владимірской, Рязанской и частію Тульской Губерній, гдѣ въ епо время поселянни, собравшись въ роци, нагибають молодія *плакугія* березки, свивають изъ нихъ вѣнки и попарно подходящъ сквозь ихъ цѣловаться, приговаривая:

(3) Труды Общества Любителей Росс. Словесности при Моск. Унив. ч. XIX. М. 1821 г. въ 8.

Покумимся, кума,
 Покумимся!
 Намъ съ побою не браишься,
 Вѣчно дружишься.

Въ это самое время дарящъ другъ друга желтыми яицами, коими поминающъ также ушоплениковъ на Русальной недѣлѣ.

Во Владимірской Г., въ городѣ Покровѣ, дѣвки ходящъ по упру съ пирогомъ собираю у сосѣдей деньги, а вечеромъ соспавляютъ хороводы, гдѣ поютъ и пляшунъ, а потомъ ѣдятъ пироги и яишницы. Въ другихъ же мѣстахъ къ Семику дѣвки дѣлаютъ складчину или ссыпчину.

У Волжскихъ жителей Семикъ со-спавляетъ вселое празднество, которое со-провождается мимическими предспавленіями и обрядными пѣснями. Въ селахъ и деревняхъ Нерехотской округи пекутъ для дѣвицъ козули, родъ круглыхъ лепешекъ съ яицами въ видѣ вѣнка. Съ козулями онѣ идутъ въ лѣсъ, гдѣ съ пѣснями завиваютъ ленточки, бумажки и нитки на березѣ, на коей завязываютъ еще вѣшви вѣнками. Потомъ сдѣлавъ изъ березо-выхъ сучьевъ одинъ вѣнокъ, дѣвки цѣлуются (кумятся) сквозь него, съ слѣд. приговорами: „Здравствуй, кумъ и кума! березку завивши.“ При завиваніи, дѣвки, обвивъ березу поясомъ или лентою, поютъ:

Береза моя , беріозонка ,
 Береза моя бѣлая ,
 Береза моя кудреватая !
 Сионшь ты , беріозонка ,
 Осередь долинушки .
 На тебѣ , беріозонка ,
 Листья бумажные ,
 Подь тобой , беріозонка ,
 Трава шелковая .
 Близь тебя , беріозонка ,
 Красны дѣвушки
 Въ Семикъ поють ,
 Подь тобой , беріозонка ,
 Красны дѣвушки
 Вънокъ плетущь .
 Чшо не бѣлая беріозонка
 Къ землѣ клонится ,
 Не шелкова травонька
 Подь ней разшиляется ,
 Не бумажны листочки
 Ошь вѣтру раздуваются ;
 Подь етой беріозонькой
 Съ красной дѣвицей
 Молодецъ разговариваеть .

Послѣ етой пѣсни, поселанки садятся за
 козули и яишницу подь березою ; за пирше-
 ствомъ слѣдуютъ сценическія игры , особен-
 но замѣчательныя на правомъ берегу Волги ,

въ селѣ Барщевѣ (4). Въ Кинешмѣ и Галичѣ при кумленіи дѣвицы мѣняюся кольцами и серьгами, *играютъ* пѣсни съ мимикою:

А мы просо сѣяли.
 У воробушка голова болишь.
 Во полѣ береза спюла.
 По горамъ, горамъ.
 Заплетися, плетень, заплетися.
 Ай! на горѣ макъ, подь горою шакъ.
 Ай! во полѣ липинка.
 Ахъ! репей ли мой, репей.

Въ Цивильскѣ тогда дѣвки и бабы съ пивомъ ходящъ *подъ березку*, ш. е. въ лѣсъ, и къ каждому стиху пѣсень припѣвающъ: *Лельо, Лельо.*

Назадъ тому нѣсколько лѣтъ въ Воронежѣ завивали вѣнки дѣвушки на Троицынъ день, а развивали и пускали на воду въ самый праздникъ Пятидесятницы. Въ Воронежской Губерніи, на берегу озера Горохова, соединяющагося съ Дономъ, жители села Горохова спраивали подь Троицынъ день шалашъ на полянѣ, украшали его вѣнками изъ цвѣшовъ и душистой зелени, внутри спавили на возвышенномъ мѣстѣ болванъ изъ дерева или соломы, одѣшый въ праздничное мужское и женское платье. Около

(4) Изъ записокъ Князя А. Козловскаго и М. Я. Діева.

шалаша собирались тамошніе жители, принося съ собою отборную пищу и питье; въ хороводѣ пѣли и плясали вокругъ епюго шалаша, который представлялъ родъ кашища (5).

Черемисы, или Мари, празднуютъ Семигъ по приятному и теплomu времени, въ какое онъ обыкновенно случается; они называютъ его *Селикѣ пайрѣмѣ*, веселый праздникъ, болѣе потому, что въ это время женящъ сыновей, или выдаютъ въ замужество дочерей за хорошій калымъ. Къ этой порѣ сваривъ кашу (пучумушь) изъ разныхъ крупъ, носятъ ее на свою ниву для угощенія земли, чтобы посѣянное взошло въ изобилии; послѣ чего поминаютъ родспвенниковъ, *сортѣ тук-томо кѣгэ*, переходя отъ одного къ другому, и тѣмъ самымъ оканчиваютъ *Селикѣ пайрѣмѣ*.

Въ Вологдѣ Семигъ, извѣстный болѣе подъ именемъ *Полянъ*, отправляется на той самой полянѣ, на коей погребены два чудесные бѣлоризца, подвизавшіеся въ битвѣ съ Липвою (6). Въ Нерехтѣ также Семигъ празднуется на *Пахоміевской полянѣ*, гдѣ лѣтъ за 70 существовала церковь С. Пахомія съ *Божедомовымъ домомъ*. Какъ въ Москвѣ,

(5) Украинскій Журналъ на 1834 г. No 11. Харьковъ. въ 12.

(6) Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. Guthrie.
à S. P. 1795, in 8.

такъ и во многихъ другихъ городахъ, епомъ праздникъ народный, соединенный прежде съ торжественнымъ погребеніемъ и поминовеніемъ *убогихъ*, или *убоихъ*, п. е. убитыхъ, или внезапно умершихъ, совершался на мѣстахъ *скудельницѣ*, или убогихъ домовъ, кои превращались въ рощи опть насаженныхъ тамъ деревьевъ, или бывали въ самыхъ рощахъ за городомъ, или въ концѣ селеній. Въ сіи мѣста, охраняемыя *Божедомомъ*, не только свозились поднятые на улицахъ и дорогахъ мерзвые трупы, но и подкидывали младенцевъ, несчастно рожденныхъ, которыхъ воспитывалъ милосынею спражь убогаго дома.

На епомъ основаніи *Семика*, по видимо-му, можно почестъ остаткомъ *Тризны* или *Справы*, по времени его, мѣспу и обряду погребальному; потому что онъ приходился на недѣль поминовенія усопшихъ предъ все-ленскою *Троицкою* суббошой, совершаеися на *скудельницахъ* или убогихъ домахъ и начинается благочестивымъ обычаемъ погребашъ и поминашъ несчастно умершихъ.

Но поминовеніе составляетъ особенную стихію, пропивоѣрѣвающую содержанію и цѣли *Семика*, въ коемъ *гаданіе* споль важный предметъ, какъ и въ *Колядѣ*, или *Святкахъ*. Ношеніе же и завиваніе березки, хороводы, *Семицкія* игры и призываніе вышеозначенныхъ

линическихъ существъ обнаруживаютъ , по замѣчанію Митрополита Філарета , рѣзкую противоположность стихій Хрістіанскаго и древнеязыческаго міровъ и ведутъ насъ къ заключенію, что первый— „человѣколюбивый обычай введенъ при распроспраненіи Хрістіанства въ Россіи для противодѣйствія послѣднимъ — оспашкамъ идолослуженія ; по епо-му Церковъ и хотѣла противоположить языческому Семигу хрістіолюбивое погребаніе спранныхъ , чувспенному веселію мысль о смерти , набожность и благошвореніе.“ Но люди , воззываемые къ новому духовному , по привычѣ , унадали въ старое чувспенное ; отъ сего въ Семицкомъ празднествѣ и произошла такая смѣсь разныхъ стихій и эпохъ (7).

Торжешпеннымъ ношеніемъ деревъ Еллыны сопровождали особенныя празднества , какъ то: бывшее въ Сициліи и другихъ городахъ Греціи *Ἀνθεσφόρια* , цвѣшоносіе , въ честь Прозерпыны , *Δενδροφορία* , древоношеніе , *Εἰρεβιάνη* , ношеніе масличной вѣшви , или вѣнка изъ колосьевъ въ праздникъ Солнца и Горъ и п. п. (8). Въ Θεодосіевомъ уложеніи упоминаются

(7) Труды и Лѣтописи Общества Ист. и Др. Росс. ч. III. кн. 2.

(8) *Ph. Buttmann Mythologus*. Berl. 1828, 29. 11. — in 8. *Religions de l'antiquité* par F. *Creuzer*, refondu, complètè et developpè par. I. D. *Guignau*. t. II. 1. p. à Paris, 1829. in 8.

дѣвдророи, которые носили въ рукахъ древесныя вѣтви въ честь одного языческаго божества. Подобное обыкновеніе наблюдалось у Римлянъ при торжествѣ въ честь Май, матери Меркуріевой. Ихъ *Arbor Majalis*, или *Majus*, соотвѣтствуетъ нашей Семиковой березкѣ, а Семикъ празднику *Floralia*: по и другое на нашемъ Сѣверѣ празднуется не въ одно время по тому, что у насъ позднѣе распускаются деревья и цвѣты — главныя принадлежности епото праздника. У сѣверныхъ народовъ на весеннемъ или лѣтнемъ праздникѣ, въ торжественномъ собраніи народа обыкновенно пѣвали пѣсни вокругъ Майскаго дерева; при чемъ веселые хороводы юношей обоого пола мимически представляли разныя сцены, кои предметомъ своимъ имѣли ладъ между людьми, или союзъ между небомъ и землею. Многоразличныя остатки подобныхъ обычаевъ и забавъ еще находящся въ играхъ и шуткахъ у поселянъ не только Сѣверныхъ народовъ, но и въ Германіи и Великобританіи (9).

У Нѣмцевъ, предъ Троицынымъ днемъ отправлялся *праздникъ вѣнковъ* (*Kranzfest*), похожій на Семикъ; на немъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ бывалъ зеленый чело-вѣкъ (*der grüne Mann*), или Царь садовъ, об-

(9) Edda Saemundina. t. III.

виный зелеными вѣшвыми, котораго сопровождала веселая толпа народа изъ роци въ селеніе, гдѣ собирали съ поселянъ янцы для приготовленія кушанья. Симонъ Буссакъ, in postib. theolog. Paris. 1698, упоминаетъ о старинномъ обычаѣ носить Майскія зеленыя вѣшвы въ день Св. Апостоля Филиппа и Іакова.

„Одинъ изъ обычаевъ Енеповъ, пришедшихъ изъ Иллиріи — свидѣтельствуемъ Иродотъ въ 1 кн. 191, былъ тотъ, что однажды въ годъ собирались въ одно мѣсто селеній дѣвицы, достигшія лѣтъ замужества, а съ другою стороны мужчины, и одна изъ наилучшихъ продаваема была тому, кто больше за нее заплашишь для вступленія въ бракъ.“ Такое сборище сходствуетъ съ вышеупомянутымъ нами *Стадомъ*, или игрою *Прососбѣнія*.

Роци или дубравы служили мѣстами таинственныхъ обрядовъ язычества у Воспочныхъ народовъ, Грековъ, Римлянъ и другихъ; онѣ издревле замѣняли капища у Германцевъ не только во время ихъ Язычества, но и при переходѣ ихъ къ Хрістіанству. Подъ кровомъ дремучихъ лѣсовъ скрытно совершались вѣшныя обряды. Самые Друиды отъ деревьевъ, или отъ дуба получили свое названіе. У Германцевъ также были священныя деревья въ дубравахъ, на поляхъ, рубежахъ и между селеніями.

Кромѣ дубовъ, не менѣе почитаема была *липа*, какъ волшебное и священное дерево, отъ коего не осмѣливались опрѣзать ни вѣтки, ни сучка. Такія деревья назывались *заповѣдными*, *завѣтными*. У древнихъ Нѣмцевъ совершались жерпвоприношенія и производился судъ *подѣ липали*, или *подѣ липою* (under der Linde, *judicium sub tilia*). (10). У древнихъ Пруссовъ *подѣ липою* зажигались огни на Ивановъ день въ честь *Лиго* (11), бога весны и веселья; пляски вокругъ дерева продолжались цѣлую ночь съ пѣснями, въ коихъ часто повторялось *Лиго*, какъ у Славянъ *Ладо*. У Липовцевъ липа посвящена была богинѣ *Laimo*, коею праздновали во время цвѣтенія липъ (12). Семицкая пѣсня: *подѣ липою столѣ стойтѣ*, намекаетъ на какой-то жерпвенный обрядъ, вѣроятно совершавшійся въ етошъ праздникъ, въ который *липа* и *береза* составляютъ главную принадлежность и повторяются въ Семиковыхъ пѣсняхъ. Вѣтвями же изъ древесныхъ вѣшвей и цвѣтовъ почти всѣ народы древняго міра увѣнчивали и жерпвы и жре-

(10) Handbuch der germanischen Alterthumskunde, von Dr. G. Klemm. Dresd. 1836, in 8.

(11) На Липов. *ligoti* (льгота?) значитъ веселиться. Отъ *Linde* липа *Linderung* прохлада (подъ тѣнью липы).

(12) Prutena von L. Rhesa. Königsb. 1809, in 12.

цовъ, а въ празднествахъ своихъ Греки и Римляне надѣвали себѣ на головы вѣнки изъ пѣхъ деревь, кои посвящены были чеспвваемымъ божествамъ. Вѣнокъ почитается залогомъ бессмертія, знаменіемъ переходенія души и союза мертвыхъ съ живыми; самыя свойственники Сонъ и Смерть у Еллиновъ изображались въ вѣнкахъ. Семицкій вѣнокъ служилъ къ загадыванію о будущей судьбѣ: о брачномъ союзѣ, о жизни и смерти, о счастьѣ и несчастьѣ. Безъ сомнѣнія, гаданіе на водѣ есть остатокъ отъ древняго языческаго обряда Славяноруссовъ, которые, по свидѣтельству нашихъ лѣтописцевъ, обожали рѣки и озера, чпили деревья и дуплины, приносили имъ жертвы (*требы кладуще*) и дѣлали гаданія (15). см. вып. I, стр. 25.

„Празднованіе Семика — замѣчаетъ Карамзинъ — и народный обычай завивать въ сей день вѣнки въ рощахъ суть также остатки древняго суевѣрія, коего обряды наблюдались въ Богеміи и по введеніи Хрістіанства, такъ что Герцогъ Брячиславъ въ 1095 году рѣшился предать огню всѣ мнимосвящія дубравы своего народа.“ Еще Карлъ Великій, въ Капишул. ч. 20, строго запретилъ служеніе деревьямъ, а Франкфуртскій Соборъ

(13) Карамз. И. Г. Р. т. I. прим. 214.

793 г. предписалъ испреблять языческія рощи и деревья, посвященныя демонамъ (14).

Какъ въ Семикъ соединяются спихи и символы древне-языческаго богослуженія Славяно-Руссовъ: ношеніе древесныхъ вѣпвей, завиваніе и развиваніе вѣнковъ, гаданіе въ рощахъ и на водахъ; по съ достоверностію заключить можно о языческомъ происхожденіи ешого празднества, прошивоположнаго благочестивому обряду погребенія и поминовенія убогихъ на Божедомкахъ, о коихъ мы будемъ говорить въ особой статьѣ.

По видимому, какъ выше замѣчено, Семикъ соспавлялъ одно съ древнимъ Славянскимъ *Стадомъ*, *Сейликомъ* и, по самому прозванію народному, *Тюлпою*, или *толпою* и Нѣмецкимъ *Fingstritt*, Троицкою процессією, о коей мы выше упомянули. см. стр. 110. Нѣкоторыя урочища, въ Россіи, по видимому, заимствовали свое наименованіе отъ Семика, какъ-то: *Селиково* въ Мосальскомъ уѣздѣ, *Селики* пустошь въ Устюжскомъ уѣздѣ, *Селики* слобода подъ Ярославлемъ, *Селицы* въ Боровицкомъ уѣздѣ, подъ успьемъ, въ Оспровскомъ уѣздѣ, подъ Говѣдовомъ и подъ Хелмомъ, упоминаемая въ 1563 г. и ш. д. Но слово Се-

(14) С. Н. *Gruper* origines Germaniae. Lemgo. 1764—681 s. Is. in 4.

микъ въ значеніи праздника извѣстно не ранѣе XIII вѣка въ письменныхъ памяшникахъ. Самый день начала празднованія Семика *tempergō* въ старинномъ Нѣмецкомъ языкѣ именуется *Thorstag* и *Thurstag*, Туровъ день, въ Шведскомъ *Helig Thorsdag*, въ Англійскомъ *holy Thursday*, у Люненбургскихъ Вендовъ *Perendan*, п. е. *Перун* и *данѡ*, Перуновъ день. У простолюдиновъ Нѣмцевъ оный извѣстенъ подъ названіемъ *der grüne, der hohe Donnerstag*, зеленый, высокій громовъ день (15). Седмичное число въ отношеніи къ четвергу могло имѣть таинственный смыслъ; по свойству священнаго языка, оно употребляется въ неопредѣленномъ знаменованіи для возвышенія понятія (16). Не поетому ли и *седьмому tempergu* по Пасхѣ придано значеніе высокаго, великаго! Чтожь касается до названія его *Торовымъ*, то очевидно, что оный посвященъ былъ Тору. Въ Игровой пѣсни *Турѡ* сопровождается епитетами *Ярый* и *Буй*, и Гомеръ величаетъ Ареса *Θούρος*, ярый. *Турѡ* въ природѣ звѣрь, а въ баснословіи

(15) По мнѣнію Г. Сенковского, это названіе имѣетъ астрологическое значеніе и переведено съ *Lat. dies Lwis*. — *Библ. для чтенія*; 1837 Октябрь.

(16) *Пресвящ. М. Филарета* Записки на книгу Бышя. Ст. 2 ч. 1815, въ 8.

Славяно - Скандинавскомъ божество силы и грозы, которому разныя племена давали разное значеніе по своей мѣспности и нравамъ. Въ Номоканонѣ Львовскомъ XVII вѣка упоминаются между языческими игрищами *Турь*. Вѣроятно, что *Турѣ*, давшій названіе горамъ, рѣкамъ, селеніямъ и городамъ, составляетъ одно съ *Яролѣ* и *Ярилою* (17), или *Перунолѣ*, а *Ладо*, одно съ Чудскою, или Мерыанскою Коспромою. Липа и береза не были посвящены у насъ на Сѣверѣ Туру и Ладѣ, которые составляютъ дуализмъ природы, проявляемый въ кумовспѣвѣ Семицкомъ ?

Такимъ образомъ Туръ и Ладо, предсавители сочешанія между обоими полами и оплодотворенія обновляющейся съвесною природы, могли дать поводъ къ празднеству Семика въ рощахъ и на берегахъ рѣкъ и озеръ. Время превратило завѣщанные обряды древности въ веселое гулянье городскихъ жителей, оставивъ осматки первыхъ въ удѣлѣ сельскихъ жителей и масперовыхъ.

(17) Въ нумизм. кабинетѣ З. П. Зосимы я видѣлъ серебряную медаль Греческаго города въ Луканіи *Θουρίων*, съ изображеніемъ разъяреннаго вола. Въ Кіевѣ была въ древности *Турова божница*, въ Москвѣ урочище *Турьгино*, напоминающее *Турью ногу* въ присказкѣ.

СЕМИЦКІЯ ПѢСНИ.

1.

Благослови, Троица!

Богородица!

Намъ въ лѣсъ пойши,

Намъ вѣнки завивашь,

Ай Дидо! ой Ладо!

Намъ вѣнки завивашь

И цвѣшы сорывашь;

Ай Дидо! ой Ладо!

А мы въ лѣсъ пойдѣмъ

И цвѣшовъ нарвѣмъ,

Мы цвѣшовъ нарвѣмъ

И вѣнокъ совѣмъ,

Ай Дидо! ой Ладо!

Свекру башюшкѣ,

Свекрови машушкѣ;

Свекру башюшкѣ малиновой,

Свекрови машушкѣ калиновой.

Ай Дидо! ой Ладо!

Пойду-ль я пишкомъ,

Лужкомъ, бережкомъ,

Сломлю-ль съ сыра дуба вѣшочку

Брошу на быструю рѣчицьку,

Ай Дидо! ой Ладо!

Не понешь, не плывешь

Съ сыра дуба вѣточка,
 Не тужишь по мнѣ
 Свекоръ бапюшка, свекровь мапушка.
 Ай Дидо! ой Ладо!

2.

Ой Дидо! ой Ладо! на курганѣ
 Соловей гнѣздо завиваешь,
 А иволга развиваешь;
 Хоть шы вей, не вей соловей
 Не бываешь швоему гнѣзду свитому,
 Не бываешь швоимъ дѣшямъ вывожашымъ
 Не лешаешь имъ по дубровѣ,
 Не клеваешь имъ яровой пшеницы.
 Ой Ладо! ой Ладо! ой Дидо! (1)

3.

Ты не радуйся,
 Дубъ съ горькой осиною,
 Ты радуйся, бѣлая береза!
 Къ тебѣ дѣвки идуць,
 Къ тебѣ красныя идуць,
 Съ пирогами, со яишницей,
 Со драконами.

(1) Въ Тульской Губерніи.

4.

Ходитъ колосъ по яри,
 Что по бѣлой по пшеницѣ,
 Изъ зерна-то коврига;
 Изъ полужерна пирога.
 Гдѣ дѣвушки шли,
 Тушь рожь густа;
 Гдѣ бабы шли,
 Тамъ вымокла;
 Гдѣ мущины шли,
 Тамъ повыросла;
 Гдѣ ребята шли,
 Тамъ повымегло. (2)

5.

У Волжскихъ жителей Семикъ откры-
 ваеяся хороводною пѣсней, которую поютъ,
 ходя около березы, изъ вѣтвей которой
 дѣлаютъ вѣнки, украшая оныя лентами.

Не дожжикъ берёзу обмываетъ,
 Здѣсь въ роцѣ дѣвокъ прибываетъ; —
 Скачите, пляшите, красны дѣвки!
 А вы, холостые, поглядите!
 Съ гулянья вамъ дѣвусекъ не вьзяи!
 А вьзять ли, не вьзять ли съ доброй воли,
 По башюшкину повелѣнью,

(2) Въ Переславѣ Залѣскомъ.

По машушкину благословленью ,
По невѣстину рукодѣлю , и проч.

По окончаніи сей пѣсни, дѣлають собою
другой кругъ, въ срединѣ котораго мущина
и женщина ходятъ и поютъ съ прочими :

1.

Ахъ ! во полѣ липинка стояла ,
Во полѣ кудрявая стояла ,
Подъ липою былъ шаперъ ,
Во томъ шапрѣ споль спойшь ,
За пѣмъ споломъ дѣвица ,
За пѣмъ сидишь красная ,
Шьешь ширинку золошомъ ,
Нижешь узду жемчугомъ .
Ѣхалъ мимо молодець .
Богъ на помощь дѣвица !
Богъ на помощь красная !
Ширинку шишь золошымъ ,
Низашъ узду жемчугомъ .

—
Мущины поютъ :

Не мнѣ ли ширинка ?
Не моему ли коню уздичка ?

Женщины отвѣтствуютъ.

Не по молодцѣ ширинка ,
 Не по швоемъ конѣ уѣздичка.

—

Третью и послѣдующую пѣсню поютъ подобно предъидущей, только съ тою разницею, что въ сей ходитъ въ срединѣ круга одинъ мужчина, а потомъ женщина, и по нѣкоторымъ словамъ пляшутъ :

2.

Царь по городу гуляеть ,
 Царь Царевны своей ищеть.

Пляшутъ :

Ужь ! какъ гдѣ моя Царевна ?
 Гдѣ Княгиня молодая ?
 Ужь ! воть швоя Царевна ,
 Воть Княгиня молодая !
 По загороду гуляеть ,
 Шелковымъ плашкомъ махаетъ ,
 Златымъ першнемъ освѣщаетъ .
 Расворяйтесь , вороша ,
 Расворяйшеса , широки ,
 Вы еще шво пошире .

При сихъ словахъ одна сторона круга раздвигается , и двое , поднявъ вверхъ ру-

ки, держапъ плапокъ за оба конца, чшобы
дапъ пройтп сквозъ сдѣланныя пакимъ обра-
зомъ воропа Царевнѣ, которая въ то время
была внѣ круга. Когда же прѣйдепъ Царевна,
продолжающъ пѣпъ :

Вы сойдитесь поближе!

Вы еще пово поближе!

Поцѣлуйтесъ помяте,

Вы еще пово милте!

Въ каждое междудѣйствіе, какъ кон-
чашъ кругъ, садяпся за столы, накрыпые
скаперпями, и продолжашъ за оными уго-
щашъ другъ друга лакомспвами, пивомъ и
виномъ. Попомъ, вспавъ, поющъ :

3.

Пошелъ молодець на гулянье,

На веселое, на веселье.

На немъ синь кафтанъ на распашку,

Шелковой кушакъ на рубашкѣ,

Тростъ камышева съ алой леншой

Перчаточки въ правой ручкѣ.

Подошедь къ дѣвушкамъ, поклонился:

Ужь! вы здравствуйте на гуляньѣ,

На веселомъ на весельѣ.

Туть дѣвушки приуныли,

Туть всѣ красныя приумолкли,

Одна дѣвушка всѣхъ рѣзвѣ,
 На рѣчахъ она всѣхъ смѣлѣе, и проч.

Потомъ срѣзываютъ нѣсколько березокъ съ весельемъ и пѣснями, вѣнки, на оныхъ сдѣланные, украшаютъ лентами и идутъ въ село. Пришедши, врывающъ березки въ землю и продолжаютъ пѣть :

4.

Какъ за нашимъ за дворомъ, 2.
 Растетъ справа шелковая; 2.
 По той правкѣ Панья шла, 2.
 А за Паньей Пань летѣль, 2.
 Крича: Панья, ты моя! 2.
 А я, сударь, не швоя! 2.
 Родимова башюшки, 2.
 Сударыни машюшки, 2.

Сію пѣсню поютъ три раза.

Послѣ сего, сдѣлавъ изъ себя кругъ, перевиваются, приходя всѣ поочереды подъ поднятые двумя дѣвицами руки вверхъ, и поютъ :

5.

Какъ за Волгой яръ хмѣль,
 Подъ кусточкомъ вѣшся;
 Перевился яръ хмѣль
 На нашу споронку.

Какъ ли на нашей споронкѣ
 Жишье пребогашо 2.
 Серебряны лисья, вѣнки золотые.
 Нащиплю я хмѣлю, хмѣлю яровава,
 Наварю я пива, пива молодова.
 Позову я гостя, гостя дорогова,
 Айли гостя дорогова, башюшку роднова:
 Мое тѣ башюшка вишь пьешъ, пьешъ,
 Пьянь не напьешся, домой соберешся.

Сію пѣсню поюшъ два раза съ пою перемѣною, чпо слова къ опцу перемѣняюшъ на слова къ мапери. Кончивъ одну, начинаюшъ другой кругъ и поюшъ :

Ахъ ! по справкѣ, по муравкѣ,
 Вокругъ города большова
 Гуляль молодець удамой.

Мущина, а чаще (женщина) дѣвушка въ мужской шляпѣ расхаживаетъ гордо вокругъ хоровода при пѣсни :

Ой Турь, молодець, удамой,
 Онъ изъ города большаго,
 Вызываль красну дѣвицу
 Съ нимъ на справкѣ поборошься.

Въ по же время другая съ плапкомъ въ рукѣ посреди хоровода.

Ой, Дидь, Ладо ! поборошься
 Вышла красна дѣвица

И молодца поборола,
 На муравку уронила,
 Ой, Дидь, Ладо! уронила.

Дѣвушка побораесть мушину, срываесть
 съ него шапку, преплеть волоса.

Доброй молодець вспавая,
 Закрывалъ лице руками,
 Уширалъ горючи слезы.
 Онъ не смѣлъ своей кручины,
 Добрымъ объявишь,
 Ой, Турь! Дидь! Ладо! объявишь.

6.

Въ Нерехотской округѣ въ Семикъ по-
 юшъ слѣд. пѣсню послѣ пиршества:

Каравонъ красныхъ дѣвухекъ!
 Какъ у насъ въ году при праздника,
 Первой праздникъ — Семикъ чеспной,
 Другой праздникъ — Троицынъ день,
 А третій праздникъ — Купальница.
 Какъ у насъ зелена шрава,
 Какъ милой мой другъ
 Въ кабакъ напиваеся,
 Какъ милой мой другъ
 По зеленой шравѣ валяеся.
 А Орина подходила,
 Никишу своего будила,

Встань, убудися, Никита,
 Встань, убудися, волокиша!
 Сосѣди смѣются,
 Въ безчестье шо ставяшь.
 Всталъ Никита, пробудился,
 За руку съ Ориной ухватился,
 Домой Никита пошацился.

Во время пѣнія, среди круга, одна дѣв-
 ка, упавъ на землю, представляетъ лице
 пьянаго мужа, а другая, въ лицѣ жены, около
 его ходитъ и дѣйствуетъ, принаровляясь къ
 содержанію пѣсни. Пропѣвъ пѣсню, жена по-
 дымаешь мужа и цѣлуешь его; тогда же хо-
 роводъ съ мѣспа идетъ въ селеніе, при пѣніи
 обыкновенныхъ пѣсней. Симъ кончипся Се-
 микъ въ Нерехотской округѣ.

Х.

ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.

По окончаніи сорочинъ отъ Радоницы до Троицкой субботы, коей обряды извѣсны были въ ХІІ вѣкѣ, въ Троицынъ и Духовъ дни отправляется между простымъ народомъ отдѣльно отъ церковнаго торжества, которое имѣетъ связь съ Семикомъ; ибо гаданіе, начатое въ послѣдній, оканчивается въ первые. Такъ бываетъ въ Великой и отчасти въ Малой Россіи, гдѣ Троицынъ день называется Духовымъ, а Духовъ — Троицынымъ (1); тамъ при дня Св. Троицы слышатъ *Зеленьши Святкали*, въ Липовѣ и Польшѣ *zielone świątki*, и *зеленою недѣлею*, у Чеховъ и Словаковъ — *Rusálda*, а у Карпо-Россовъ *Rusálie*: изъ чего можно съ вѣроятностію заключать, что упоминаемая у Валсамона въ шолкованіи Кормчей, Номоканонахъ,

(1) Исторія Малороссіи *Д. Н. Бактышъ - Каменскаго*.
2 ч. Москва. 1830, въ 8.

Требникахъ и лѣпописяхъ *Русальи* должны бытъ Троицкія игрища. Въ Южной и даже Сѣверо-Восточной Россіи, какъ видно изъ опечесшвенныхъ лѣпописей, недѣля сія именовалась *Русальною*, или *Русальскою*, о коей мы скажемъ особенно въ спашѣ о *Русалкахъ*. Самое гулянье въ Москвѣ о Троицынѣ днѣ бываетъ близъ Каланчевскаго поля, на Красномъ прудѣ, копорый, по преданію, въ старину извѣстенъ былъ подъ именемъ *Русальскаго*; такъ же собирается народъ въ это время на веселье за Дорогомиловскимъ мостомъ.

Какъ начало большей части повѣрій и обрядовъ народа шеряется во мракъ его древности и кругъ его сказаній не вмѣщается въ пѣсныхъ предѣлахъ лѣпосчисленія (2): по исторически нельзя опредѣлить происхожденія Семика и Троицкихъ игръ, кои обобщились и ународнились на Руси, какъ наслѣдіе праотцевъ, носящее на себѣ оппечашокъ Язычества.

Въ Троицынъ день *суевѣрный* языческій обрядъ народа встрѣчается съ благоговѣйнымъ и священнымъ празднествомъ Церкви; опяшь та же рѣзкая пропивоположность, какъ и въ Семикѣ, и опяшь то же случайное

(2 Славянскія Древности П. І. Шаффарика, перев. І. Бодлискаго. т. І, кн. 2. Москва. 1837, въ 8.

и внѣшнее сходство въ символахъ, взяпыхъ изъ общаго ихъ источника — природы. Какъ понятія древняго вѣрованія изгладились въ народѣ, остались однѣ только формы и символы, удерживаемые имъ по привычкѣ и обычаю, безъ сознанія: по развиваніе и пусканіе на воду вѣнковъ въ Троицынъ день служатъ только предметами обычной забавы и веселья, какими Рускіе поселяне и даже жипели предмѣстій городовъ сопровождаютъ дни покоя и свободы.

Прежде нежели скажемъ, гдѣ, какимъ образомъ и когда въ Россіи опсправляется народный праздникъ, коснемся самыхъ принадлежностей онаго — древесныхъ вѣпвей и цвѣтовъ, какими украшаются въ Троицынъ день св. храмы и жилища.

Почти у всѣхъ народовъ Древности древесныя вѣпви и цвѣпы служили украшеніемъ храмовъ въ дни празднества и жертвоприношеній. Торжественныя шествія сопровождались ношеніемъ зеленыхъ вѣпвей древесныхъ. Въ глубочайшей древности были общепонятными символами масличная вѣпвь — мира, лавровая — побѣды и славы, дубовая — мужества и ш. д. У Іудеевъ основаніе обычая украшать вѣпвями древесными и цвѣпями храмы и дома было историческое; они сообщивъ сямъ естественнымъ символамъ

высшее, священное употребление, украшали ими дома, спогны града и синагоги, въ память Синайскаго Законоположенія; потому что въ то самое время все зеленѣло и цвѣло, когда даны были Богомъ заповѣди на Синаѣ (3). Въ праздникъ жажвы, которая оканчивалась въ Палестинѣ къ половинѣ Сивана, Иудеи приносили благодареніе Богу за новые плоды земные, а праздникъ кущей совершался подъ сѣнью древесною (4). Въроятно, замѣчаетъ Бухсторфъ, обычай убирать св. храмы зеленью и цвѣтами перешелъ отъ Иудеевъ въ Новозавѣтную Церковь, въ коей различныя цвѣты могли означать радость о сошествіи Духа Утѣшителя, явившагося въ огненныхъ языцѣхъ, такъ равно самое различіе языковъ и дарованій. По замѣчанію Профессора П. М. Терновскаго, въ цвѣтахъ открываются: двѣ идеи историческая и религіозно-психологическая: знаменіе цвѣла юной церкви, оживотворяемый сошествіемъ Св. Духа на Апостоловъ и выраженіе вѣры въ воскресеніе мертвыхъ, воспоминаемыхъ въ Троицынъ день.

(3) Исхода XXXIII, 3. см. *Buxtorf Synag. Iud.* с. XX. p. 443.

(4) *М. Филарета* Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи, изд. 4. Спб. 1827, in 8. — *Iani Archaeologia biblica.* Viennae. 1814, in 8.

Травы и цвѣты проичные изъ церкви берущся нѣкоторыми въ дома и употребляются какъ средство отъ недуговъ (5). Чтожь касается до употребленія цвѣтовъ и вѣшвей зеленыхъ у Язычниковъ при идолослужбныхъ обрядахъ: то они были у нихъ болѣе символами естественныхъ чувствованій.

Между языческими обрядами древней Греціи въ праздниѣ Адониса, извѣстнаго Іудеямъ и Финикіанамъ (*Adonia*), Еллены бросали въ море, рѣки и ручьи вѣнки, цвѣты и древесныя вѣтви, кои служили у Скандинавскихъ и Германскихъ племенъ предметами волхвованій, сдѣлавшихся достояніемъ и Финскихъ племенъ, сожителей Славяно-Руссовъ.

О хороводахъ прежде еще мы замѣтили, что они получили свое начало въ глубокой древности. Въ Вааловомъ идолослуженіи, какъ видно изъ С. Писанія, употреблялись хороводныя пляски (рисканія) вокругъ алтара (6). Онѣ сопровождали богослужбные обряды у Еллиновъ и другихъ народовъ Древности, и что вмѣстѣ съ обрядовыми пѣснями обыкновенно ими начинаются и сопровождаются Рускія весеннія игры отъ Красной горы до Пешрова дня, а въ иныхъ мѣстахъ Россіи, смол-

(5) О великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ. 1835, въ 12.

(6) III Царствъ, XVIII, 27. XIX, 18.

ря по климату и погодѣ, и до глубокой осени. Между народными мѣрами, въ Тульской Губерніи, на берегу красивой Мечи, въ селѣ Козьемъ, группу камней почитаютъ шуземцы за цѣлый хороводъ, во время самой пляски, на Троицынъ день, превращенный ударомъ грома въ камни, подобно Ниобѣ съ дѣтьми. Не смотря на это, Троицкіе хороводы тамъ продолжаются, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи; безъ нихъ праздникъ не въ праздникъ. На пупи въ рощу для развиванія березокъ, поселанки поютъ пѣсню. см. стр. 117.

Предъ захожденіемъ солнца, когда оповодятъ хороводы и умолкаютъ пѣсни, поселанки и даже горожанки пускаютъ вѣнки на воду рѣки или ручья, замѣчая, чей поплыветъ, завертится на одномъ мѣстѣ, или потонетъ вѣнокъ: изъ перваго выводятъ счастливое, изъ другихъ несчастное себѣ предвѣстіе — дѣвицы къ свадьбѣ, къ неудачѣ, или смерти и п. п. При этомъ еще наблюдаютъ, въ какую сторону струя понесетъ вѣнокъ, въ шой бытъ дѣвицъ за мужемъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Московской Губерн. послѣ Троицкой вечерни, для загадыванія пускаютъ на воду пучки пѣхъ цвѣтовъ, съ коими стояли въ церкви. Какъ въ Рожесивенскихъ Святкахъ, такъ и въ Троицынъ день гаданія обыкно-

венно проспираюся на однѣхъ годѣ Индѣ вѣнки развиваюся въ Всесвятское заговѣнье.

Мѣстность, климатъ и нравы жителей Великой Россіи придали нѣкоторыя особенности Троицкимъ мѣстамъ и играмъ, хотя онѣ, по сущности своей, почти вездѣ остались одинаковыми. Объяснимъ нѣсколькими примѣрами, какіе намъ представились.

Въ Спаскѣ Рязанскомъ, въ Троицынѣ дель, дѣвицы и молодѣи собираюся въ загородную рощу завивать вѣнки, садятся тамъ въ разныхъ мѣстахъ хороводными кружками, поютъ пѣсни съ припѣвомъ *Лельѣ*, потомъ начинаютъ полднѣвать, т. е. ѣсть принесенное изъ дому кушанье, наконецъ, надѣвъ на голову вѣнки изъ древесныхъ листьевъ, водятъ по рощѣ круги, напоследокъ идутъ въ городъ на гору, гдѣ снявъ съ себя вѣнки, кидаютъ въ Оку для узнанія своей участи (7).

Въ Шенкурскѣ, по Вагъ, до 1780 года, въ первые три дни Пятидесятницы, городскіе и сельскіе жители собирались за городъ на лугъ: тамъ дѣвицы, держась за плашки въ рукахъ, образовали кругъ и пихо двигались на одномъ мѣстѣ съ пѣснями. Вокругъ сего движущагося хора стояли женихи и высматривали себѣ невестъ. Послѣ тридневна-

(7) Изъ записки Спаскаго жителя Д. П. Тихомирова.

го сборища, въ оспальные дни Русальной недѣли дѣвицы у домовъ соспавляли малые круги и пѣли пѣсни. Въ Минусинскомъ округѣ Енисейской Губерн. въ Семихъ поселанки, одѣвъ въ лучшее платье березку, называемую у нихъ *гостейкою*, спавятъ ее въ клещь до Троицына дня, въ который послѣ обѣдни собираются дѣвки съ парнями выносить гостейку за селеніе къ рѣкѣ и тамъ пляшуть, завиваюмъ и пускаюмъ вѣнки для загадыванія на воду (8).

Въ Числопольскомъ уѣздѣ, въ Савинѣ городѣ, наканунѣ Троицына дни, носятъ св. образа для молебна на ржаномъ и яровомъ поляхъ и кропятъ св. водою скопину, выгнанную изъ хлѣвовъ; по окончаніи молебспвія, крестьяне и крестьянки въ праздничныхъ платьяхъ поюмъ и пляшумъ вполоть до ночи въ честь Ярилы.

Въ Пензенской и Симбирской Губерніяхъ, въ Троицынѣ или Духовъ день, дѣвки, одѣвшись въ худыя буднишныя платья, сходящяся въ одно мѣсто, и, выбравъ изъ среды своей одну дѣвку, называемую *Костролой*, кладумъ ее на доску и несумъ къ рѣчкѣ или пруду, гдѣ, сложивъ ее съ доски, начинаютъ другъ друга купань. Выкупавшись,

(8) Изъ записки Сибирскаго жителя Н. С. Самойлова.

дѣлають изъ лубка барабанъ , спучають въ него и сопровождая спукъ его пѣснями, возвращаются домой. Послѣ етого, нарядясь въ праздничныя платья, выходятъ на улицу играють въ хороводы вплоть до вечера. *Погребеніе* епой мненческой *Костромы* совершается простолюдинами въ Муромѣ, въ первое воскресенье послѣ Троицына дня, тогда какъ во Владимірѣ на Клязьмѣ бываетъ *погребеніе Лады*.

Въ Орловской Губерніи издавна велось обыкновеніе *молить каравай* въ Троицынъ день, въ который готовятся два общіе каравая, одинъ для спола, а другой для рощи, куда съ нимъ отправляются дѣвки завиванъ вѣнки и гуляють. Въ Псковской Губерніи обмешають пучками Троицкихъ цвѣшовъ родительскія могилки, что тамъ называется: *глаза у родителей прогищать*.

Волжскіе жители въ Троицынъ день, собравшись къ завитымъ березкамъ, идутъ съ вѣнками на Волгу и поють:

Глубока рѣка берега рвала,
 Охъ! люли, берега рвала.
 Уже я млада по бережку шла,
 Охъ! люли, по бережку шла,
 По бережку шла и цвѣшы рвала.

Меня младу шуда сорвало ;
 На низъ понесло, къ Донскимъ козакамъ ;
 Охъ ! люли, къ Донскимъ козакамъ.

Развивъ вѣнки, дѣвушки и молодыя вдовы бросаютъ ихъ въ воду, загадывая о суженыхъ : чей вѣнокъ поплыветъ, та надеется въ попѣ годъ выпити за мужъ ; чей поплыветъ, той сидѣть въ дѣвкахъ или во вдовствѣ. Ето игрище оканчивается пѣсней, которую онѣ поютъ, возвращаясь домой :

Грушица, грушица! зеленой виноградъ !
 Подъ грушицей свѣшлица стойтъ,
 Во свѣшлицѣ дѣвица сидитъ,
 Забавныя рѣчи говоритъ :
 Ахъ! нонече какія времена !
 Сушатъ жень хорошіе мужья,
 А дѣвусекъ дальніе друзья ;
 Всяка дѣвка себѣ дружка зажила.
 Дальній другъ — большая сухота,
 Ближній другъ — веселье завсегда.
 Призвала дружка на часокъ побывать,
 Уняла его и ночку ночевать,
 Упросила недѣлюшку пожить,
 Принуждаешь его силою любить.
 Уже силою не буду я любить,
 По неволѣ я не буду цѣловать.

Въ Нѣрехопскомъ округѣ, и въ Троицынъ день кумушки цѣлуются сквозь березку при развиваніи вѣнковъ.

Въ Бѣлоруссіи, на другой день праздника Сошествія Св. Духа завиваютъ въ роцахъ березки, и приготавливаютъ сколько вѣнковъ, сколько имѣютъ милыхъ сердцу, какъ - то: для отца, для матери, для братьевъ и сестръ, наконецъ для любезныхъ своихъ, и при завиваніи поютъ слѣд. пѣсню:

Русалочки, земляночки
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Звалилися, забилися.

Троица.

При епіомъ завѣльномъ обрядѣ дѣвушки мѣняются кольцами въ знакъ дружбы; а развивая вѣнки въ слѣдующее Воскресенье, поютъ:

На Тройцу мы вѣнки завили,
На Разгары развили,
Горѣлочку попили,
И яичну поѣли (9).

Въ Бѣлоруссіи Троицынъ день почитается послѣднимъ весеннимъ праздникомъ, съ которымъ оканчивается капанье красными лицами.

По древнему и повсемѣстному обычаю, въ Литвѣ и Польшѣ храмы Господни и чер-

(9) Сѣверный Архивъ, 1822 г. No 24.

поги вельможъ и убогія хижины въ Троицынъ день украшались зелеными деревьями, поставленными у дверей, у оконъ по угламъ, внутри церквей: алтари, лавки, а въ домахъ углы комнатъ были равнымъ образомъ обставлены молодыми деревьями, наканунѣ Зеленыхъ Святковъ, до самаго окончанія праздника. Отъ того, какъ можно догадываться, праздничные дни Сошествія Духа Св. и получили свое названіе въ Польшѣ. Трудно сказать съ досповѣрностію, въ Язычествѣ ли, около сего времени, существовалъ шамъ такой обрядъ и потомъ перешелъ въ Хрістіанскій міръ, или гораздо позже вошелъ епошь обычай. И Жиды въ Зеленія Святки, которыя приходятся у нихъ въ Маѣ, украшаютъ свои подсвѣшники, пополки и окна зелеными вѣтками и гирляндами изъ лисневъ, нанизанныхъ на нити. У Каполицковъ, равно какъ и Евреевъ, употребляютъ на епо деревья многолиственные, но никогда печальныя, мрачныя, каковы иглистыя (10). Въ Липвѣ и Польшѣ епошь древній обычай шеперь прекращается изъ опасенія ущерба лѣсовъ; просіюлюдинамъ воспрещаютъ рубить деревцы на Зеленія Святки для украшенія мазанокъ своихъ.

(10) Domy i dwory etc. pr. L. Gołębiewskiego. w Warszawie. 1830, in 8.

На Жмуди, въ Россіанахъ, Духовъ день называется Siekmines; тогда пастухи забавляющіяся ристаніемъ на лошадяхъ съ пѣснями, что опчасни сходствуеетъ съ конною процессіей (Fřingsttritt) у Нѣмцевъ для отвращенія ненастья (11). Около епотоу времени (25 Мая) у Славянъ и Чеховъ начинались языческія празднества возліянїями испочникамъ и закланіемъ жерпвѣ. Въ Турингіи вымысленный царь садовъ, или зеленый челоувѣкъ, der Gartenschēpig, обвиненъ зелеными вѣтвями и цвѣтами, сидя на конѣ, сопровождаетъ былъ изъ лѣсу въ село веселую толпой народа, которая давала извѣстное количество яицъ для приготоуленія кушанья. Въ Германіи Троицкія деревья (Fřingst-Maien) и Троицкія или Майскія пляски (Fřingst, или Frohn и Maien-Lånze) доселѣ уопребишельны во многихъ провинціяхъ. Тамъ обыкновенно украшаются березками и вѣтвями церкви и колокольни. Въ Англїи, особливо въ Гринвичскомъ паркѣ, бывали Троицкія игры (Whitsunday and holy day's stories) (12) Въ Венеціи ежегодно въ Троицынъ день совершалось до 1798 года торжественное обрученіе Дожа съ Адриатическимъ моремъ. Троицынъ день былъ однимъ изъ сроковъ на

(11) Edda Saemundina. t. III.

(12) Denkwürdigkeiten auß der chrift. Archäologie, von Dr. I. E. Augusti. 2 B. Leipzig. 1818, in 8.

Руси, когда спавились въ Москвѣ на судъ и вносили подати, даже въ XVII вѣкѣ, какъ видно изъ судебныхъ грамошъ.

Въ продолженіе Семицкаго придневнога праздника, оканчивающагося Троицынымъ, иногда и Духовымъ днемъ, пѣсни народныя повторяющъ имена *Тура*, и *Костромы* а болѣе *Ладо*, какъ выше замѣчено; имя перваго встрѣчается въ пѣхъ особенно мѣстахъ, гдѣ, начиная отъ Ростова и Переславля-Залѣскаго до Нижняго Новгорода, жилъ народъ Меря, бывшій въ пѣсныхъ связяхъ съ Славянами. Около Стародуба пѣсни въ Зеленую недѣлю называются *Гренухами* и *Гренушками* отъ *Греной недѣли*, какою шамъ именуется Троицкая. Игры же самыя, какъ выше упомянуто нами, относятся къ Русаліямъ, коимъ давали особенное знаменованіе разныя племена южной и сѣверо-восточной Россіи; по вѣрованію же народному, Русалки, живущія на руслѣ рѣкъ, выходятъ изъ воды на землю около Троицына дня и оспаются на землѣ до Петрова дня.

ТРОИЦКІЯ ПѢСНИ.

Въ городѣ Чухломѣ существуетъ старинное обыкновеніе между дѣвицами обывателей праздновать весною *Троицынъ день*, *Духовъ дѣнь* и слѣдующее за тѣмъ *Всесвятское заговѣнье*, а зимою *Святки*.

Старшая изъ дѣвушекъ, которая называется *Большухою*, въ Троицынъ день проситъ на игрище подругъ, которыя, въ сопровожденіи матерей или родспивенницъ, приходятъ въ избранное мѣсто, или среди города на площадь, или въ поле близъ самаго города, всего же чаще пропивъ дому шой дѣвицы, которая ихъ просила. Всѣ спановятся въ кружокъ и поютъ пѣсни, особенно на сей предметъ назначенныя. Двѣ изъ старшихъ дѣвушекъ, коихъ опцы бывали головами, или другими членами общеспіва, въ продолженіе первой пѣсни ходятъ посреди хоровода, по окончаніи, раскланиваются и спановятся въ кружокъ съ прочими; мѣсто ихъ заступаетъ другая пара и такъ далѣе. Самолюбіе и здѣсь не исключительно. Та пара обижается, для коей поется пѣсня, по ихъ мнѣнію, худая; припомъ младшей пары никогда не допускаютъ

ходить посреди яружка прежде старшей; за чпо можешъ произойти неудовольствіе и даже ссора между матерями дѣвущекъ и самими дѣвущками. Вотъ нѣкоторыя изъ пѣсенъ, которыя поются при семъ случаѣ.

1.

Пошла дѣвчина на Днѣпръ по воду,
 Заглядѣлася въ быструю рѣчку;
 На встрѣчу ей плыветъ козачикъ.
 Начала дѣвчина съ казакомъ правдаться:
 Отпусти меня, козачишка, до дому,
 Принесу тебѣ великую казну!
 Мнѣ не надобно великой казны,
 Обвѣнчаемся, мой соколь, со мной,
 Промѣняемся золошыми перстнями!

2.

По лугу, по лугу, лелю, лелю, по лугу,
 Колясочка ѣхала, лелю, лелю, ѣхала,
 Въ колясочкѣ дѣвица, лелю, лелю, дѣвица;
 Въ коляскѣ ша красная, лелю, лелю, красная.
 Сколько она ѣхала, лелю, лелю, ѣхала,
 Вдвое, впрое плакала, лелю, лелю, плакала;
 На свой перстень смотрючи, лелю, лелю, смотрючи;
 За чѣмъ перстень шускнушь спалъ, лелю, лелю,
 шускнушь спалъ?

4.

У ворошь справа пришлочена;
 Пришлочили Князья, Бояры,
 Всѣ ко башюшкѣ въ гости ѣзжучи,
 Всѣ меня младу присмотряючи,
 Что первый молвишь: за себя возму,
 Что другой молвишь: возьму за сына,
 Что третій молвишь: за племянника.
 Какъ бы знала я млада, да вѣдала,
 Не ходила бы на Оку рѣку,
 Не умывалась бы према мылами,
 Тремя мылами, да према разными,
 Не уширалась бы полошеничкомъ,
 Полошеничкомъ, да према разными.

5.

Я вечеръ молода, во банкешъ была,
 Упилася млада зеленова вина,
 Позабыла млада зелень садъ зашворить,
 Прилетѣлъ попугай винограду щипашъ.
 Ужь шы шишь, попугай, не щипли виноградъ
 Съ епой вѣточки! еша вѣточка дома надобна,
 Свекра дарить со свекровушкою,
 Деверя дарить со золовушкою.

6.

Я во садъ пошла, во зелень пошла,
 Ужь я луку-ша полошь, зеленого полошь,

Я полю, полю, полю, перепалываю,
 Черезъ тынь въ огородъ перебрасываю,
 Припаду къ шерему, всё подслушиваю:
 Еще свекоръ журишь со свекровушкою,
 Деверь бранишь со золовушкою.

7.

Мимо моего шеремочку, пробѣгалъ бѣгуночикъ,
 На помъ бѣгуночкѣ сидишь Пань холостый,
 Придаешся Пань къ дѣвчинѣ, дѣвчинушка моя радость,
 Поди за меня замужъ! Нейду нейду за тебя замужъ,
 За здѣшняго Пана! ужъ ты въ карты Пань играешь,
 Козырей Пань мало знаешь, меня Панью проиграешь.
 Дѣвчинушка, моя радость, на тебѣ я не женюсь!
 Не урядлива дѣвка ходишь, головы долго не чешешь,
 Либо при дни, либо чепыре, русыя косы не плетешь.
 Я пойду съ горя молоденька, во зеленъ садъ гуляти,
 Обернуся я, повернуся бѣлой лебедою;
 Ужъ я стану ли выкликаши я снова соколочка,
 Ты ау, ау, соколочикъ, ау миленькій дружочикъ!
 Когда я къ тебѣ пристала, ошца, мапери оштала,
 Всему роду я покорилась, Пану въ ноги поклонилась,
 Ужъ какъ взялъ Пань Панью за ручку, повелъ ее во
 свѣшлицу,
 Ужъ какъ сталъ ее цѣловаши, пошла Панья шан-
 цоваши.

8.

Я пойду млада по горницѣ ,
 Я по свѣтлой млада свѣтлицѣ ,
 Я ударю млада въ чебошы ,
 Чебошы мои сафіянныя !
 Тѣлогрѣюшка моя камчатная !
 Не жури меня , люшый свекоръ ,
 Не твое ношу приданое ,
 Не твое ношу нарядное ;
 Государя свѣта башюшки ,
 Государыни свѣта мапушки .

Когда для каждой пары , участвующей
 въ хороводѣ , пропоемся пѣснь ; тогда чепы-
 ре дѣвушки изъ спаршихъ начинаютъ ходить
 по кругу , для коихъ поютъ особенную пѣс-
 ню , упоминая въ оной имя и ошечество

9.

Передъ воротами , передъ широкими ,
 Стояла тупь калина , спояла малина ,
 На шой ли на калинѣ , на шой ли на малинѣ
 Чпо чепыре было ягодки :
 Первая ягодка Онисья Ивановна ,
 Вшорая ягодка Акулина Макаровна ,
 Третья ягодка Авдошья Никишишна ,

Четвертая ягодка Прасковья Григорьевна.
 Для ради Анисьюшки, для ради Ивановны
 Всѣ церкви растворилися,
 Для ради Акулинушки, для ради Макарьевны
 Всѣ свѣчи зашепелялися,
 Для ради Авдотьюшки, для ради Никишишны
 Князья соѣзжались,
 Для ради Прасковьюшки, для ради Григорьевны
 Сине море всколыхалосѣ.

10.

Во полѣ рябинушка, ой Дидо, Ладо!
 Во полѣ кудрявая, ой Дидо, Ладо!
 На шой на рябинушкѣ, ой Дидо, Ладо!
 Четыре было вѣточки, ой Дидо, Ладо!
 На шѣхъ ли на вѣточкахъ, ой Дидо, Ладо!
 Четыре было ягодки, ой Дидо, Ладо!
 Первая ягодка Аннушка, ой Дидо, Ладо!
 Вторая ягодка Катинька, ой Дидо, Ладо!
 Третья ягодка Машинька, ой Дидо, Ладо!
 Четвертая ягодка Авдотьюшка, ой Дидо, Ладо!
 Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
 Столы спановилися
 Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
 Скатерши разстлалисѣ,
 Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
 Всѣ гости съѣзжались,
 Для ради N, для ради N, ой Дидо Ладо!
 Исшвы спановилися.

По окончаніи сего , всѣ дѣвушки берутъ другъ друга за руки и ходятъ взадъ и впередъ , на подобіе буквы *М* : сіе дѣйствіе , по выраженію ихъ , называется : *красны сновати*. Въ продолженіе *снованія красенѣ* поютъ слѣдующія пѣсни:

11.

Ужь ты улица, улица ,
 Ужь ты улица широкая !
 Трава, мурава шелковая !
 Изукрашена улица
 Всѣ гудками, всѣ скрипцами ,
 Молодцами , да молодцами ,
 Душами красными дѣвицами.
 Не величка птичка пташечка
 Сине море перелетывала ,
 Садилася птичка пташечка
 Среди моря на камышекъ ;
 Слышитъ , слышитъ птичка пташечка ,
 Плачешь, плачешь красна дѣвица,
 Идучи она за стараго замужъ :
 Ахъ., ты, старъ мужъ, погубитель мой!
 Погубилъ мою головушку,
 Всю дѣвичью красосу.

Въ отношеніи же къ молодому , конецъ сей пѣсни слѣдующій:

Слышитъ, слышитъ ппичка, ппашечка
 Пляшетъ, пляшетъ красна дѣвушка,
 Идучи она за младаго замужъ:
 Ужъ ты младъ мужъ, взвеселитель мой,
 Взвеселилъ мою головушку,
 Всю дѣвичью красоту!

12.

По улицѣ по широкой
 Скакаль, плясаль воробышекъ,
 Сзываль, скликаль красныхъ дѣвиць:
 Подьте, дѣвушки, подьте, красныя,
 На игрище, на гульбище,
 Въ большой караводъ мячемъ играй!
 Охъ, дѣвушкамъ своя воли;
 Молодушкамъ нѣтъ волюшки!
 Дитя плачешъ колыбное,
 Другое плачешъ кроватное;
 Колыбному горшокъ каши,
 Кроватному нечъ пироги.

13.

Зеленися, мой зеленъ садъ,
 Зеленися въ огородъ!
 Ко мнѣ завтра поушру
 Дорогой гость въ гости будешъ,
 Дорогой гость батюшка родной

Станешь по саду гуляти,
 Изюмъ ягоду щипаши;
 Пощипавши, будешь кушашь
 Меня молоду хвалиши,
 Что горазда садъ садиши,
 Что горазда поливаши,
 Опъ морозу сберегаши,
 Новиною прикрываши,
 Той ли новиною,
 Той ли суровою, парчею золошою.

14.

Травина ли моя, шравинушка,
 Травина ли моя шелковая!
 Еще кто же праву прищоппалъ?
 Прищоппали меня шравинушку
 Да всё дѣвушки, да всё красныя,
 Въ зеленомъ саду гуляючи,
 Золошымъ мячемъ играючи,
 Все себя же ущѣщаючи.

15.

Красная дѣвушка по городу гуляла;
 Она яхонтные камешки сбирала,
 Она камешекъ о камешекъ бросала;
 Не во всякомъ самоцвѣтномъ камнѣ искра,
 Не во всякомъ добромъ молодцѣ естъ правда
 Добрый молодецъ по бережку гуляеть;
 Онъ волженные пружики ломаетъ:

Изхлесталъ бы, изхлесталъ бы я васъ, прущья,
 О дѣвичье, о дѣвичье бѣло шѣло!
 Ужь гораздо я молоденька согрѣшила;
 Ужь я завиреню, обѣдню просыпала,
 За сердита добра молодца попала;
 Онъ ужъ бьешъ меня дѣвицу не за правду,
 Про свое бьешъ про дурацкое бездѣлье.

Духовъ день и слѣдующее за нимъ заговѣнне, въ Чухломѣ празднуются точно такъ же, какъ и Троицынъ день; пѣсни поюшъ пѣже. По словамъ старожилловъ, такія игры прежде продолжались во всю ночь; нынѣ начинаются со 2го или 3го часа и продолжаются до 5го пополудни: дѣвицы разходятся, послѣ возвращаются опять и въ ясную погоду играють до полуночи и далѣе.

16.

Въ Воронежской Губерніи тогда поюшъ слѣд. *призывныя* на игрище пѣсни:

Луговая коростель,
 Ладо, Ладо, коростель!
 Не кричи рано по зарѣ!
 Не буди меня рано на зарѣ!
 У меня машушка — мачиха,
 Она меня поздно спать кладешъ,
 Она меня рано возбуживаешъ,
 Къ легкому дѣлу — къ жерновамъ, и пр.

Луговая коростель, и пр.
 Закричи рано по зарѣ!
 Разбуди меня рано на зарѣ:
 У меня машушка родная;
 Она меня рано спать кладеть;
 Она меня поздно взбуживаетъ,
 Къ тяжелому дѣлу — къ плящамъ, и п. д.

17.

Конопля, конопля зеленая моя!
 Что жъ ты, конопля, не весело споишь?
 Ахъ! какъ мнѣ, конопль, веселой спояшь?
 Снизу меня, коноплю, бурей сломило,
 Сверху коноплю воробьи клюють!
 Дѣвка, ты дѣвушка красная!
 Что жъ ты, дѣвушка, не весело сидишь?
 Ахъ! какъ мнѣ дѣвущкѣ веселинькой быть?
 Мой башюшка хочеть за мужъ меня опдать
 А мачиха хочеть въ черницы поспричь!
 Мой башюшка пошелъ боярь (1) собирать,
 А мачиха пошла за игуменью.
 Скрыпнули вороша разтворчатые,
 Брехнула собака борзая на цѣпи...
 Мнѣ-чела (2) — башюшка съ боярами!
 Ажной — моя машушка съ игуменью!

(1) Свать, дружо.

(2) Я думала.

Садись, мое дитяшко, на золотое стульце;
Расплешай, мое милое, русую косу!
Пусти меня, матушка, на Донь погулять,
Бѣлильцы, румянцы съ лица поспирать.
Смоешь, мое дитяшко, горячей слезой,
Сотрешь, мое милое, пельчатымъ рукавомъ! (3)

(3) см. Украин. Журналъ на 1824, No 11. Харьковъ, въ 12

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЫ.

І.

ВЛАСЬБЕВЪ ПРАЗДНИКЪ.

При переходѣ отъ Язычества къ Христіанству, ложныя божества Рускаго народа испреблены, такъ что память только нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранилась въ старинныхъ пѣсняхъ, сказаніяхъ, названіяхъ урочищъ и повѣрьяхъ. Позднѣ прочихъ сокрушенъ былъ въ Ростовѣ испуканъ *скопія бога Волоса*, или *Велеса*, который находился въ числѣ Кіевскихъ божествъ и встрѣчается въ „Игровой пѣсни“ съ *Даждбогомъ* и *Сприбогомъ* (1). „Великая Минея Макарьевская, въ рукописи, свидѣтельствуетъ, что „Великій Князь Владиміръ повелъ испроверци, избити кумиры, овы изсѣщи, а иныя ижжеци; Волоса, его же именовашу *скопья бога*, повелъ въ Почайну рѣку врещи.“

Коренныя народныя вѣрованія всегда почпи ославляють слѣды свои въ жизни народной,

(1) сютри „Четью-Минсю“, февраль.

принимая новые обряды, или прививаясь къ другимъ понятіямъ. При водвореніи Христіанства въ Россіи, мѣста языческихъ капищъ и пребищъ освящены св. храмами; языческимъ опечествленнымъ богамъ проповоставлены Святые Православной Церкви, покровительствующіе тѣмъ же занятіямъ житейскаго бытія, какими завѣдывали первые. Нельзя было первымъ проповѣдникамъ вѣры Евангельской въ эпоху обстоятельствъ не сдѣлавъ нѣкотораго снисхожденія народу необразованному, грубому, кочевнѣ, вмѣсто Перуна, спалъ поклоняясь св. пророку Илиіи, доселѣ чернью представляемому громоноснымъ. Такъ, вмѣсто низверженнаго Волоса, скопъ, особливо коровы, поручены покровительству св. мученика Власія, жившаго въ IV вѣкѣ по Р. Х., — потому болѣе, что житіе его свидѣтельствуетъ о благотворительствѣ его людямъ и лѣснымъ звѣрямъ, о возвращеніи бѣдной вдовѣ веприцы, похищенной волкомъ (2), и п. п. Такое сближеніе сходныхъ обстоятельствъ и даже созвучныхъ именъ укоренило въ народѣ это вѣрованіе, соединенное съ его бытомъ и обычаемъ.

(2) Верховажскія Записки М. П. Мясникова, въ рукописи, также Нерехотскія Записки М. Я. Діева.

Сущесwующій донинѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи суевѣрный обрядъ *Опахиванья*, или *Коровей смерти*, совершаемый ночью женщинами во время скопскаго падежа, не еспь ли оспапокъ обрядовъ шамансвеннаго служенія Волосу; ибо шествіе епо сопровождается св. иконою Власія. По Вагѣ еспь довольно придѣловъ и часовень въ честь Св. Власія; его праздникъ памь чеспвуютъ креспьяне разными приношеніями, особливо коровимъ (молочнымъ) масломъ. Донинѣ въ Вельской округѣ, въ Ракульскомъ приходѣ, среди лѣсовъ, спойшъ древняя церковь во имя Св. Власія, котораго икона явилась 19 го Января, какъ гласитъ мѣстное преданіе. Въ епотъ день, изо всей Вельской округи креспьяне съѣзжаются и сходятся молишъя своему заступнику. Тогда приходскій священникъ совершаетъ памь обѣдню, потомъ служитъ общій, а наконецъ частныя молебны для молещиковъ. Туда приносятся коровье масло, которое съ поклономъ кладутъ предъ образомъ Св. Власія. Въ праздникъ собирается ошъ 30 до 40 пудъ масла; часть онаго дается священнику съ причетомъ, а оспальное въ пользу церкви. — Въ другихъ приходахъ Шенкурскаго и Вельскаго округовъ, такимъ же образомъ празднуютъ св. покровителю скоповодства, въ субботу

предъ св. Пятидесятницею. (5) Какъ въ праздникъ Св. Мученикъ Флора и Лавра приводятъ лошадей къ церкви для окропленія ихъ св. водою, такъ и къ церкви Св. Власія приводятъ коровъ, особливо во время падежа, и поютъ объёмные молебны. Епитъ Святой на иконѣ (въ одной изъ Новгородскихъ церквей) изображенъ оруженый скопомъ. Прасолы въ Зарайскѣ, еженедѣльно, въ продолженіе цѣлаго года, служатъ молебны св. покровишело рогатаго скопа.

Какъ торговля и промышленность почти всегда шли по слѣдамъ за торжествами религіозными: то съ праздниками искони соединялись торги и ярмарки. Одна изъ древнѣйшихъ ярмарокъ въ Сѣверо-Восточной Россіи, Ростовская, приходящаяся около Власьева дня, по всему вѣроятію, ведетъ свое начало отъ празднества въ честь Волоса. Въ Ростовѣ, при Св. Аврааміѣ, чтили Волоса въ видѣ камня, который наводилъ ужасъ на поклонниковъ своихъ призраками и чудными видѣніями. Ростовскій апостоль, въ XI или въ началѣ XII вѣка, сокрушилъ ешого идола шеспибконечнымъ крестомъ, полученнымъ

(3) Карамз. И. Г. Р. ч. I.

опиѣ Св. Іоанна Богослова, а на мѣснѣ Волосова пребища соорудилъ церковь. Въ Аврамѣвскомъ монастырѣ доселѣ хранился епопѣ крестъ съ надписью: „Сей крестъ во градъ Росповѣ, во Аврамѣвѣ монастырѣ Св. Іоанномъ Богословомъ данъ П. Аврамію побѣдипи ідола Велеса при Князѣ Владиміръ“. (4) Подобный Росповскому камень (какъ видно изъ рукописнаго житія преп. Иринарха Росповскаго) существовалъ въ Переславлѣ-Залѣскомъ при Василіѣ Іоанновичѣ Шуйскомъ. Попомки Мери, переселившейся за Оку и смѣшавшейся съ Мордвою, донинѣ еще опсправляютъ праздникъ *Велѣ-Оксѣ*, напоминающій Велеса. Такіе обоготворенные камни извѣстны были въ глубокой древности у Евреевъ, Сиріанъ, Финикіанъ и другихъ народовъ; на нихъ возливался елей въ знакъ посвященія (5). Въ Россіи, по мѣсямамъ, еще и теперь есть камни, уважаемые проспымъ народомъ; и, върояпно, камень въ Мерянскомъ краю былъ предспавишелемъ *бога скотія*. Въ Новгородѣ находилась *Волосова* улица и донынѣ существуетъ древняя церковь св. Власія на помѣ самомъ мѣснѣ, которое преданіемъ назначается испугану Волосову. Въ Южной Россіи, по свидѣтельству Пропоіеря Сабии-

(4) Исторія Россійской Іерархіи, ч. 3.

(5) Начертаніе Церковно-Библейской Истории М. Филарета, изд. 4. Спб. 1827, въ 8.

нина, спарухи *завивали бороду Волосу* предъ жатвою: собравъ горсть колосьевъ и не вырывая ихъ изъ корня, перегибали и завивали въ узелъ, въ знакъ того, чтобы до нихъ не касалась рука жницы (6). Подобное суевѣрїе встрѣчается у Скандинавовъ, у которыхъ въ мѣтологїи есть Val-áss или Vali-áss — воль-богъ (7). Впрочемъ производство слова „Велесъ“ или „Волось“ созвучно также съ древнимъ vellus, руно, *во́лосѡ*, и средне-Латинскимъ vellus „древнїй“, *velit*; но еще ближе кажется съ опечеспвенными словами *волѡ*, синонимъ Тура, и *волосѡ*. Ежели Волось, какъ покровитель скотоводства, въ исторически-неопредѣленной еще древности, перенесенъ выходцами заморскими на югъ и сѣверъ Россїи: то вѣроятно водворился въ нѣхъ спранахъ, гдѣ были скотоводцы и присоединенъ къ мѣстнымъ ихъ божествамъ. Рускіе язычники, клявшисъ при Олегѣ предъ Волосомъ, при заключенїи мира съ Византїйцами, полагали предъ своимъ богомъ золото; поному-чю онъ почитался источникомъ богатства, какое доставляло ско-

(6) Журналъ Министер. Наро. Просвѣщенїя 1837 года, Ноябрь.

(7) Edda Saemundina, t. III. — Не имѣетъ ли отношенїя къ Волосу и *Волотово поле* подъ Новгородомъ?

товодство, и по етому самому очень вѣроятно, что *скотѣ* замѣнялъ деньги.

Изъ оставшихся на Руси суевѣрій видно, что сему божеству приносили въ жертву масло молочное, называемое въ Череповецкомъ и Бѣлоозерскомъ уѣздахъ Новгородской Губерніи *воложньмиѣ* и даже *волосньмиѣ*. Можеть-спасься, самая Масляница, приходящая около Власьева дни (11 февраля), не была ли праздникомъ Волосовымъ, а позимый тогда во многихъ мѣстахъ Россіи мужикъ на колесѣ, ушверженномъ на савяхъ, не представлялъ ли собою Волоса, похожаго на *Крото Нѣмецкихъ Славянъ*?

Волосовскіе, или *Власьевскіе* морозы считаются послѣдними въ Сѣверо-Восточной Россіи, гдѣ у простолудиновъ естъ и поговорка: *Власій, сшиба рогѣ сѣ зими*. Можеть бытъ, при изслѣдованіи, откроются еще слѣды епго миеа въ повѣрьяхъ и обычаяхъ народныхъ, или въ названіяхъ урочищъ и въ старинныхъ сказаніяхъ, кои часто паятся въ мирномъ углу сельскаго бына, какъ зашпное преданіе незапамяшной старины.

III.

ВЕРБНАЯ СУББОТА.

Первое весеннее гулянье въ Москвѣ, съ давнихъ временъ, бываетъ въ Лазарево Воскресенье, предшествующее праздникамъ Входа въ Иерусалимъ Спасителя и Свѣтлаго Воскресенья. Отъ другихъ народныхъ гуляньевъ оно отличается скромною веселостью и трезвостію, обходится безъ шапровъ и балагановъ, безъ игръ и потѣхъ, обыкновенно сопровождающихъ народные праздники. Это собственно дѣтскій праздникъ, напоминающій поржество Еврейскихъ дѣшей, которыя подстилали ваи, т. е. финиковыя и пальмовыя вѣтви І. Хрісту во время шествія Его на ослати въ земный Иерусалимъ.

Вербное гулянье въ Москвѣ напоминаетъ намъ папріархальную простоту и благочестіе Руской старины: сами Монархи вмѣстѣ съ народомъ нѣкогда ходили *ломать вербу* на берега Неглинной, покрывшій ивами и вербами, дабы мысленно подстлать Рускія ваи подъ стопы Спасителя. До самаго царствования Петра I, въ навечеріе праздника Входа во Иерусалимъ, совершался крестный ходъ съ древесными вѣтвями, а Папріархъ, въ подражаніе І. Хрісту, шествовалъ во всемъ обла-

чени на конѣ верхомъ (наряженномъ въ видѣ осла), отъ Лобнаго мѣста до Успенскаго собора, и наоборотъ. Свяшителя сопровождали духовныя особы, Царь и бояре, пѣшіе, съ вербами. Заведеніе выносить погда большде дерево, обвѣшенное овощами, было слѣдствіемъ ношенія проспой вербы (1). Въ память етого, у Вознесенскаго монастыря и у Лобнаго мѣста въ Москвѣ продаются вербы изъ вѣтвей самаго дерева (*salix*), которое къ епой порѣ обыкновенно распускаетъ свои сережки, также изъ искусственныхъ цвѣтовъ и плодовъ съ листьями и херувимами; погда Красная площадь превращается въ движущійся вертоградъ, куда нынѣ привозятъ и приводятъ дѣшеѣ ушромъ за вербою, а съ сумерекъ начинается капанье въ разныхъ экипажахъ вокругъ Кремля, среди гуляющаго народа (2).

Достопамятный обрядъ *шествія* Свяшителя на ослати, совершался не всегда одинакимъ образомъ. Онъ извѣстенъ уже въ XVI вѣкѣ, какъ видно изъ чина поспавленія Митрополішовъ Всеросс. 1559 и 1564 г. (3), бывшаго не въ Вербное Воскресенье. Гарклюйтъ, Олеарій и

(1) Взглядъ на старинную Рускую Поезію, соч. Н. Д. Ивангина-Писарева. Москва. 1837, въ 12.

(2) Сѣверная Пчела, 1838 г. No 69.

(3) Акшы Археогр. экспедиціи. т. I. Спб. 1836, въ 8.

Беръ такъ описываютъ вербное шествіе: „Въ недѣлю (т. е. воскресенье) Ваиѣ, предъ обѣдней народъ собирался въ Кремль. Изъ Успенскаго собора выносили огромное дерево, обвѣшанное разными плодами и овощами, и поставивъ его на двухъ саняхъ, везли шихо. Подъ деревомъ сіпояли пять опроковъ въ бѣлой одеждѣ и пѣли молищвенныя пѣсни. За санями шли многіе юноши съ зажженными восковыми свѣчами и огромнымъ фонаремъ; за ними несли двѣ хоругви, шесть кадильницъ и шесть с. иконъ. За иконами слѣдовали Терен въ великолѣпныхъ ризахъ; а за ними бояре и сановники; наконецъ самъ Государь и Минпрополитъ. Послѣдній ѣхалъ верхомъ, сидя бокомъ на ослѣ; покрышомъ бѣлою тканью: въ лѣвой рукѣ держалъ Евангеліе, а правую благословлялъ народъ. Осла велъ Бояринъ; Государь придерживалъ одною рукою длинный поводъ узды, въ другой имѣлъ вербу. Путь Святителю успиляли сугнами. Предъ Государемъ несли пальмы, какія приносины были изъ Палестины странниками (4) и какія доселѣ хранятся въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ подъ именемъ *Царскихъ финиковыхъ вѣтвей*. Обходявъ такимъ

(4) Которые назывались *паломниками* отъ *пальмовыхъ* вѣтвей, какія приносили съ собою, или отъ Гот. сл. palm, странническій посохъ, съ которымъ хаживали пилигримы; на Англин. palmг. с. *Карамз.* II. Г. Р. т. IX и XII.

образомъ вокругъ главныхъ церквей Кремлевскихъ, въ соупствіи безчисленнаго множества народа, возвращались въ Успенскій соборъ, гдѣ Митрополитъ, совершивъ божественную литургію, угощаль у себя въ Палатѣ обѣдомъ Царя и вельможъ.“

Такъ осправляемъ былъ епошь обрядъ при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ! Онъ не прекращался и во время завладѣнія Москвы Поляками. Въ 1611 году, по свидѣтельствѣ Беровой лѣтописи, они дозволяли Патріарху Гермогену священнодѣйствовать въ недѣлю Ваий. Тогда на Красной площади, самомъ мѣстѣ церемоніи, стояли пѣшіе и конные Ляхи и Нѣмцы съ обнаженными мечами и съ заряженными пушками. Священникъ, *связанный дугою*, шествовалъ въ опечественный Іерусалимъ на ослѣхъ между рядами иновѣрцевъ; но граждане Московскіе не смѣли выдти на улицу, только нѣсколько бояръ и сановниковъ съ унылымъ видомъ слѣдовали за своимъ Пастыремъ, котораго въ Москвѣ ожидала истома и смерть. Патріархаго ослѣхъ за узду, вмѣсто Царя, Князь Гундуоровъ (5).

Въ церковныхъ обрядахъ 1627 г. записано (6), что „на 6 недѣли поста ввечеру и на

(5) Древняя Росс. Вивліоенка. ч. XI.

(6) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, изд. Устрялова. Слб. ч. I. 1831, въ 8.

„утрени бываетъ служба въ соборѣ, а предъ
 „обѣднею Патріархъ ѣздитъ на осяпши къ
 „Троицѣ на ровъ, и паки поѣдетъ въ Соборъ.“
 Олеарій описываетъ намъ бывшее въ 1636 г.
 шествіе Патріарха на осяпши, сходно съ
 первымъ въ главныхъ предмѣсахъ, къ копо-
 рымъ присоединяетъ еще, что около пяти-
 десяти юношей въ красномъ плащѣ, скинувъ
 съ себя верхнюю одежду, разстлали ее по
 пути шествія Патріарха и Царя. Изъ Успен-
 скаго собора, по словамъ Олеарія, Патріархъ
 шествовалъ къ Лобному мѣсту, съ коего
 давалъ благословеніе народу, а потомъ слѣ-
 довалъ въ церковь Входа въ Іерусалимъ и, по
 совершеніи тамъ молебнаго пѣнія, тѣмъ же
 порядкомъ возвращался въ Успенскій соборъ,
 при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ.
 Но въ чинѣ шествія (1642 г.) упоминаются
 нѣкоторыя особенности этого церемоніала.
 Іосифъ, въ день своего избранія на Патріар-
 шество, шелъ изъ дворца черезъ Благовѣ-
 щенскую паперть къ осяпши, на которое
 возсѣвъ, совершилъ шествіе вокругъ Кремля.
 Опъ Благовѣщенскаго собора ѣхалъ онъ къ
 Спаскимъ ворошамъ; за нимъ слѣдовали въ
 саняхъ Ростовскій Митрополитъ Варлаамъ,
 Рязанскій Архіепіскопъ Моисей, и Бояре, а
 около Патріарха шли приказные, Конюшій,
 Ясельничій, и дворовыя дѣти Боярскія въ

золотныхъ одеждахъ , вмѣстѣ съ головою Спирѣлецкимъ и Полуголовою съ пѣшими же спирѣльцами. Въ это время проподіаконъ ѣдучи, кропилъ городъ св. водою. По прибытіи всего шестивія къ Спаскимъ вѣрошамъ, Папріархъ взошелъ на уготовленное ему мѣсто и предъ образомъ Спасителя и Богомаперы, написаннымъ на вѣрошахъ, прочелъ липію и моливу городу, и по окончаніи оной, прижды кропилъ образъ св. водою. Потомъ сошедши съ мѣста, взялъ крестъ и осѣняя онымъ, поѣхалъ, внизъ направо мимо Спирѣлецкой караульни подъ гору къ Тайницкимъ вѣрошамъ, у которыхъ также читалъ липію и кропилъ св. водою; опшуда поѣхалъ черезъ Жипный дворъ къ Боровицкимъ вѣрошамъ. Совершивъ и на томъ мѣстѣ подобный обрядъ, поѣхалъ онъ черезъ Боровицкій мостъ вправо Спирѣлецкою слободой къ Каменному мосту и къ Неглиннымъ вѣрошамъ и опъ нихъ къ Никольскимъ, потомъ площадью слѣдовалъ къ Спаскимъ, говоря у всѣхъ вѣрошъ моливы городу и кропя ихъ св. водою. Проѣхавъ черезъ Спаскія вѣроша въ Кремль къ Благовѣщенскому рундуку, Папріархъ сошелъ съ осяти на рундукъ и опправился вверхъ къ Государю въ Золотую палату. Его вели Митрополитъ Ростовскій и Архіепископъ Рязанскій, а пе-

редъ нимъ шли пѣвчіе, дьяки, и пѣли спихи, въ соупствованіи *пламенниковѣ* (7) по чину. На другой день, Папріархъ, по окончаніи обѣдни въ Ризположенской церкви, сѣлъ на осла у лѣспницы съ приступка и поѣхалъ съ двора Папріаршаго въ Ризположенскія ворота. Осла велъ за конецъ повода Бояринъ Василій Петровичъ Шеремпевъ, посреди повода Окольничій Князь Андрей Федоровичъ Липвиновъ-Мосальскій, а у губы осла съ правой стороны велъ его Папріаршій Бояринъ Василій Яновъ; съ другой стороны велъ за узду спреманный конюхъ, тѣже самые, которые присутствовали при церемоніи въ прошедшій день. Папріархъ поѣхалъ опъ Собора, мимо стараго Дворца Царя Бориса, къ Богоявленскому монастырю, что на Троицкомъ подворьѣ, да по за-дворцу въ Боровицкія ворота. Выѣхавъ за Бѣлый городъ въ Чертольскія ворота, слѣдовалъ Папріархъ по Бѣлому городу къ Арбатскимъ, Никитскимъ, Тверскимъ и Пепровскимъ воротамъ, на Трубу, къ Неглинной, чрезъ которую тогда моста не было. Для сего Папріархъ шелъ вверхъ

(7) *Пламенники*, если не *паломники*, т. е. носившіе пальмы или вербы, можешь спасться, поже что *Огненники*, родъ служителей, бывшихъ при св. церемоніяхъ, въ красныхъ кафшанахъ.

по Неглинной мимо Спирѣлецкихъ слободъ и перешедъ Неглинную подъ Троицкой слободою (нынѣ Мѣщанскою); шель къ Срѣшенскимъ ворошамъ, у коихъ ошановясь, говорилъ молишву и окропя св. водою, вступилъ въ городъ, и слѣдуя Срѣшенскою улицей, въ Кипай Никольскою улицей, въѣхалъ въ Кремль въ Никольскія вороша, опшудалъ къ себѣ на дворъ Папріаршій и шупъ сошелъ съ осла у лѣспницы. Папріархъ, ѣхавши около города, у каждыхъ ворошъ говорилъ молишвы; за нимъ слѣдовали Росповскій Митрополитъ Варлаамъ, Рязанскій Архіепіскопъ Моисей и два Пречисшенскіе Ключаря, которые везли крестъ и кропили городъ св. водою. Сошелъ Папріархъ съ осла, опправился въ келью, а Бояринъ и Окольничій поѣхали въ свои подворья. — На третій день, Марта 29го, происходила подобная церемонія. Папріархъ, опслуживъ раннюю обѣдню, пошелъ въ сопровожденіи Духовенства съ дарами къ Царю Михаилу Феодоровичу; возврапясь отъ него, сѣлъ на осла у себя на дворъ у лѣспницы, поѣхалъ Ризположенскими ворошами въ Никольскія, и выѣхавъ за Бѣлый городъ въ Срѣшенскія вороша, ѣхалъ у Бѣлагогорода къ Яузскимъ ворошамъ, у коихъ прочла молишву и кропя св. водою, слѣдовалъ въ городъ чрезъ Яузскія, Варварскія и Спаскія

вороша въ Кремль, совершая подобныя дѣйствія, какъ и въ первые дни, Бояринъ, Окольничій, Папріаршій Бояринъ и конюхъ вели подъ Папріархомъ ослѣ, тѣ же, которые и прежде были. Изъ Духовенства, Рязанскій Архіепіскопъ не присуствовалъ за тѣмъ, что впалъ въ немилость у Царя. Папріархъ приѣхавъ на свой дворъ, отпустилъ Боярина и Окольничаго на подворья, а спола у него не было, для того, что „въ великій постъ „пировать не пристало“ (8). Въ Тредіонѣ 1666 г. при описаніи церемоніи Ваіи, совершенной Папріархомъ Іосафомъ, не упоминается объ ослѣ; но 1668 году, въ Вербное воскресенье повпорялась на Лобномъ мѣстѣ въ лицахъ евангельская исторія: Папріархъ словами Хріста посылалъ Протопопа и Ключаря за ослѣтемъ, которое стояло на уготованномъ мѣстѣ. Папріаршій Бояринъ спрашивалъ, а они ему ошвѣчали, какъ въ Евангеліи сказано. Потомъ Папріархъ взявъ въ одну руку Евангеліе, а въ другую напрестольный крестъ, и осѣнивъ имъ Царя, сѣлся на ослѣ, которое Государь бралъ и вель за поводъ. Процессія шла къ Успенскому Собору чрезъ Спаскія вороша въ преднесе-

(8) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Рускихъ, г. Успенскаго. Харьковъ. 2 ч. 1818, въ 8. — Московскій Наблюдатель, 1837, No 3.

ніи нарядной вербы. Царь и прочіе несли ваи; по прибытіи въ Соборъ процессія, дочипывалось Евангеліе и начиналась липургія.

Одинъ Нѣмецкій ученый, въ концѣ XVII вѣка, очевидный свидѣтель подобной церемоніи въ Москвѣ, описываетъ ее почно такъ, какъ она происходила при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, упоминая о везенномъ деревѣ съ разными плодами, опрокахъ, воспѣвавшихъ *Осанна*, и о шествіи на ослиахъ Паптіарха, котораго сопровождали Цари Іоаннъ и Пётръ Алексѣевичи, державшіе за поводъ осла, покрытаго чернымъ сукномъ. Въ продолженіи шествія дѣти подспилили Паптіарху, по словамъ писателя, свои одежды и разныя пѣкани: Паптіархъ въ благодарность подносилъ обоимъ Царямъ 500 рубл. (9)

Подобную церемонію Архіереи совершали и въ городахъ съ Воеводами. Когдажъ она прекращена была: тогда дозволено только крестное хожденіе съ иконою *Входа Господня*, аще молва гдѣ гаетя, или будущѣ настоять *благоговѣйніи людіе*.

Россійскій Паптіархъ Іоакимъ, на созванномъ имъ Соборѣ 1678 г., подвергнувъ разсмотрѣнію *обрядѣ шествія на ослиахъ* и не нашедши ни церковнаго положенія на оный,

(9) *Anhang von der Reußischen Religion. Leipz. 1698, in 12.*

ни извѣстія о началѣ его въ Россіи, призналъ его нововведеніемъ, вошедшимъ въ смутныя времена нашего опечесства. Предоставивъ Папріарху епоть обрядъ, какъ уже вкоренившійся въ Столицѣ, онъ запрепилъ подражать оному всѣмъ Архіереямъ по провинціальнымъ городамъ, гдѣ епо обыкновеніе только еще распросранилось; а Императоръ Петръ I вмѣстѣ съ уничтоженіемъ самаго Папріаршества и совѣмъ прекратилъ совершеніе епото обряда въ Россіи, испорически и канонически неопредѣленнаго.

Подобный обрядъ издревле существовалъ на Воспокѣ и на Западѣ. Пахимерь упоминаетъ о шествіи на осяпши Папріарха Константинопольскаго; въ епоть день при Византійскомъ дворѣ раздавались золотыя монеты и другіе подарки, называемые, какъ и самый праздникъ, *Ваѣа*. Гилдебрандъ въ книгѣ своей *de diebus festis* свидѣтельствуешь, что Григорій великій, въ концѣ VI вѣка, учредилъ въ Вербное Воскресенье св. хожденіе, которое при Карлѣ Великомъ вошло въ общее употребленіе на Западѣ, гдѣ епоть праздникъ назывался *Dominica palmarum*, или *in palmis*, также *in ramis palmarum*. Но еще Св. Іоаннъ Златоустъ въ одной бѣсѣдѣ своей говоритъ: „въ епоть шествіи, которое совершаю съ вами, проспру не вѣшви пальмовыя,

„но ученіе, чтобы, подобно вдовицѣ, принести
 „двѣ лепшы.“ Киннаѣ въ Римской Исторіи
 пишетъ, что и на Западѣ Императоры во-
 дили коня подѣ Папріархомъ. Оларій же въ
 своихъ пугевыхъ запискахъ, ссылаясь на
 хронику Антонина, Епископа Флорентин-
 ского, свидѣтельствуетъ, что Императоръ
 Константинъ Мономахъ, жившій въ XI вѣкѣ,
 держалъ за узду лошадь у Папріарха Миха-
 ила Келуларія, когда онъ садился на нее, и
 велъ ее. Гилдебрандъ описываетъ намъ чрез-
 вычайное удивленіе Турецкихъ посланниковъ,
 сморгнувшихъ въ Краковѣ подобную церемо-
 нію, и Францисканецъ Каремъ, посѣщавшій
 Палестину въ началѣ XVII вѣка, такъ изоб-
 ражаетъ видѣнный имъ обрядъ Входа въ Іе-
 русалимъ: „Для сохраненія воспоминанія о
 „поржеспивенномъ шествіи Спасителя, еже-
 „годно въ день праздника Входа Архіерей Св.
 „горы Сіона съ брашніею, спранниками и жи-
 „шелями Іерусалима, по примѣру Хріста и
 „учениковъ его, отправляется въ Виѳфа-
 „зію и, тамъ облобызавъ св. землю, пворяетъ
 „молившу; потомъ Архипастырь говоритъ
 „малому своему стаду поученіе, приличное
 „времени и мѣсту. По окончаніи духовной
 „бѣсѣды, діаконъ въ облаченіи читаетъ Еван-
 „геліе отъ Матѳея, которое обыкновенно
 „въ епопъ день назначено для чпенія въ

ицеркви и при словахъ тогда *Иисусъ посла
дѣа ученика, глаголя ила* — Архіерей гово-
рять двумъ братамъ, которые приходятъ
къ нему и дѣлають поклоны: *Идита въ весь,
яже прѣлю ваиа*; напоследокъ діаконъ окан-
чиваетъ Евангеліе (10). Между тѣмъ двое
обратій идутъ къ граду, п. е. къ тому мѣ-
сту, гдѣ нѣкогда была весь ослицы и, на-
шедши приготовленное уже тамъ осли, ве-
дутъ его къ Архіерею, котораго и сажаютъ
на это живоное, покрытое одеждою. Архи-
епископъ, возсѣвъ на осла, шествуетъ чрезъ
Масличную гору въ Іерусалимъ въ сопро-
вожденіи Духовенства и прочихъ вѣрныхъ,
которые постилають ему на пути травы,
цвѣты и одежды свои и, подобно дѣшамъ
Еврейскимъ, поютъ *Осанна*. По прибытіи
къ тому мѣсту, гдѣ Христось, увидѣвъ
градъ, оплакивалъ его, читается XIX глава
Евангелія отъ Луки, въ коемъ описывается
плачь Иисуса. Потомъ шествіе продолжается
при безчисленномъ спеченіи народа. Какъ
нельзя нынѣ входить черезъ Золотыя во-
ропы: то процессія вступаетъ въ Сіонскія

(10) *Die Feste der alten Christen*, von D. J. W. Augusti.
2 B. Leipz. 1818, in 8. — О великихъ Господ-
скихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ.
1835, въ 12.

»и опшуда достигаетсяъ церкви Спасителя.
 »Тамъ сходитъ Архіерей съ осяпши и по
 »успаву совершаетъ въ церкви службу, кото-
 »рая оканчивается благословеніемъ народу.«

Въ Римско-Католическихъ спранахъ; кромѣ
 освященія ваій, существовало прежде обыкно-
 веніе въ праздникъ ваій, у Нѣмцевъ названный
голубою Пасхою (der blaue Ostertag и Palm-Sonntag)
 возитъ въ процессіи колесницу, на которую
 спавился рѣзный изъ дерева осель съ изо-
 браженіемъ возсѣдающаго на немъ Хріста.

Опечеспвенная церковь для своихъ цѣ-
 лей скорѣ могла заимспвовать *обрядъ ше-
 ствіа на осяпши* отъ Грековъ, чѣмъ отъ Ла-
 тынянъ, по опчужденію себя отъ послѣд-
 нихъ: Вѣроятно, Россійскіе Свяпители, из-
 древле хиропонисанные въ Царьградѣ, и па-
 ломники, видѣвшіе въ Св. Землѣ епо тор-
 жеспвенное дѣйспвіе, перенесли его въ свое
 опечеспво, гдѣ оно измѣнялось въ часпныхъ
 особенностяхъ, смощра по обстоятельствомъ
 времени, по произволу Государя и Свяпи-
 шеля. И такъ, обыкновение сіе, похваль-
 ное по назиданію, какое Самодержцы подавали
 народу своимъ смиреніемъ и уничиженіемъ
 въ лицѣ Іерарха предъ самимъ Царемъ цар-
 спвующихъ, было не новое и не часпное для
 одной Россіи: оно проявляло духъ того
 вѣка и сдѣлалось испорически въ ней извѣ-

спнымъ не прежде XVI стол. Но какъ народъ спалъ смотрѣть болѣе на внѣшность, нежели на духъ сего обряда: по сперва на Западѣ, потомъ на Востокѣ, а наконецъ и въ нашемъ отечествѣ онъ уничтожился; но воспоминаніе оспалось въ настоящемъ гуляньѣ народномъ на Красной площади, куда народъ собирается, и по прекращеніи духовной церемоніи, смотрѣть и почитать изукрашенную вербу. Капанье въ экипажахъ, по преданію, въ Вербную субботу началось здѣсь не прежде царствованія Анны Ивановны.

Въ Кіевской Губерніи доселѣ еще накануне праздника Входа въ Иерусалимъ, въ вечернее время, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, бываетъ поржесственнѣйшій ходъ съ освященными молишвою ваіями, изъ одной какой либо церкви въ другую. Въ Харьковѣ, въ Вербную недѣлю, училищное Начальство тамошняго Коллегіума вмѣстѣ съ воспитанниками онаго совершало шествіе съ вербами изъ градской приходской церкви С. Димитрія. Въ слободѣ Копельвѣ Ахпырскаго уѣзда, по свидѣтельствву Г. Маркова, ежегодно тогда же носилась верба народомъ вмѣстѣ съ Духовенствомъ изъ Троицкой въ Преображенскую церковь. Голембовскій описываетъ намъ обряды вербные въ Польскихъ училищахъ. Въ Цвѣтноносное Воскресенье, въ Липвѣ и

Польшѣ изъ каждой приходской школы, выбирали учениковъ для процессіи, одѣвъ ихъ въ лучшее платье; съ букетами цвѣтшвъ, имѣя на рукахъ fontarie, перевязанныя шелковымъ платкомъ или лентою, они держали въ рукахъ пальмы (вербы). При Владиславѣ IV, баричи въ бѣлой одеждѣ подносили Королю пальмы: обычай прекращенъ при Янѣ Казимирѣ. Въ Липовѣ и Красной Руси, по возвращеніи изъ церкви домой съ вербою, богомольцы били взаимно дѣшей и домашнихъ, говоря:

Ne ja biju,
 Werba bije.
 Za tyzdeń,
 Welik deń.
 Chira w lés,
 Zdorowje u kości! (11)

Подобный обычай доселѣ отчасти удерживается въ великой Россіи у просіяилюдиновъ; кто проспалъ Вербную заупрению, пого бьютъ вербою, приговаривая: *Не я бью, а верба бьетъ, или Верба хлѣстѣ, бей до слѣзъ! на красныя ящы, на мягкія перепети!* Выше замѣтили мы, что въ Юрьевъ день, освященною вербой выгоняютъ скотину въ поле для предохраненія оной отъ болѣзни и напастн.

(11) Lud Polski, p. L: *Golebiowskięgo*, w Warsz. 1830, in 8.

III.

О СКУДЕЛЬНИЦАХЪ , ИЛИ УБОГИХЪ ДОМАХЪ ВЪ РОССИИ.

Воздавать послѣдній долгъ смертнымъ останкамъ согражданина и ближняго было священной обязанностью у древнихъ народовъ, ознаменовавшихъ бытіе свое въ Истории міра дѣлами. Обычай праотцевъ, законы и самая религія освятили сію обязанность, которую Греки язычники называли *праведною*, *законною* (*δίκαια*), а Римляне *justa*, ш. е. *funera*; нарушеніе оной вмѣнялось въ преступленіе (1). У Евреевъ почиталось богоугоднымъ дѣломъ погребать убогихъ мертвыхъ и на могилахъ ихъ раздавать пищу убогимъ живымъ (2), равно какъ лишиться погребенія или не быть на поминаненіи родныхъ поспавлялось въ наказаніе, коимъ угрожаетъ Пророкъ незаконнымъ, именно въ

(1) *M. T. Ciceronis de legibus l. III. ed. I. Goerens. Lipsiae. 1819, in 8.*

(2) *Тов. IV, 17. Иерем. Сир. VII, 36. Diction. histor. crit. chron. etc. de la Bible, par le pere Dom A. Calmet, VI t. à Toulouse. 1783, in 8.*

пакихъ словахъ: не погребутся, ни оплатутся— и не преломятъ хлѣба въ стенаніи ихъ ко утѣшенію надъ мертвыми, и не дадутъ или питія таши ко утѣшенію надъ отцемъ и матерію ихъ (3). Добрый Товітъ, въ день Св. Пятидесятницы за прапезою, услышавъ отъ сына своего Товія, что одинъ изъ земляковъ (отъ рода) удавленный лежитъ на шоржищѣ, оставилъ свою прапезу и пошелъ его похоронитъ (4), положивъ его до захождения солнца въ нѣкоемъ долѣ. — Слѣдуя етому челоѣколюбивому примѣру, церковъ спавляетъ въ числѣ дѣлъ милосердія погребеніе умершихъ въ крайнемъ убожествѣ. Въ первенствующей церкви Хрістіане изъ челоѣколюбія и милосердія обрекали себя на погребеніе усопшихъ собратій своихъ; они извѣстны были подъ именемъ *труждающихся*, которые и донынѣ поминаются на ектеніи въ божественной литургіи (5). Етому примѣру подражала не только Восточная, но и Западная Церковъ. Одинъ изъ нашихъ путешественниковъ замѣчаетъ, что во Флоренціи съ

(3) *Иереміи*, XVI. 7—8 и XXII, 9—18.

(4) *Книга Товіта*, гл. II, ст. 3. гл. I, ст. 17. И аще коего отъ рода моего видѣхъ умерша и извержена внѣ стѣны Ниневіи, погребяхъ его.

(5) *κοπάται*, *κοπιώντες*, *fossarii*, *vespillones*. — R. P. *Goar ETΧΟΛΟΓΙΟΝ*, s. rituale Graccorum. Venet. 1730, in f.

XII вѣка еще и доселѣ существуетъ состоящее изъ почетныхъ гражданъ *Общество братьевъ милосердія*, къ которому принадлежать за честь себѣ поставляли и Герцоги Тосканскіе: оно имѣетъ цѣлю благошворить убогимъ и погребать ихъ. Члены сего Общества, одѣвшись въ черное льняное платье, съ закрытымъ лицомъ, несутъ на плечахъ своихъ тѣло усопшаго нищаго до кладбища и тамъ честно предають его землѣ (6). Въ Россіи были таковогожъ рода пруженики, которыхъ имена сохранены для насъ отечественными лѣтописцами: въ Кіевѣ св. угодникъ Божій Марко гробокопатель, въ Переславлѣ-Залѣскомъ С. Даниилъ Пропасіевъ, въ Новгородѣ боголюбивый Спанило и нищей Жгальцо. Спражи Убогихъ домовъ назывались *Божедомали*; а въ Новгородской и Вологодской Губерніи *Богорадныи* и *Божатыи* (7).

„Хрістіанская набожность нашихъ предковъ — пишетъ Карамзинъ въ своей Исторіи — произвела одинъ умилительный обычай. Близъ Москвы было кладбище, называемое *селоио скудельнициио*, гдѣ люди добролюбивые, въ четвертокъ передъ Троицынымъ днемъ, сходились рыть могилы, для

(6) Сверхныя цѣвты. Спб. 1825, въ 16.

(7) О Божедомѣ сохранилась въ народѣ и поговорка: *Живетъ одинъ, какъ Божедомъ*.

„спранниковъ и пѣтъ паннихиды въ успокое-
 „ніе души тѣхъ, коихъ имена, опечество и
 „вѣра были имъ неизвѣстны; они не умѣли
 „назвать ихъ, но думали, что Богъ слы-
 „шитъ и знаетъ, за кого возсылаются къ
 „Нему сіи чистыя, безкорыстныя, истинно
 „хрстіанскія молитвы. Тамъ погребались
 „тѣла, находимыя въ окрестностяхъ города,
 „а, можетъ быть, и всѣхъ иноземцевъ.“ (8)

Въ опечественной Исторіи прогашель-
 ное воспоминаніе о семъ благочестивомъ обы-
 чаѣ предковъ нашихъ заставляешъ насъ из-
 слѣдовать нѣсколько подробнѣе оный, тѣмъ
 болѣе, что онъ принадлежитъ къ опечествен-
 нымъ Древностямъ и къ Исторіи Церкви, по
 своему началу, цѣли, времени и мѣсту его
 учрежденія въ Россіи. Еще и теперъ существу-
 ютъ многія урочища, запечатлѣнные названі-
 емъ *Скуделенѣ*, или *Убогихѣ домовѣ*, какъ въ са-
 мой древней Сполицѣ, такъ равно и во многихъ
 другихъ городахъ Россійскаго Государства.

Скудельницы, или *Божіи дома*, получи-
 ли свое начало отъ подражанія бывшему
 близъ Иерусалима на горѣ Сіонѣ *Селу скудель-
 ниту*, купленному Іудейскими Архіереями за
 тридцать сребрениковъ, цѣну предашельства
 Іудина; почему и называлось сіе мѣсто

(8) *Харалз. И. Р. Г. т. VII. 2 изд.*

село крове (Ажелдама). Такъ какъ епо поле скудельниче (*ἀυρὸς τοῦ κερამέωτος*), изпощено было горшечными заводами и не годилось ни на какое другое употребленіе; посему и назначено Іудеями для погребенія *спранныиѡ*, п. е. Іудеямъ, приходившимъ въ Іерусалимъ на поклоненіе Богу изъ опдаленныхъ спранъ и, при внезапной смерти своей, немѣвшимъ себѣ мѣста для погребенія (9); ибо жители Іерусалимскіе не допускали хоронить ихъ на своихъ кладбищахъ. І. Злапоуспъ говоритъ, что при самомъ въѣздѣ въ города были подобныя кладбища. У Римлянъ мѣста для погребенія бѣдныхъ внѣ города издревле существовали подъ именемъ *Ruticulae*, гноища.

Въ Россіи *Скудельницы*, успроенныя по примѣру Грековъ, назывались также *Буйвищами* въ Тверской и Псковской Губерніяхъ, и *Гноищами*, какъ видно изъ завѣщанія Митрополита Стефана Рязанскаго, который просилъ похоронить себя за городомъ *на гноищѣ*. Въ Коспромѣ донинѣ существуетъ церковь С. Козмы и Даміана *на гноищи*. *Убогіе доли* сходспивуютъ съ *Жаляля* и *Жальниками* въ мѣсахъ, не только въ Новгородской Губерніи, но и въ Великой Польшѣ, въ землѣ Добрынской и Хельмской и въ Куявахъ:

(9) *Матв.* XXVII, ст. 7. — *Дѣян. Апост.* I, ст. 19. см. D. J. *Rosenmülleri Scholia in Nov. Test.* t. I. Norimb. 1835. 8.

на епихъ Жальникахъ хоронятъ самоубійць и младенцевъ мерпворожденныхъ. *Усыпальницы же* въ нѣкошорыхъ монастыряхъ состоятъ изъ сарая съ ямникомъ, куда спавяпъ гробы и засыпаюпъ ихъ землею погда, когда ими наполнися весь ямникъ.

Извѣстно, что въ Россіи издревле до XVIII вѣка погребали богатыхъ и значительныхъ людей внупри городовъ, при церквахъ; а убогихъ опвозили на Убогіе дома, кои состояли изъ ямника, опущеннаго въ землю, съ сараемъ сверху: при нихъ бывала часовня для пристанища крестному ходу, или церковь. Въ Семицкій четвергъ, на седьмой седмицѣ по Пасхѣ, когда церковь наша поминаепъ всѣхъ прежде почившихъ опець и брапій и приносипъ *огштительныя молитвы и жертвы о душахъ ихъ* — бываль на Божедомку изъ ближайшаго монастыря, или Собора крестный ходъ (10) и спекался народъ съ гробами, одеждами и саванами для мершвыхъ: благочестивые сами изъ усердія рыли ямы, разбирали голыми руками шѣла, по большей части, завернушыя въ рогожки, и по Хрістіанскому милосердію, не гнушаясь опврапительнаго вида и запаха шруповъ, долго лежавшихъ въ ямникѣ

(10) Книга *Пентікостаріювъ, еже есть Пятдесятница*, см. Службу въ медялю Пешікоштіи.

сарая, опряшивали оные, надѣвали на нихъ бѣлыя рубахи и саваны, потомъ клали въ гробы и опускали въ приготовленные для сего ямы и зарывали; иные между тѣлами находили своихъ родныхъ или знакомыхъ, безъ вѣсти пропавшихъ.

По заваленіи епихъ ямъ, Духовенство совершало общую паннихиду; послѣ чего доброхотными дашелями раздавалась Божедому и собиравшимся на Убогій домъ нищимъ милоспыня и приносимые шуда съѣстные припасы, какъ-то: блины, пироги, калачи и пр. Кромѣ Семика, 1668 г. въ день Покрова Божія Матери, посылались Патріархомъ, Архимандриты и Власти на Убогій домъ для опривленія общей паннихиды по убогихъ, копорыхъ тогда же погребали въ общей ямѣ (11). Очевидный свидѣтель въ XVI вѣкѣ Принцъ-Буххау, Цесарскій посланникъ въ Россіи, утверждаетъ, что такая церемонія совершалась троекратно въ годъ (12). Кромѣ Семика и Покрова, установлена была 21 Іюня общая память по усопшихъ, какъ видно изъ грамопы 1548 г. (13), или въ другой день.

(11) Древняя Росс. Вивліоѳека, ч. X. Москва. 1789, въ 8.

(12) De ortu et progressu Moscoviae. Gubernae. 1620, in 12.

(13) Акты археографическои Экспедиціи. т. 2, Спб. 1836, въ 4.

Помянувъ покойныхъ на Убогомъ домѣ, народъ обращался къ проспымъ увеселеніямъ, съ какими соединенъ былъ сущесивующій съ незапамятныхъ временъ праздникъ *Семикъ*, какъ бы преддверіе весны и радостное прообразование оживленія природы.

О назначеніи, распространеніи и уничтоженіи въ Россіи *Скудельницъ*, или *Убогихъ домовъ*, упоминающъ не только опечесивенные, но и чужестранные писатели, какъ о предметѣ, достопримѣчательномъ въ отношеніи къ народности, религіи и нравспвенности. Учрежденіе скудельницъ у Рускихъ составляло, пакъ сказать, переходъ опъ языческой Тризны или Справы къ благочестивому и челоѡколюбивому обычаю погребенія и поминовенія умершихъ, къ коему могутъ относиться и слова В. К. Владиміра Мономаха: „надъ мертвеца идѣше, яко вси мертвени „есмы“ (14).

Съ поспешнымъ введеніемъ и распространеніемъ св. Вѣры въ Россіи введенъ и распространенъ епотъ обычай, проповоспавленный языческимъ обрядамъ Семика, еще свѣжимъ и памятнымъ въ первыя времена Рускаго Хрістіанспва. Когда самыя

(14) Духовная В. К. Владиміра Мономаха дѣшьямъ своимъ. Слб. 1793, въ 3.

церкви и погосты оныхъ, или монастыри служили усыпальницами для прихожанъ и когда не было еще общественныхъ кладбищъ: тогда убогіе, скудные и пришельцы, застигнутые насильственною или внезапною смертію, полагались въ Убогихъ домахъ внѣ города до срока общаго погребенія и поминавенія.

Но прежде нежели рассмотримъ, когда и гдѣ появились первыя скудельницы и какое ихъ было назначеніе, постараемся разобрать самое значеніе словъ *Убогіе дома*.

§ 1. Въ праздникъ Пяпдесятиницы, *иже есть свято́ седль седмино́*, Церковь наша, воспомяная въ *мертвенныхо́* молипрословіяхъ своихъ о всѣхъ прежде почившихъ отцахъ и братіяхъ, отъ вѣка усопшихъ, въ упованіи на милосердіе Искупителя, ходатайствуетъ за *убогихо́* Божіихъ, постигнутыхъ напрасною смертію — попаленныхъ молніею, замерзшихъ отъ холода, утопшихъ, убитыхъ на брани или разбойниками, отравленныхъ и пр. (15).

Самое слово *убогій* имѣло разныя значенія, которыя заключали въ себѣ выше изло-

(15) см. *Пяптікостаріонъ*, Служба въ седьмую седмицу до *Пасхы*.

женныя поняпія, такъ чшо и разное словопроизводство имъ не противорѣчипшъ. Если пріняпшъ производство онаго опшъ словъ *у Бога*, п. е. живущій *у Бога*, подъ Его кровомъ, какъ богадѣльникъ, п. е. *Бога дѣля* (для): то оно будетъ означать всѣхъ лишенныхъ крова и средства къ пропитанію—бѣдныхъ, скудныхъ, нищихъ, странннхъ, или со стороны прішедшихъ, стороннихъ. Если же производипшъ сіе слово опшъ *убой*, *убійство* (ибо и на древнемъ холщевомъ анпиминсѣ церкви св. Іоанна Воина на Убожедомкѣ написано *на убоихѣ домѣхѣ*); то будетъ означать убитыхъ, или застигнутыхъ насильственною смерпію на дорогѣ или на улицѣ, и даже казенныхъ шорговою казнію. Досповѣрно, что и шѣ и другіе погребались на Убогихъ Домахъ, и подъ словомъ *убогіе* разумѣлись шѣ и другіе, какъ объясняется древними памяпниками, протспонароднымъ и обласпнымъ упопробленіемъ сего выраженія. Въ доказательство перваго словопроизводства послужипшъ великаго въ благочестивомъ смиреніи Архипастыря Св. Димитрія Туппалы *Духовная грамота*, гдѣ онъ именно такъ завѣщаетъ: „И аще мене шпачо *нища* никшо же восхощепшъ обычному шпредати погребенію, молю убо шѣхъ, иже швою смерть памяпствуюпшъ, да опвлечу пшѣ мое грѣшное шѣло во убогій домъ, и

„тамо между прупіямъ да повергуть е.“ (16)—
 Въ доказательство же втораго послужишь
 намъ послѣдняго Папріарха Росс. *Адріана*
наказѣ поповскииѣ старостаиѣ, гдѣ именно
 означается, кого должно хоронить на Убо-
 гомъ дому: „А который человекъ обьси-
 ся, или зарѣжешся, или купаешся и похва-
 ляешся и играя ушонешъ, или вина опьеш-
 ся, или съ качели убьешся, или иную ка-
 жую смерть самъ надъ собою своими ру-
 жами учинишь, или на разбоѣ и на воровствѣ
 „какомъ убитиъ будешъ, и тѣхъ умершихъ
 „тѣлъ у церкви Божіи не погребашъ, и надъ
 „ними опщвашъ не велѣшь, а велѣшь ихъ
 „класъ въ лѣсу, или на полѣ, кромѣ клад-
 „бища и убогихъ домовъ. Который чело-
 „вѣкъ на разбоѣ, или на воровствѣ будешъ
 „бипъ, и пришлютъ для исповѣди къ опцу
 „духовному, и того разбойника или вора при
 „смерти исповѣдаешъ, и по разсужденію опца
 „духовнаго, запасными дары причастишь, а
 „какъ онъ умрешъ, и его положишь безъ
 „опщванія въ городѣ въ убогомъ дому,
 „гдѣ такіежъ воры и разбойники кладуся.
 „Которые въ городѣхъ воры и разбойники
 „мужеска и женска полу по указу Великаго

(16) Сочиненія Св. *Димитрія М. Ростовскаго* I т. М.
 1865—7, въ 4.

„Государя осуждены бѣдуть къ смертной казни, и шѣ воры и разбойники при смерти просить бѣдуть опцевъ духовныхъ, чшобъ имъ предъ ними исповѣдашся, и шѣхъ воровъ и разбойниковъ вельшь попомъ исповѣдашь, и по разсужденію опцевъ духовныхъ, запасными дары причастимъ, и послѣ казни вельшь ихъ класъ въ Убогомъ дому« (17).

Изъ преданій и лѣтописей значится, что на Убогихъ домахъ иногда хоронили и самоубійць; сіе подтверждается также грамошою Папріарха Філарета (за полѣтка до Адріанова наказа), данною 1619 года Арзамаскому Спаскому монастырю (18). Упомянутая о сборѣ вѣчныхъ и похоронныхъ пошлинъ съ крестьянъ того монастыря, Священель заповѣдываетъ: „похороняши имъ шѣхъ людей, надъ которыми учинится скорая смерть, кусомъ подавится, или кто кого ножемъ зарѣжетъ, или съ древа убьется, или упонетъ не купающися, или оправною смертію умретъ, а не самъ себя оправитъ, шѣхъ у церкви Божіей похороняши и надъ ними опѣваши, какъ и надъ прочими хрістіаны; а который человекъ вина опьетъ, или удавшися, или зарѣжетъ, или съ ка-

(17) Древн. Росс. Вивл. ч. XV. стр. 386, 1790 въ 8.

(18) Исторія Росс. Іерархіи. т. III. стр. 269.

„челей убьется, или купаючись утонетъ,
 „или самъ себя оправипъ, или иное какое
 „дурно самъ надъ собою учинипъ, и тѣхъ въ
 „церкви Божіей не похороняши и надъ ними
 „не оппѣваши, велѣши ихъ класпи въ *убогихѡ*
 „*домахѡ*, а похороннаго имаши по гривнѣ.“ —

Вѣроятно, что это постановленіе было частнымъ, мѣстнымъ исключеніемъ, которое опчасти согласно было съ правиломъ церковнымъ, допускающимъ тогда только совершати моленіе надъ самоубійцею, *аще онѡ будетѡ во истину умѡ погубилѡ*. „Въ семъ случаѣ, какъ замѣчаетъ М. Митрополитъ Філаретъ, дозволено самоубійцу похоронипъ на такомъ кладбищѣ, каково Убогій домъ, гдѣ о погребенныхъ совершалось церковное моленіе“ (19).

Убогій домъ былъ также опальнымъ кладбищемъ, гдѣ хоронили казненныхъ, или умершихъ въ опалѣ. Тѣло Царя Бориса Годунова, погребенное съ честію въ Архангельскомъ Соборѣ, по приказанію Димитрія Самозванца, вынута изъ гробницы, и не въ двери, но чрезъ нарочно пробитое въ спѣнѣ Собора отверстіе выброшено и погребено въ единомъ опъ *убогихѡ* монастырей — Московскомъ Варсонофьевскомъ (20),

(19) Мороз. Лѣтол. въ *Кар. Ист. Гос. Росс.* т. XI.

(20) Труды Общества Ист. и Др. Росс. ч. III. кн. I. М. 1826, въ 8.

при коемъ находился Убогій домъ съ церковію, донынѣ состоящею, Св. Николая, что въ Звонаряхъ (21). Наконецъ, и шрупъ Димитрія Самозванца, преемника Борисова, изъязвленный, обнаженный и обруганный народомъ, какъ ненавистные останки злодѣя, опвезенъ въ Убогій домъ (гдѣ нынѣ Убожедомскій Покровскій монастырь); но дроги, на коихъ лежалъ Опрепьевъ, не проѣхали въ ворошы сего дома: по духу погдашняго времени, епо приписали чуду — шрупъ сняли съ дрогъ и спацили его въ яму Скудельни. Во время пребыванія Опрепьева тѣла на Убогомъ дому, какъ погдашній лѣтописецъ свидѣльствуетъ, видали надъ нимъ разные чудные и спрашные призраки, слыхали вопли и завыванія; шрупъ его будто являлся по за верспу предъ Убогимъ домомъ, по близъ онаго; къ епому выпалъ глубокій снѣгъ, насталь холодъ и свирѣпствовали ужасные вихри (епо было въ Маѣ, 1606 года). Изъ чего погда и заключили, что земля не принимаетъ Самозванца — и перевезли бездушные останки безпокойнаго мертвеца на Серпуховскую дорогу и въ мѣстечкѣ Коплахъ сожгли его и пепель разсыали по

(21) *Мичурина* Планъ Москвы, 1739, и Пушеводитель къ древностямъ и достопамяностямъ Московскимъ. М. 1792. 4 части, въ 12.

воздуху (22). И пакъ, *убогими* назывались опальные, лишенные св. напутствія таинствами, оставленные безъ совершенія надъ ними обрядовъ оплѣванія въ церкви и не оплаканные родными. *Скудельница* собственно происходила отъ *села скудельнига*, поля, гдѣ добывали глину, каковое, какъ видно изъ Евангелія, куплено было для погребенія спранныхъ; у Рускаго народа, по замѣчанію Доктора Богословія П. М. Терновскаго, сіе слово весьма хорошо могло бытъ употреблено для означенія мѣста погребенія *скудныхъ*, *убогихъ*, также по созвучію его съ словомъ *скуда*, убожество, скудость, и по сходству истощенной, бесплодной земли съ неимущимъ, скуднымъ человекомъ.

§ 2. О скудельницѣ въ первый только разъ упоминаеть Новгородскій Лѣтописецъ 1250 года, что Архіепіскопъ Спиридонъ поставилъ въ Новгородѣ скудельницу у Св. Апостоль, въ ямѣ на Прусской улицѣ, выбралъ для смотрѣнія за оною человеклолюбиваго мужа Спанилу. Лѣтописецъ, говоря объ епомъ, по тогдашнему времени, полезномъ учрежденіи Спиридона, какъ о внушеніи Божіемъ,

(22) Дополненіе къ Дѣян. Петра I, часть I, стр. 294.

прибавляешъ слова: *и вложи Богъ въ сердце благое творити Владыцѣ*. Тупъ же лѣтописецъ замѣчаетъ: „нии (во время голода) про- „спаа чадь рѣзаху люди живыя, и ядыху; а „нныя мерпвое прупіе обрѣзывающее ядыху— „и поставиша другую скудельницу конецъ „Чюдницевъ улицѣ, а па полна бысь.“ — Во время сильного мора въ Смоленскѣ, 1251 года, сдѣланы были чешыре скудельницы; въ двухъ положено 16 тысячъ человѣкъ, въ прешей 7 тыс., а въ чепвертой 9 тыс. челов. (25). При распроспраненіи Черной смерти въ Росіи, въ XIV в., спроились во многихъ мѣспяхъ скудельницы для погребенія погибшихъ. Когда епомъ моръ посѣпилъ Псковъ: погда, по сказанію пуземнаго лѣтописца, „ведедуш- „нии, весь спрахъ смерпный опъ сердець „своихъ опринувше, безъ сомнѣнія, и чуждая „мерпвезы, или сироты и убогиі небрегомы, „пѣхъ опряпывающе и износяще, погребяху „и память по нихъ творяще службами и „просвирами, спасенія ради себя и своимъ „душамъ.“

Во время Новгородскаго мора 1467 года, въ Неревскомъ концѣ, при Звѣринскомъ дѣвичемъ монастырѣ была близъ церкви Покрова Богородицы *велія скудельница*, Архіепіскопъ

Иоаннъ, по сказанію лѣтописи, слышалъ
 свыше гласъ: *иди со кресты въ Неревской ко-*
нецѣ и престанетѣ морѣ. Послѣ молебна предъ
 явленною на скудельницѣ иконою С. Симеона
 Богопріимца, морь спалъ преобразашся. Во
 время Псковскаго мора, 1465 года, во всякомъ
 концѣ выкопаны были скудельницы, гдѣ кла-
 ли мертвыхъ (24). Въ Софійскомъ времен-
 никѣ, подъ 1474 годомъ, упоминается о
селѣ скудельникѣ въ Москвѣ и припомъ
 повѣствуется слѣдующій замѣчательный слу-
 чай: „Человѣкъ нѣкій во градъ Москвѣ хо-
 „дивъ по обычаю къ селу скудельничу, иже
 „имѣють гражане на погребеніе спраннымъ:
 „обычай же имѣяху въ чепвергъ 3 недѣли
 „ходиши тамо, и бупяху шушо канонъ и
 „свѣща и молбу творяху о умершихъ (вку-
 „лѣ же и сей идяше) и загребаху спарую яму,
 „иже полну мертвыхъ наклады, а новую
 „ископаваху; шу же вси и копають и засы-
 „пають землю Бога ради, но вси гражане
 „мужи и жены. Сей же человѣкъ вземъ въ
 „приполь земли изъ новыя ямы, да понесе
 „на шу спарую, и тѣснопы ради людскыя
 „спопѣкнуся паде на земли, внезапно оглохну
 „и онѣме.“ Мощи св. Θεогноста Митрополита
 въ Успенскомъ Соборѣ его изцѣлили. —

(24) *Карамз. II. Г. Р. т. V.*

Въ *Новгор. Акт.* подъ 1570 годомъ, когда случился моръ; упоминается, что «вго Сена» «пября, за городомъ у Рожества Хриспова» «на полъ всемъ Новымъ городомъ, всеми со» «боры опывали умершихъ надъ скудельни» «щею и загребали скудельницу: а душъ въ» «той скудельницы 10 тыс., а шупъ былъ на» «провожанъ Иванъ Жгальцо, нищей спа» «рецъ, который въ тѣхъ скудельницахъ по» «гребаешъ.» Когда въ голодный годъ на Дви» «нѣ, въ Холмогорахъ въ 1549 г. мерло много» «людей: тогда погребали мерпвыхъ человекъ» «по 200 или по 300 въ одну яму (25). Царь» «Юаннъ Васильевичъ на мѣстѣ Скудельницы,» «или пакъ называемаго *Рускаго кладбища*,» «гдѣ погребены были тѣла Рускихъ, падшихъ» «при осадѣ Казани; построилъ въ 1552 году» «Зиланговъ монастырь (26). Когдажъ оно пе» «ренесено было на другое мѣсто: то прозвано» «*Убогимъ долгомъ*; а нынѣ *Вязкой* отъ срос» «шихся памъ вязовъ, или отъ вязкости.»

С. Даніиль Пропасьевъ, крестный отецъ Царя Юанна Васильевича, сперва жилъ въ Переславль-Залѣскомъ при Убогомъ домѣ, гдѣ въ Божедомской гробницѣ полагалъ съ подо-

(25) Опытъ трудовъ волиаго Росс. собранія. ч. I. Москва 1774, въ 7.

(26) Исторія Росс. Иерархія. ч. IV. М. 1812, въ 8.

бающимъ молитвословіемъ умершихъ разными бѣдами и поверженныхъ на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, опносилъ въ нее на своихъ плечахъ, подобно Товіи (27). Также во время Московскаго мора 1604 г., по повелѣнію Царя Бориса, приставы ѣздили изъ улицы въ улицу, подбирали мертвыхъ, обмывали ихъ, завертывали въ бѣлые саваны; обували въ красные копы и сопнями возили за городъ въ при *скудельницы*, гдѣ въ два года и чепыре мѣсяца схоронено было 127 тысячъ челоуѣкъ (28).

Кромѣ домашнихъ свидѣтельствъ, приведемъ здѣсь сказанія чужестранцевъ, описавшихъ намъ сіи учрежденія, для нихъ любопытныя. Принцъ Буххау; чрезвычайный Посланникъ отъ Императоровъ Максимилиана и Рудольфа къ В. К. Іоанну Васильевичу (29), замѣчаетъ, что „богатѣйшихъ людей Москвитяне хороняшъ въ склепахъ подъ церквами; для погребенія черни вырываютъ большую яму, въ которую, какъ скоро кто умрешъ, кладушъ шѣло безъ обрядовъ и безъ покрытія онагозем-

(27) Рускій временникъ: 2 ч. Москва. 1820, въ 8.

(28) *Карамз.* И. Г. Р. т. XI.

(29) *Moscoviae ortus et progressus, authore Daniels Priate à Vucchan. Gubenaе. 1679. in 16.*

„лею. Черезъ три или чепыре мѣсяца, тамъ
 „спроютъ домикъ (*domunculam*) и передаютъ
 „прупы надлежащему погребенію при великомъ
 „спеченіи ближнихъ и сосѣдей, копорые со-
 „провождаютъ ихъ плачемъ и воплемъ. Таковыя
 „церемоніи прижды въ годъ совершаются.“
 Сіе сказаніе подтверждаетъ и Флепчеръ
 именно такими словами: „Зимою же, когда
 „земля опъ холода опвердѣетъ пакъ, что
 „нелзя рыть ямъ; всѣ прупы свозятъ на
 „общественное мѣсто, называемое *Божій*
 „*домъ*: тамъ онъ замерзаютъ опъ спужи;
 „по наступленіи же весны и по разтаяніи
 „льда, всякой тамъ ищетъ между мерпве-
 „дами своихъ родныхъ илизнакомыхъ. При-
 „крывъ нагошу пруповъ своимъ плащемъ,
 „передаютъ землѣ и совершаютъ молишвы
 „объ усопшихъ“ и пр. (30).

Бывшій въ Россіи при Царѣ Алексіѣ Ми-
 хайловичѣ, Англичанинъ Сам. Коллинсъ пи-
 шетъ, „что убитыхъ и замерзшихъ при-
 „возятъ въ Земскій приказъ, къ коему оп-
 „носятся многіе таковыя случаи, и тамъ

(30) *Russia s. Moscovia, itemque Tartaria commentario to-
 pographico atque politico illustratae. Lugd. Bat. an.
 1630, in 16. — Сравни Сказанія современниковъ о Димш-
 рин Самозванцѣ. ч. I. Спб. 1831, въ 8.*

„выставляющъ тѣла на три или четьре
 „дни. Ежели найдутся какіе либо родствен-
 „ники или знакомые мертвыхъ: то увозятъ
 „ихъ тѣла; въ противномъ случаѣ, они оп-
 „сылаются въ большое подземелье со сво-
 „дами, копорое называется Божимъ домомъ
 „(Bozku, или Boghzi Dome): тамъ складываютъ
 „до 100 или 200 труновъ и оставляютъ ихъ
 „до весны, а весной священники погре-
 „баютъ оныя и засыпаютъ землю. Трид-
 „цать дней послѣ погребенія, родственники
 „приходятъ чипать Псалпырь надъ моги-
 „лою, выпроивъ тамъ небольшой шалашъ
 „для защищенія себя отъ непогоды“ (31). Та-
 кіе шалашы или будки запрещено строить
 при церквахъ, на гробахъ покойниковъ, ука-
 зомъ 1725 г. Октября 26.

Самуилъ Кихель, въ концѣ XVI вѣка,
 какъ очевидецъ, описываетъ Убогій домъ въ
 Псковѣ: „Для погребенія мертвымъ нахо-
 дится за городомъ кладбище, и бѣднѣйшихъ
 кладутъ въ общую яму, выкопанную на че-
 птверть часа ѣзды отъ города подъ кровлею
 и, по наполненіи, засыпавъ оную, выкапыва-
 ютъ возлѣ нея новую. При церквахъ же и въ

(31) The present state of Russia, illustred with many copper
 plates. Lond. 1671, in 12.

церквахъ погребаютъ только богатыхъ за вклады“ (32). Къ етому описанію еще прибавляетъ онъ, что „группы неизвѣстныхъ и„дались въ известковую яму, для сего при„гошовленную, гдѣ съѣдала оныя известь.“

Въ одной старой ксѣнѣ, времени Императрицы Анны Ивановны, несчастный дѣвецъ такъ описываетъ жребій свой:

Ахъ! бѣда въ скудѣ, нѣтъ мѣста въ водѣ,
Выпахнуть отполь, исушатъ, какъ моль,
Почнуть, попрошить, чтобъ кости сушить,
Да тѣмъ чередомъ и въ Убогій домъ;
Тамъ ночь велика, и до Семѣка.

§ 5. Кромѣ историческихъ воспоминаній въ лѣтописяхъ, грамотахъ Патріарховъ и Архіереевъ, указовъ Государей, и синодикахъ, кромѣ преданій, донинѣ существующихъ и самыя мѣста погребенія убогихъ, удерживающія и свое первобытное имя и слѣды могильныхъ насыпей: я говорю о церквахъ, монастыряхъ и урочищахъ — гласныхъ памянникахъ у Рускаго народа.

(32) Исторія Княжества Пековскаго. соч. М. Еренин
Кіевъ. ч. I, 1831, въ 12.

Сверхъ выше упомянутыхъ Убогихъ Домовъ, въ Москвѣ есть улица, слывущая Божедомкою, при церкви Воздвиженія Честнаго Креста, или С. Іоанна Воина *на старыхъ убогихъ домихъ* (55). Вѣроятно, ето первая въ Москвѣ скудельница, о коей упоминается въ Соф. Времен. подъ 1474 годомъ; время построения шамъ первой деревянной церкви не извѣстно: думатьъ надобно, что лѣтъ спо существуетъ нынѣшняя каменная, которую, по преданію, соорудилъ одинъ купецъ надъ прахомъ жены своей, доведенной болѣзнію до самоубійства. Какъ по описи значится, церковь еша имѣла довольно земли, смежной съ владѣніями Троицкой Лагры; въ указѣ 1667 года, Дек. 2, мѣсто сіе названо *монастырь убогихъ доми*, что за Срѣшенскими, воротами, и огорожено было заборами. Еще послѣ 1812 года, видны были насыпи, или небольшіе курганы надъ пѣлами убогихъ и обвалившіяся могилы на полянѣ противъ церкви и въ саду нынѣшней Почтамтской больницы. На могилкахъ

(33) *Жахурина* плачь Москвы 1739 г. — Въ житіи Св. Іоанна сказано, что предъ кончиною своей повелѣлъ „нѣ- „кому человеку тѣло свое положить въ домъ, идѣже „странни и незнаеміи и шциі погребаются.“ По етому, конечно, и сооруженъ придѣлъ во имя сего Святаго на Божедомкѣ.

церкви въ Семикъ, по старой памяти, народъ садился семьями поминашь покойниковъ и праздновашь честный Семикъ; теперь онъ сравненъ съ землею и путь проведена дорога.— Въ 1667 году, по указу Царя Алексія Михайловича монастырская, могильная и пашенная земля сего Убогаго дома близъ рѣчекъ Напрудной и Неглинной пожалована, по упрощенію Святейшихъ Вселенскихъ Патриарховъ, Московскому Греческому Николаевскому монастырю и о томъ дана владѣльная память (34). По близости съ Убожедомской церковью Св. Іоанна Воина, бывшая въ самой Марьиной роцѣ, у стараго Нѣмецкаго кладбища деревянная церковь Лазарева Воскресенія, такъ равно и нынѣ находящаяся при роцѣ съ кладбищемъ каменная церковь сегожь имени, слывущъ на *Убогихъ Домахъ*, или на *Божедолкѣ*; а мѣсто самое празднованія Семика и даже гудянье называются *Тюльпою*. Въ царствованіе Императрицы Елисаветъ Петровны Убогій домъ отъ церкви С. Іоанна Воина перенесенъ былъ къ Камеръ - Коллежскому валу на поле, между етой церковью и педеренимъ Лазаревымъ кладбищемъ, и потомъ уничтоженъ послѣ случившагося

(34) Собраніе Госуд. грамотъ, ч. IV.

памъ разграбленія пѣль. Близъ сего мѣста въ 1812 году, вскорѣ по изгнаніи непріятелей, въ Марьиной роцѣ сожигали десятками и сотнями въ кострахъ человѣческіе и конскіе трупы, поднятые въ древней Столицѣ. — Покровскій Убожедомскій монастырь въ Москвѣ построень на комнатныя деньги Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ, который въ 1647 году возобновилъ и Новгородскій Рожественскій монастырь, что *на полѣ у скуделенѣ*. — Кромѣ прежде означенныхъ мѣстъ въ Москвѣ, есть еще въ Пречистенскомъ сорокѣ церковь Нерукопвореннаго Спаса, зовомая *Божедомская*, или *Пятница Божедомская*, и Андреевскій монастырь, что нынѣ приходская церковь *Воскресенія Христова въ Пльницахѣ*, и пр.

Никонъ Папріархъ, желая сохранить въ своемъ Новомъ Іерусалимѣ (Воскресенскомъ монастырѣ) память о всѣхъ достопримѣчательныхъ мѣстахъ Святой Земли, наименовалъ одно село въ окрестностяхъ любимаго имъ монастыря *Скудельнитимѣ* (35).

Въ другихъ городахъ Россійскаго Государства еще уцѣлѣли божедомскія церкви и

(35) Пет. Росс. Іерархіи. т. II. стр. 309.

монашпыри и даже остатки самыхъ Убогихъ домовъ, такъ равно сохраняется преданіе о бывшихъ при семь обрядахъ. Наименуемъ нѣкоторыя изъ оныхъ. Остатки упоминаемаго Св. Димитріемъ Росповскимъ Убогаго дома еще и донынѣ сущесгвуютъ въ Росповѣ, въ Лазаревскомъ приходѣ, 2 квартала, внѣ города. Въ Ярославлѣ еще (1825 г.) видны были ямы Убогаго дома, наполненныя кочками человѣческими, кои размыты дождемъ, или раскопаны при доспаваніи песка изъ рыбининъ; это при церкви Владимірскія Богоматери, въ Рыбинскомъ переулкѣ; отсюда кладбище, по свидѣтельству старожиловъ, въ первые годы царствованія Екаперины II, перенесено къ церкви С. Леонтія Чудотворца, куда ежегодно 25 Мая, въ воспоминаніе прежняго крестнаго хода на Убогіе дома, бываетъ изъ Собора крестное жъ хожденіе. — Въ Нерехтѣ у самаго города есть лугъ съ восточной стороны, называемый *Пахоміевскою поляною*, гдѣ находилъя каменный столпъ въ память бывшей здѣсь церкви С. Пахомія съ 1592 г. и уничтоженной вмѣстѣ съ уничтоженіемъ Убогихъ Домовъ. На этомъ мѣстѣ сущесгвовалъ *Божедоловоѵ дворѵ*, куда свозили замерзшихъ, унопленниковъ и умершихъ безъ покаянія, въ вырытой ямѣ погребали при многояудномъ спеченіи жишелей изъ окружныхъ селеній, а въ церкви оп-

правлялась заупокойная обѣдня. Теперь здѣсь собираются дѣвицы на Семикъ (36). Какъ въ Нерехтѣ, такъ и въ Коспромѣ подкидывали на Убогіе дома зазорныхъ дѣшей. Предъ Семикомъ Божедомъ съ своими воспитанниками собиралъ милостыню, возя малолѣпныхъ изъ нихъ на пѣлежкѣ; подъѣзжая къ обывательскимъ домамъ, онъ припѣвалъ: „К—нѣ „сынѣ батька, к—на дочь матка, узнай „свое дитяшко, подай ему милостыню!“ Иногда выискивались родичи или сродники, и изъ рукъ Божедома брали себѣ дѣшей въ Богданы. *Божедомѣ*, *Богораднѣй*, или *Божитой* въ обласномъ нарѣчїи значить не только воспитатель незаконнорожденныхъ дѣшей (Богдановъ), но и вообще крестный отецъ. Близъ Устюга великаго, при Иоанно-предпеченскомъ дѣвичьемъ монастырѣ есть сосновая роща, гдѣ попадаются множесто холмиковъ, означающихъ *многогробичное* мѣсто; эта роща, по преданію, выросла на Убогомъ Дому, гдѣ надъ могилами усопшихъ знакомые и родные сажали по молодой соснѣ въ знакъ памяти. Туда-то и донныя собираются приходскіе священники о Семикъ пѣшь паннихиды; послѣ чего во мно-

(36) Записка М. Я. Діева изъ Сыланова.

жеспивъ шуда спекшійся народъ гуляетъ въ Семикъ подъ шѣнію сосенъ печальной роци (37).

Въ Вологдѣ есть весеннее гулянье, называемое *Поляною* отъ поляны, на коей съ незапамятныхъ временъ донынѣ народъ празднуетъ Семикъ; на семь-то мѣсѣтъ, по свидѣтельству Митрополита Еженія, былъ Убогій домъ или погребъ, въ который черезъ цѣлый годъ бросали шѣла самоубійцы; и въ Троицкую недѣлю, по обычаю другихъ городовъ, шуда бывалъ крестный ходъ съ опшѣваніемъ паннихиды надъ погребенными; послѣ чего клали шѣла въ вырышюю яму и засыпали землю, а на будущій годъ выкапывали новую (38). Такъ какъ при оныхъ домахъ иногда строились особыя церкви, а иногда часовни для приспанища крестному ходу: то и на полянѣ въ Вологдѣ была деревянная часовня. Ету часовню другой неизвѣстный изыскашель (39) выдаетъ за каменный съ деревянною кровлею голбчикъ, сооруженный надъ шѣлами *двухъ витязей Блоризцевъ*, по преданію народному, добльспвенно подвизавшихся во

(37) Сѣверн. Арх. 1824, No 17.

(38) Сѣверн. Вѣстн. 1804, No 11.

(39) Вѣстн. Евр. 1813. No 17, и 1814 No 15.

время нашествія Липовцевъ, и схороненныхъ на скудельницѣ, гдѣ погребались не столько самоубійцы, сколько умершіе насильственной смертію.

Въ Новгородѣ великомъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился Рождественскій монастырь *на скудельняхѣ*, или *на полѣ*, оспалась одна древняя каменная церковь во имя Рождества Христова, а другая, каменная во имя Св. Николая, 1766 года, построена надъ прахомъ Князей Василія Лукича и Ивана Алексѣевича Долгорукихъ, памъ казенныхъ въ царствованіе Анны Ивановны. Туда съ давнихъ лѣтъ ежегодно въ Семикъ совершается изъ кладбищенской церкви крестный ходъ послѣ обѣдни. По прибытіи на мѣсто, поютъ общую панихиду о здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ. Послѣ того, обходящъ все кладбище при пѣніи стиховъ: *плату и рыдаю*, а потомъ *не рыдай Мене Мати*. — Нѣкто Корнилій Брагинъ въ 1619 г. построилъ въ Курскѣ *Божедолскій монастырь*, нынѣ упраздненный (40).

Въ прехѣ верспахъ отъ Вязьмы, на скатѣ горы, при рѣчкѣ Русянкѣ, влѣво отъ большой Смоленской дороги, споймъ дере-

(40) Исторія Росс. Иерархіи, т. III.

вянная старая часовня, извѣстная намъ подъ именемъ *Убогаго дома*, гдѣ погребались самоубійцы и спранники.

Существованіе и въ другихъ мѣстахъ Россіи подобныхъ кладбищъ свидѣтельствуетъ, что онѣ были въ ней издревле повсемѣстными.

Касательно Убогихъ домовъ замѣчательны также Указъ, данный во 2й день Іюля 1748 года Сенату Императрицею Елисаветою Пелрвонною: „Понеже Нашъ Дворецъ въ Москвѣ на „Яузѣ рѣкѣ близъ Нѣмецкой Слободы имѣется, „въ копоромъ Мы, въ наше присущствіе въ „Москвѣ, всегда пребываемъ, а въ Нѣмецкой „Слободѣ и близъ оной при церквахъ, кои „при самыхъ проѣзжихъ улицахъ имѣются, „кладбища мерныхъ пѣлъ, особливо же въ „слободѣ въ *склепахѣ незасыпанные землею*, „кои хотя прежде и дозволено было; но „погда оная слобода была въ опдаленіи отъ „жилья въ краѣ къ пустымъ мѣстамъ и „нынѣ между Нашимъ Дворцемъ въ срединѣ „бысть спала и для того погребенію мерт- „выхъ пѣлъ весьма тупъ бысть не прилично „да и опасно; и поого ради Повелѣваемъ: какъ „въ Нѣмецкой слободѣ, такъ и близъ оной „при церквахъ, кои на проѣзжихъ большихъ „улицахъ имѣются, отъ сего времени мерт- „выхъ не погребать и старыя всѣ могилы

„заровнять и склепы, незасыпаные, землею,
 „засыпать; а впредь нѣхъ приходовъ обы-
 „вашелямъ мертвыхъ своихъ погребать въ
 „полѣ и для того отвести удобныя мѣста
 „за Мѣщанскою слободою, гдѣ имѣются *Убо-*
 „*гіе доли* въ споронѣ отъ проѣзжихъ боль-
 „шихъ дорогъ и въ отдаленіи отъ жилья,
 „по разсмотрѣнію, а для Русскихъ, гдѣ опи-
 „ведется; построишь церковь небольшую
 „на Нашъ кошпѣ, чтобъ не въ полѣ, но при
 „церкви по Христіанской должности оныя
 „погребены были.“ — При етой же Госуда-
 рынѣ въ 1744 году впущенъ былъ въ Сенатъ
 Главнойъ Полиц. Канцеляріи Членъ *Молга-*
новъ и взнесъ оной Канцеляріи доношеніе,
 которымъ пребовалъ, чтобъ „на *Убогоиѣ*
 „*долиѣ*, который близъ Марьиной роци, для
 „погребенія мертвыхъ тѣлъ *анбарѣ* испра-
 „вить, за неимѣніемъ въ Полициі на то дѣло
 „денегъ, отъ Губерніи Московскоѣ съ Духов-
 „ною Дикастунією. Указомъ Сената 22 Маія
 „того 1745 г. предписано: анбарѣ построишь
 „и впредь починивать Моск. Губернскоѣ Кан-
 „целяріи изъ неокладныхъ доходовъ той Гу-
 „берніи“ (41).

(41) По указанію ученаго любителя отечественныхъ древностей, П. В. Шереметевскаго.

Но послѣ Московскоѣ чумы 1771 г. указами запрещено было повсюду вырывать для самоубійць и скоропоспѣжно умершихъ годовыя ямы; съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожились и Божедомскіе сараи и прекращены креспныя ходы на такія мѣста, на коихъ хоронили не только *убогихъ* — умершихъ внезапною смертію, убитыхъ, опальныхъ, казненныхъ, иногда самоубійць, но даже иногда онѣ служили воспитательными домами, гдѣ призираемы были Божедомами подкидыши. Но по тому оповращенію, какое издревле Рускіе имѣли къ иновѣрцамъ, почиаемымъ погаными, нечиспыми, едва ли вполне справедливо мнѣніе Карамзина, чшобы на Убогихъ домахъ *погребались тѣла всѣхъ иноземцевъ* (42): они имѣли особенное кладбище, коего остатки существуютъ донинѣ въ Марьиной роцѣ и близъ Донскаго монастыря. Иногда же хоронили тѣла чужеспранцевъ на Убогихъ домахъ только при особенныхъ случаяхъ, какъ видно изъ Беровой лѣпописи (43) — и ешо было исключеніемъ изъ общаго правила. Въ царствованіе

(42) *Карамз.* II. Г. Р. III. VII.

(43) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, ч. I. Спб. 1831, въ 8.

Анны Ивановны донесъ Св. Синоду 1750 г. Мая 22го Иродіонъ, Епископъ Черниговскій и Сѣверскаго Новгородка, чшо Мекленбургскаго корпуса начальники и подначальные, пѣла умирающихъ между ими Лютеровъ, Кальвиновъ и прочихъ иновѣрцевъ, не хопя погребашь внѣ городовъ и сель въ *опредѣленныхъ мѣстахъ*, самовольно хороняшъ при церкѣвахъ и дѣлаюшъ подъ сими *каменныя капища*. Указомъ предписано было капища сломашь.

Изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ видно, что Убогіе дома въ Россіи были *постоянные и временные*; послѣдніе, какъ выше замѣчено, обыкновенно устроивались въ случаѣ мороваго повѣтрія, голода и нашествія враговъ, чшобы предохранить живущихъ отъ заразы, а пѣла усопшихъ отъ поруганія и чшобы исполнить долгъ Хрістіанскій преданіемъ оныхъ землѣ съ церковнымъ молитвословіемъ. Они собственно занимали средину между *погостомъ* или *кладбищемъ*, гдѣ погребались удостоившіеся Хрістіанской кончины, и *полемъ* и *лѣсомъ*, гдѣ хоронились опверженные Церковью; ибо наша Церковь самымъ мѣспомъ и обрядомъ погребенія усопшихъ постановила различіе,

назидательное для живущихъ. Въ учрежденіи ежегоднаго общаго поминовенія убогихъ видно мангиринское сердоболіе Церкви, молящейся за *поминающихъ убогихъ* (41), также благочестіе и Хрістіанское милосердіе Рускаго народа, у котораго существовалъ епопшъ обычай сполько въковъ.

(41) Въ пѣніе *Достойно* читается священникомъ въ молишвѣ:
καὶ μνημένων τῶν πενήτων.

IV.

ВЬЮНИШНИКЪ.

Такъ въ Нижегородской губерніи, въ Семеновскомъ уѣздѣ нааываютъ субботу на Святой недѣль. День ещю пражднуется въ честь молодыхъ супруговъ, обвѣнчавшихся въ печеніе прошедшаго года. Собравшись съ разсвѣпомъ въ концѣ деревни, молодежь идетъ къ ихъ дому, и, приближась къ нему, начинаютъ пѣть:

Какъ въ деревнѣ во Ильинской
У Ефима молодца,
Что споялъ шущъ перемъ
Со крупымъ верхомъ,
Со косячашымъ окномъ.
Противъ краснаго крыльца,
Прошивъ косячатаго окна,
Выросло дерево прехъ-угодливое.
Что во шомъ ли шерему
Дубовы столы спояшъ,
Дубовы столы спояшъ,
Бранны скашерни лежатъ;
На шѣхъ ли на шлолахъ,
Медвяны яшвы спояшъ.

За тѣми ли столами
 Князя, бояре сидяшь ;
 Медвяны яшвы ѣдаять,
 Сахарныя питья пьютъ.
 Се кашайшесь, бояре ,
 Со висока перема,
 Не сшибите деревца,
 Трехъ-угодливаго.
 Еще первая угода
 Подъ корень деревца,
 А другая - то угода —
 Посередь деревца,
 А третья - то угода,
 Подъ вершину деревца.
 Подъ вершиной деревца
 Соловей гнѣздо вѣсть,
 Онъ и яицы несеть,
 Молодыхъ дѣшокъ ведеть.
 Посередь деревца,
 Пчелы ярыя шумяшь,
 Много меду наносяшь.
 Подъ корень деревца
 Кровать нова песова,
 Перинушка пухова;
 На шой ли кровашушкѣ,
 Ефимушка лежишь,
 Съ молодой своей женой
 Со Оксиньюшкой душой.
 А у нихъ въ головахъ

Звончашы гусли лежатъ.
 И кому въ гусли играшь,
 Кому пѣшишься?
 Играшь въ еши гусли
 Ефиму молодцу,
 Ему пѣшишь, утѣшаешь
 Молоду свою жену,
 Оксиньюшку душу.
 Чѣмъ васъ молодцовъ
 Спанушь жаловати?
 Пивомъ, ендовой или спкляницей вина
 Или золошой казной?
 Ничего намъ не подашь,
 Мы со двора пойдемъ,
 Мы осердимся.
 Три бѣды мы сокуримъ :
 Первую бѣду:
 Вороша мы расшворимъ,
 Коней пару уведемъ;
 А другую-то бѣду:
 Избы двери расшворимъ,
 Мы гостей ознобимъ.
 Третью-то бѣду :
 Во шеремъ зайдемъ,
 Мы заслонъ унесемъ,
 Во печи оспудимъ,
 Гостию оголодимъ,
 И васъ молодыхъ
 На стыдъ наведемъ.

Пѣсня эта поется до пѣхъ поръ, пока молодые не подадутъ имъ въ окно вина и денегъ. Вино поспѣшь выпивается, а деньги беретъ старшій подъ сохраненіе. Послѣ этого поютъ слѣдующее благодареніе:

Еще здравствуй, молодой
 Съ молодой своей женой,
 И спасибо тебѣ, хозяинъ,
 На жалованьи!

Припѣвъ.

Вьюнецъ молодець, молодая,
 Вьюнецъ молодець — молодая,
 Вьюнецъ молодець — молодая,
 Вьюнецъ молодець — молодой!

Такимъ образомъ, обойдя молодыхъ въ своей и окрестныхъ деревняхъ, къ вечеру всѣ партіи собираются въ какое нибудь село, гдѣ есть питейный домъ, на собранныя деньги покупаютъ вина, пряниковъ и веселятся по-своему, то есть играютъ съ дѣвками въ хороводахъ, борются и дерутся на кулачкахъ (5).

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРЕТЬЯГО ВЫПУСКА.

	страниц.
1. Встрѣча весны	1—16
2. Красная горка	17—46
Игры и пѣсни	29—46
3. Радуница	47—54
4. Первое Апрѣля	55—61
5. Свиспопляска	62—64
6. Юрьевъ день весенній	65—80
7. Первое Мая	81—92 ✓
8. Праздникъ кукушекъ	93—98
9. Семигъ ;	99—116
Семицкія пѣсни.....	117—126
10. Троицынъ день	127—140 ✓
Троицкія пѣсни.....	141—153

Дополнительныя статьи.

1. Власьевъ праздникъ.....	154—160
2. Вербная суббота.....	161—176
3. Убогіе дома.....	177—210
4. Вьюнишникъ	211—214

П Р И В А В Л Е Н І Я .

Къ стр. 77. Въ числѣ книгъ ложныхъ писанія помѣщено: *Георгіево мученіе, рекше отъ Дадіана Царя мучень.* см. Іоаннъ Екзархъ Болгарскій, изд. К. К. Москва, 1824, въ листъ, стр. 210.

Къ стр. 116. Въ селѣ *Туровскомъ*, близъ Галича, найденъ въ 1836 г. небольшой идолъ, вылитый изъ красной мѣди, мѣдная головка идола, мѣдный ножъ и изображеніе живописнаго: сіи вещи теперъ хранятся въ Обществѣ Исторіи и Др. Росс. По преданію, на горѣ надъ Галицкимъ озеромъ существовало капище Турово.

П О П Р А В К И .

Напечатано:	Чиншай:
стр. 48 Ествовь	Финновъ и Лашышей Балтійскихъ.
— 99 tölte	töлта
— 176 школы,	школы
